

негесов, джабутов и др.), числом 4000 человек, в набег на сторону Кундуза и они, «подобно ранним кабанам, бросались в разные стороны и, метнув огонь жестокости и несправедливости в гущю спокоевства мусульман, стали вытантывать посты правоверных [и транить их] лошадами и верблюдами, не переставая избивать, вязать и ранить [население]... Этот наглый народ, беспутный в пути, все, что ему попадалось, забирал... и в течение нескольких дней, бросивши огонь мятежа и насилия в районы и окрестности [занятых ими] пределов, пожег все сухое и сырое. Пишущий эти строки, оказавшись по необходимости среди этого народа, нашел его жестоким и кровожадным; он увидел банды, весьма склонные к возмущению, наглые и ищущие убийств и побищ, посвящающие на грабеж и расхищение» (с. 124—125). Характерен и такой пример: «Для населения Балха (после взятия города бухарским войском в мае 1707 г. — Б. А.) тот день стал днем страшного суда, смутения и второго пришествия, ибо оно ввечию увидело страх [и ужасы] кончины мира на этой земле... Крик мужчины, вопль женщины и плач детей от мала до велика доносились до вращающегося неба; [при виде этого] вздохи сожаления исторгались из груди ангелов семи небес и сердце неба разрывалось от жалости..., ужасный крик пронесся из девятого неба, и молниевосный огонь ярости так воспылал, что сгорело большинство кварталов и базаров. [Военные] столько награбили [всякого] имущества из дворцов и домов богатей и владусов, что земля получила вид свиргнувшейся от бремени». Некоторые матери и дочери мусульман были утнаны, как пленницы...»¹⁷¹.

В сочинении имеются факты о злоупотреблениях, коррупции высочайших сановников и о дворцовых интригах, которые также пагубно отразились на общем положении страны. По свидетельству историка, Убайдаллах-хан «во второй половине своего царствования уклонился с пути... Он тратил свою энергию на воспитание и приближение людей низких и слабых, презренных, ничтожных и бездельных; пытал склонность к общению с негодными, с гаремными енухами и женщинами» (с. 220). В числе таких лиц им названы Туракули кушбег, Абдаллах-ходжа, Балтуин сарай, мехтар Шафи, Джаушан калмак, Биби-падша — жена хана, современники (калмыки) и слуги которой «чинили в государстве такие бесчинства, что городское и сельское население пришло в изнеможение от насилий и притеснений [ее] служащих», а также мать хана, которая постоянно вмешивалась «в дела управления государством и имела привычку входить в подробности сего» (с. 228). К злоупотреблениям этих сановников автор причисляет следующие: а) лишение танзадоров их прав и присвоение доходов от их земель себе; б) поощрение индийских ростовщиков, которые «беззаконно чинили правоверным одну неприятность за другой»; в) увеличение размера, видов налогов и повинностей, число конх было доведено до сорока; г) изменение курса денег и др. (с. 224—228). К весьма тяжелым осложнениям привела т. н. денежная реформа, проведенная ханом в 1120/1708 г. по инициативе мехтара Шафи и поджа Балтуин сарая, заведовавшего финансовым ведомством и государственной казной. Что весьма важно, Мир Мухам-

¹⁷¹ Убайдаллах-хан, с. 128.

мад Аминн Бухари смог понять истинную причину этой реформы. Вот что он говорит об этом: «Обстоятельства... введения в обращение подобных денег (дробление одной чисте серебряной таныги на четыре.— Б. А.) были таковы. Вследствие превратностей судьбы наличность в казне высококоченитых государей [Бухари] подверглась уменьшению, к сему присоединилась [также] расточительность и траты его величества государя (Убайдаллах-хана.— Б. А.). Почва же к сему подготавливалась таким образом. Финансовые чиновники небовидного дворца забирали в долг у богатых лиц города и торговцев на производство нужных и ненужных расходов казначейства много денег, так что средства дважка на покрытие [долгов] не хватало, расходы же государя день ото дня все увеличивались...» (с. 156—157). Из дальнейшего рассказа историка видно, что эта реформа особенно тяжело отразилась на положении народных масс, ибо никто новые деньги не хотел принимать, более того, все, кто был связан с ремеслом и торговлей, «заволотили досками свои лавки, прекратив [всякие] торговые операции; они унесли с базаров сундуки с товарами и съедобными продуктами; простовароые и беднота оказались в бедственном положении, лишившись ежедневного пропитания; отдавая богу души, они не находили себе даже материи на саван» (с. 158). Как явствует из дальнейшего рассказа Мир Мухаммада Аминн Бухари, в городе начались волнения. Группа лиц, которых историк называет «бандой», «разбойниками» и «глушамини», дошла даже до ворот арка и побросала их камнями. Однако они были отогнаны войсками, а предводители их, числом из четырех человек, были повешены. Словом, реформа не была отменена, а «сверез несколько дней в городе и в степи [снова] открылась торговля», трудящиеся же этим были жестоко разорены (с. 159, 226).

В сочинении приведены факты, свидетельствующие о вероломстве самого Убайдаллах-хана и его окружения по отношению к возможным претендентам на престол, как-то: умерщвление Асадаллах-султана вместе с матерью и семью его приближенными (с. 29—31), попытка физически устранить Абу-л-Файн-султана в 1709 г. (с. 172) и др.

Нетки осуждения политики Убайдаллах-хана и его приближенных особенно явно проскальзывают в цитате, приведенной автором из «Сирадж ал-мулку» («Светильник царям») Абубекра ат-Туршизи (XII в.), где, в частности, говорится: «Нуширван однажды спросил верховного жреца: «От чего зависит падение государств?» — «От трех причин [ответил великий жреб: первая — сокрытие от государя сведений [об истинном положении его царства]; вторая — восстание народа в духе презрения к нему, и третья — тирания сборщиков податей» (с. 224). Автор «Убайдаллах-наме» заключает: «Увы! Все эти три условия оказались применимы к правлению сайида Мухаммад Убайдаллах-хана» (с. 222).

Значительный интерес представляют сведения Мир Мухаммад Аминн Бухари о чиновничьей иерархии, т. е. о чинах и званиях, существовавших в позднесредневековой Бухаре: *аталык, дидтах, махрам, птах, ра'ис, закатчи, караул-беси, мухрбар, мухтар, макиб, шейтулис-лам, казий, кази клям, кази аскар, 'алам, кон-беси, диван-беси, мар-ахур, токсоба басаул, шиклава-бани, шакирдиша, чагатай-беси, кр-чы-бани, удайчи, бакаул, басаул, шыгаул, мирза-бани, мумини, мудар-рис, китаббар* и др. (сведения о них разбросаны по всему труду). При этом, что весьма важно, он указывает на обязанности некоторых

из них, как-то: *мусторфа*, ведавшего делами прихода и расхода государственных средств; *мушарифа*, в обязанность которому вменялась выдача из казны различных подарков и пожалований и их учет (с. 28, 48); *атамыка*, считавшегося «вождем всего сословия эмиров» (с. 43—44), *мушшаба*, который «был приставлен к отправлению важного дела полицейского и охраны порядка в столице» (с. 45) и др. Здесь названы и также чины, как *дабда-басага*, *муфтий аскар*, *комбелы-иш кулл*, *шагдарари* (с. 44, 45, 171 и др.), которые ранее не встречались в источниках.

В сочинении содержатся сведения и этнографического характера. В нем, в частности, речь идет о таких тюрко-монгольских племенах, населявших в тот период территорию Средней Азии, как *сарай*, *дурман*, *мым*, *ка*, *катаган*, *мансыг*, *кажесс*, *комгурат*, *найман*, *алчин*, *керант*, *курма*, *джабуг*, *месит*, *уйрат*, *литай-китчак*, *кырк*, *мерке* (род), *шадя*, *доду* и др. (сведения разбросаны по всему труду). Местами автор конкретно указывает и на территорию, которую они (например, *жым*, *катаган*, *мансыг*, *найман*, *комгураты*, *литай-китчаки*, *алчины*) заселяли (с. 35, 38, 44, 67, 70, 109, 151, 164, 191 и др.). Более того, автор раскрывает общественно-политическое положение этих племен, в отдельных случаях указывая их приблизительную численность, приводит факты, свидетельствующие об усилении распада некогда единых и сильных племенных объединений. В этом отношении интересны сведения о найманах и конгуратах, населявших в тот период район нынешнего Термеза. Во-первых, в составе племен *найман*, обитавшем в районе Термеза, было больше конгуратов; во-вторых, конгураты, осевшие здесь еще в XIII в., в XVII — начале XVIII в. разделились на две части. «Те, кто по природе своей был мусульманином, — свидетельствует Мир Мухаммад Амин Бухари, — считали необходимым повиноваться государю; они перекочевали в район Термеза и там обосновались, ставши единодушны с Ниматуллою [найманом] в расположении к государю. Те же, кто дал себе доступ к стремлениям, к возмущению и упорству и ставил свою потребностью смуту и анархию, присоединились к Шир 'Али и ушли к Ширабаду, где и поселились» (с. 70—71).

В сочинении содержатся весьма ценные географические сведения, в частности об укрепленных крепостях Мосулан (в Хисар-и шадмане, на северном берегу р. Кафоринган), Душанбе-татар (там же), Дерф и Пашхурд (в районе Термеза), об основании города-крепости Ширабад (до 1116-1117/1704-1705 гг.) и о самом Термезе XVII—XVIII вв. Этот город, носивший в древности название Бархар (с. 70) и считавшийся кожными воротами Мавераннахра (с. 72), согласно сведениям нашего историка был большим и прочным. Крепость его в то время была весьма сильно укреплена, защищенная [широкой] рекой [Аму-дарьей], а также людьми и родами из племени конгурат» (с. 70, 72). Имеются также сведения о балхском канале Нахр-и 'Абдаллах, об урочище Миср-рабат в области Шеберган и анхудских деревнях Ходжа Дукка и Салбару (с. 120, 146, 148).

Интересны приводимые здесь сведения о *джакте* (налог со скота и купеческих товаров), *икта'* (условное земельное пожалование с предоставлением его владельцу — икта'дару налогового и судебно-административного иммунитета), о роли и месте военной добычи в жизни феодального общества (с. 75, 102, 120, 192—193 и др.).

Некоторый материал о культуре Бухары начала XVIII в. содержится в заключительной части «Убайдаллах-наме». Здесь следует особо отметить сведения автора о поэтах Сайиде Насафи, который «проживал на верхнем этаже (бала-хане) мечети Надр диванбеги, не стремился посещать дома эмиров и ханский дворец, довольствуясь тем куском хлеба, который приходился на его долю...» (с. 303); мулле Фитрате, хорошо владевшем правилами науки красноречия и основами риторики и меньше всего добивавшимся посещать дворец государя и дома эмиров. «Будучи по профессии вышивальщиком золотом, — продолжает автор, — он этим ремеслом и довольствовался» (с. 309); о мулле Мульхаме — отставившем внутреннюю часть домов, заработком от которого он и содержал себя (с. 307).

ТАРИХ-И АБУ-Л-ФАЙЗ-ХАНИ

(ИСТОРИЯ АБУ-Л-ФАЙЗ-ХАНА)

Небольшое по объему (всего 161 л.; с дефектом: нет начала и конца)¹⁷¹ сочинение, в котором повествуется политическая история Бухарского ханства первых четырнадцати лет (1123/1711—1136/1723-1724 гг.) правления Аштарханида Абу-л-Файз-хана (1123/1711—1160/1747). Является своего рода естественным продолжением «Убайдаллах-наме» Мир Мухаммада Амینی Бухари; содержит ценный фактический материал о политическом и экономическом строе, существовавшем в стране владение смут, волнений и мятежей удельных правителей Мифанкада, Самарканда, Карши, Шахрисабза, Термеза и других областей. Все эти обстоятельства и привели к отделению Ферганской долины от Бухары, где образовалось самостоятельное Ковандское ханство, и установлению двоявластия в центре государства Аштарханидов: в самой Бухаре во главе с Абу-л-Файз-ханом и в Самарканде во главе с Раджаб-ханом.

Автор сочинения — 'Абд ар-Рахман Даулат, известный под псевдонимом Тале' («счастье», «восходящее светило», «счастливая звезда»). Сведения о его жизни и деятельности весьма скудны. Данные, содержащиеся в самом труде, дают нам основание высказать мнение о том, что он был одним из образованнейших людей своего времени, сведущим в таких классических науках, как астрология, поэзия и история (с. 14, 35, 54—56, 85, 86, 136). Судя по тому, что он особо выделяет похвальными эпитетами («великий везир», «уважаемый администратор», «уважаемый руководитель делами [государства]», «хранящий доктрины руководителя [веры Мухаммада]», «паломник в обоих священных местах Аравии» и т. п.) 'Абдаллах-бия кошбеги — одного из ближайших сановников Убайдаллах-хана и Абу-л-Файз-хана, а также членов их семейства (см., например, элегию, составленную им на смерть Бурхан-бена, 19-летнего сына кошбеги), то можно предположить, что он относился к числу приближенных этого высокопоставленного сановника.

Для исследователя важны, на наш взгляд, следующие сведения «Тарих-и Абу-л-Файз-хана».

¹⁷¹ Основные сведения о рукописи (ИВ АН УССР, инв. № 11) см.: СВР АН УССР, т. 1, с. 76—77 и в предисловии А. А. Семенова к изданию (на русском языке) того издания, с. 7—8.

После убийства Убайдаллах-хана и восшествия на престол Абу-л-Файза в стране воцарилась полная анархия. Абу-л-Файз, проводивший жизнь в постоянных кутежах и развлечениях, ханом был лишь номинальным. Вся власть находилась вначале в руках Джаушан калмака, а после его убийства (с. 37) у мехтара Кабули, Ма'сум-бий аталыка, Хаким-бий аталыка и других (с. 37—39). В областях же участились вооруженные стычки между различными узбекскими племенами: мангытами и кенегесами, конгуратами и найманами, хитай-кыпчаками и мингами и др., сопровождаемые грабежом и насильем над мирными жителями (с. 37—43 и др.). «Короче говоря, — свидетельствует наш историк, — в дни правления государя... [Абу-л-Файз-хана] со всех сторон возникали смуты и бунты, узбеки были во вражде друг с другом, широкие массы земледельческого населения (фукара) в [полном] расстройстве...» (с. 44). 'Абд ар-Рахман Тали' приводит примеры бесчинств местных правителей, повествует о грабительских набегах племенных вождей на соседние курты и их злодеяниях, которые они вершили с молчаливого согласия хана и его окружения, занятого дрязгами и интригами. Вот что говорит историк о злодеяниях кенегесов во времена правления Султана токсабы в Самарканде в 1125/1713 г.: «Кенегесы стали чинить разные жестокости и насилье над семьями мирных жителей. Хотя несколько раз [об этом] докладывали [центральному правительству], однако эти доклады не достигали места [назначения]. Понемногу население подняло общенародное восстание и изгнало из Самарканда Султана токсабу» (с. 38). Весьма характерен и рассказ автора о набеге двухтысячного отряда кенегесов во главе с Исма'ил мирахуром весной 1131/1719 г. во время праздника тольпанов (*сул-и сурх*)¹²³ на бухарское селение Баха ад-Дин и совершенных ими злодеяниях над собравшимся здесь многотысячным народом (с. 45). Большую ценность представляют сведения «Тарих-и Абу-л-Файз-хани» об экономических трудностях, возникших в период правления Абу-л-Файз-хана, обусловленных усилением сепаратизма со стороны узбекских феодалов, считавших все «приграничные районы своим наследственным владением» и не дававшим в государственную казну ничего, кроме части «хараджных сборов», что, в конечном итоге, привело к уменьшению доходов и сокращению «жалованья военному сословию» (с. 118).

В «Тарих-и Абу-л-Файз-хани» говорится и об образовании независимого Самаркандского ханства во главе с Раджаб-ханом (14 раби' I 1135/23 декабря 1722 г.) при непосредственном содействии Ибрахим аталыка кенегеса, Найза-адама катагана, Каплан кыпчака и др. (с. 69), просуществовавшего до 1143/1730-1731 гг. При нем, вследствие систематических грабительских набегов и войны, Майанкалат, многие бухарские тумены, да и сам Самарканд, пришли в полное расстройство. 'Абд ар-Рахман Тали' говорит, что Раджаб-хан сразу после захвата власти в Самарканде специальным указом полностью развязал руки своим грабителям, разрешил им совершать над мирным населением все, чего они пожелаю. И каждый получал отдельный приказ Раджаб-султана, что «такой-то и такой-то со своим достоинством есть ваш», — свидетельствует историк (с. 118). Далее читаем: «Рад-

¹²³ Древний праздник народов Средней Азии, отмечаемый в апреле и продолжавшийся в течение 38 дней.

жаб-султан и его эмиры говорили группам грабителей, посылаемым в набег: «Когда мы отправимся в город [Бухару] и вступим [в его пределы], то как бы вы в течение трех дней ни уничтожали народ [и ни бесчинствовали], мы не будем вам в этом противодействовать и никаких жалоб [на вас] не примем» (с. 118—119).

В сочинении приводятся сведения об использовании в бухарском войске артиллерия (замбурекы — фальконеты и мортир) с привлечением русских специалистов. Так, рассказывая об осаде бухарским войском одного из укрепленных крепостей Мийанкала в урочище Аксам в месяце ша'бан 1135/½ мае 1723 г., автор приводит такой любопытный случай: «И пушкари ловко начали стрелять, чтобы пробить брешь в массивах стен и разрушить их до основания. Второй раз один человек из христиан, которые в этой местности известны под именем «русский», бывший из числа тех пушкарей высочайшего дворца, кои похвальною огневою стрельбою, обратился [к хану, предложив свои услуги]. Так как в обычае этого народа был способ ведения войны посредством употребления замбурекы, то последовал высочайший приказ [предоставить этому русскому свободу действия]. Тот христианин налил в мортиру нефти больше, чем позволяла обширность и вместимость его жерла, с большим усилием забил туда чугунное ядро и выстрелил. Раздался ужасающий взрыв. Мортира разлетелась на три части, а тот русский отправился в небытие..., от сильного огня его разорвало на куски. Это был тот замбурек, который остался от прихода в Балх Аурангзеба падишаха» (с. 96)¹⁷⁴.

«Тарих-и Абу-л-Файз-хани» содержит и богатый этнографический материал, в частности, в нем имеются сведения о племенах и родах дурман, майман, миме, угарчи, комурат, этти *урри*, кипчак, катган, керант, сарай, бахрия, манымг, алчан, будрак, буркут, кемегес, карчидай, лачим, дигай-кипчак, чунак, шахбал, коз, джигот и др., населявших тогда Бухарское ханство (сведения разбросаны по всему труду).

Определенный интерес представляют сведения «Тарих-и Абу-л-Файз-хани» о чинах и званиях, а именно: *дадлах*, *мишк-ага-баша*, *диван-беги*, *кошбег*, *казий*, *кази оскар*, *кази калям*, *чухра-агасы*, *парваначи*, *токсаба*, *атамык*, *мирамур*, *курчи-баша*, *мехтар*, *мухтар*, *великий мехтар*, *ходжа брузур*, *кучелотан*, *караул-беги*, *кутвал*, *ра'ис*, *курчи*, *удайчи*, *чагатай-беги*, *бакара*, *дастарламчи*, *урак*, *накыб*, *салканд*, *дагара*, *артабачи*, *тамакисаз*, *бахлабардар*, *'алам*, *шейхулислам*, *мута-вали* и др. (они разбросаны по всему труду).

ТАРИХ-И КИПЧАК-ХАНИ

(КИПЧАКХАНОВА ИСТОРИЯ)

Всеобщая история от «сотворения» мира до 1134/1721-1722 гг., составленная одним из знатных лиц при дворе Аштарханида Субхан-

¹⁷⁴ Известия в виду захват Шах-Джеханом в 1653/1645 г. Балха. Индийские войска сначала во главе с Мурад-Батшем, а затем с Аурангзебом управляли Балхом в течение более двух с половиной лет и были вынуждены отсюда бежать под натиском исповедного возмущения в под давлением Аштарханидских войск (подробно см.: Мукии-ханская история, с. 97—101).

кули-хана¹⁷⁵ неким Ходжамкули-беком Балха, прозванным Кипчак-ханом, сыном Имамкули кушбеги.

О жизни автора мы располагаем лишь отдельными сведениями, заключенными в самом сочинении. Эти сведения разбросаны по всему труду, суть которых сводится к следующему: дед (жадд) автора был военным и находился на службе у Бабурида Шах-Джахана (1037/1628—1068/1657-1658) в должности трехтысячного (*жир-и сехазара-баша*), участвовал в его завоевательном походе на Балх в 1055/1645 г. (командовал двухтысячным отрядом), закончившемся, как известно, установлением здесь господства Бабуридов в течение более двух с половиной лет (1055/1645—1058/1648)¹⁷⁶. Перед уходом оттуда чагатайских войск (так называли средневековые историки Бабуридов и их войско), он был направлен Аурангзебом, заменившим незадолго до этого Мурад-Валша в Балхе, Меймене и Авдхуме, за Рустам-ханом Декани и Шади-ханом, правившими этими областями от имени Шах-Джахана. Доставив их в Бамнан, где совершил остановку Аурангзеб, он, с разрешения последнего, возвратился в свой родной город Чеченту¹⁷⁷. Во время шестимесячной осады Кандагара балхским войском, имевшей место сразу после ухода войск Шах-Джахана из пределов Балха, он был направлен последним с большим отрядом на Кандагар для оказания помощи осажденным. Однако, незадолго до его прибытия, правитель (мазим) Кандагара Доулат-хан сдал крепость осаждавшим ее эмирам Надр Мухаммад-хана и ему больше ничего не оставалось делать, как перейти на сторону последнего. С этого времени вплоть до своего отъезда в Мекку (в 1108/1696-1697 г.) он находился в услужении сначала у Надр Мухаммад-хана, а затем у его сына и преемника Субханкули-хана (л. 115а—115б). Что касается Имамкули кушбеги — отца автора, то всю свою жизнь он служил балхским ханам. По сведениям «Тарих-и-Кипчак-хани», в 1104/1692-1693 г. он был назначен правителем небольшого, но важного в экономическом и военно-стратегическом отношениях округа Дерезез (л. 117б). На военной службе у балхского хана находился и Ходжамкули. В 1104/1692-1693 г. во время вторжения хивинских войск в Каракуль, он вместе со своим отцом под общим руководством Махмуд-бий катагана принял участие в отражении неприятельских войск (л. 118а). Дальнейшая судьба автора «Тарих-и-Кипчак-хани» не совсем ясна. Судя по тому, что о событиях 1107—1108/1695—1697 гг. в Балхе он рассказывает с уст верных друзей и авторитетных лиц (л. 110а), его в те годы не было в Балхе. Согласно данным «Тарих-и-Кипчак-хани» Имамкули кушбег в 1107/1695-1696 г. с разрешения Субханкули-хана поехал совершать паломничество в Мекку (л. 118б) и более о нем никаких сведений нет. По-видимому, Ходжамкули-бек сопровождал отца в его поездке к святым местам Аравии. В заключении

¹⁷⁵ В 1061/1651-1092/1681 гг. правитель Балхского удела Аштарханидов, а в 1092/1681-1112/1701-1702 гг. — верховный бухарский хан.

¹⁷⁶ Об этом подробно см.: МНДТ, с. 321, докум. № 16; РИО, с. 74—82, докум. № 32; Мухаммадская история, с. 97—101; Субханкули-наме, рук. из частного собрания, л. 129б; *Лата'иф ал-ахбар*, рук. ИВ АН УССР, № 5493, л. 6а; *Аллахгар-наме*, над-е Залмота в Дургован в серии *Bibliotheca India*, Калькутта, 1906—1908, с. 177; Абдураимов М. А. Очерки по истории аграрных отношений в Бухарском княстве в XVI — первой половине XIX в. Ташкент, т. 1, с. 119.

¹⁷⁷ *Тарих-и-Кипчак-хани*, рук. ИВ АН УССР, том № 4468/11, л. 114б—115а. Здесь название труда ошибочно исчерано (об этом см. выше).

«Тарих-и Кипчак-хани», там, где говорится о завершении настоящего сочинения (в последний день месяца джумада I 1134/18 марта 1722 г.) Ходжамкули-бек говорит, что с покойным отцом он жил в Лакоре, а последние три года — при субодаре сайф ад-дауле 'Абд ас-Самад-хане (д. 123а—123б), которому и посвятил настоящий труд. Составители каталога «Собрание восточных рукописей АН УССР» полагают, что «в мухарраме 1107/августе—сентябре 1695 г. отец автора, оппозиционно настроенный к правителю Балха Махмуд-бий аталмаку, под удобным предлогом покинул Балх вместе с семьей и поселился в Индию у правителя Пенджаба 'Абд ас-Самад-хана»¹⁷⁸. По мнению Ч. Стора, он тогда «попал в плен в Индию и в 1125/1713 г. был в Лакоре, которым в то время от имени Фаррух Сибара (1124/1712—1131/1719.—Б. А.) управлял 'Абд ас-Самад-хан»¹⁷⁹. Оба высказывания в какой-то степени заслуживают внимания, однако Имамкули кушбеги не сразу поехал в Индию и тем более не в качестве пленного. Как выстает из текста самого сочинения, на обратном пути из Аравии они с сыном не вернулись в Балх, а остались в Лакоре.

«Тарих-и Кипчак-хани», согласно установившейся традиции, написан по образцу мусульманской историографии и повествует об основных событиях, приключившихся на Востоке от «сотворения» мира до 1134/1721-1722 г. Однако, по мнению В. В. Бартольда, Н. Д. Миклухо-Маклая и Блоше, Ходжамкули-бек продолжал работу над своим сочинением и в последующие годы: в 1137/1724-1725 г. переработал, а в последующем, 1138/1726 г. дополнил событиями этого года¹⁸⁰.

Труд состоит из введения (фатиха), заключения (хатима) и пяти частей: 1) доисламские пророки; 2) древнеперсидские цари (Пишдады, Кейкяды, Ашканиды и Сасаниды); 3) правители (преимущественно доисламские) Аравии и Месопотамии (Тубби Йемена, Халед и др.), Мавераннахра, Европы (Греция, Рим и Флоренция), Индии (правители Бенгалии, Мальды, Дели) и Китая; 4) Мухаммад, правоверные халифы, Имамы, Омейяды, Аббасиды и основатели четырех мазхабов суннизма (Абу Ханифа, Малик ибн Анас, имам Шафен, Ахмад ибн Ханбал); 5) мелкие мусульманские династии Восточного Халифата (Таквириды, Саманиды, Саффариды, Хорезмшахи, Музаффариды, Карты, Гуриды и др.), Великие монгольские ханы (кааны), Ильканы до Абу Са'ида (717/1317—736/1335), Тимур и Тимуриды, Сефевиды, Шейбаниды и Аштарханиды.

Большой и ценный фактический материал по истории Средней Азии, Казахстана и Афганистана XVI — первой половине XVIII в. содержится в двух последних разделах пятой части «Тарих-и Кипчак-хани» (Шейбаниды и Аштарханиды). Прежде чем приступить к его изложению, коротко остановимся на дошедших до нас списках «Тарих-и Кипчак-хани». На сегодня нам известно о наличии семи списков сочинения Ходжамкули-бека Балхи, шесть из которых хранятся в библиотеках Советского Союза: четыре в Ленинграде и один в Ташкенте. К сожалению, все они неполные и с дефектом. Например,

¹⁷⁸ СВР АН УССР, т. IX, с. 17.

¹⁷⁹ Стора. Персидская литература, ч. I, с. 447. Таково мнение и Миклухо-Маклая (Описание, вып. 3, с. 146).

¹⁸⁰ Бартольд В. В. О некоторых восточных рукописях (Азиатского музея). — Соч. т. VIII, М., 1973, с. 346; Миклухо-Маклай Н. Д. Описание, вып. 3, с. 146; Bleschet. Catalogue persans, p. 238.

в списке ЛО ИВ АН СССР (№ С. 433; 509 л.; переписан в конце XVIII — начале XIX в.), считающимся по сравнению с другими списками наиболее полным, значительно сокращено введение, недостает окончания пятой части, где повествование обрывается рассказом о вторжении в 1164/1692-1693 г. хивинских войск в пределы Бухарского ханства и сражения, происшедшем между ними и бухарцами в Фарабе, расположенном в семи фарсах от Бухары (л. 508б), а также хронограммой (та'рих), указывающей дату завершения настоящего сочинения — 1134 г. х. (л. 509а). Второй список (этого же собрания) (№ С. 1864; 85 л.; переписан в XIX в.) представляет собой лишь предисловие автора¹⁹². В третьем списке, хранящемся в библиотеке ЛГУ (инв. № 964; 6 л.; переписан в 1238/1822-1823 гг.; находится в одном переплете с «Тарих-и Муким-хани» Мухаммад Пусуфа-муши), заключен отрывок из последней части сочинения, в котором повествуется о правлении последнего Аштарханидов — Убайдаллах-хана и Абу-л-Файз-хана¹⁹³. То же можно сказать относительно четвертого списка, хранящегося в Ленинградской публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (№ ПНС. 172; из собрания Клауфмана; 466 л.; составлен, судя по палеографическим данным, в конце XVIII в.; переписчик некий (Имадаллах). В нем повреждены первые листы и не хватает конца (повествование обрывается эвгнем Герата Шейбанидом 'Абдаллах-ханом II в 996/1587-1588 г.)¹⁹⁴. Судя по сведениям Блюше и Захау, полные списки «Тарих-и Кипчак-хани» хранятся во Франции (в Парижской национальной библиотеке; инв. № 348; переписан в XVIII в.; 509 л.) и в Водлевской библиотеке в Англии (инв. № 117; переписан в конце XVIII в., 509 л.)¹⁹⁵. Список ИВ АН УССР (инв. № 4468/II; 32 л.) включает последние разделы пятой части «Тарих-и Кипчак-хани», где описывается история Шейбанидов начиная от Абу-л-Хайр-хана и кончая периодом правления Аштарханида Абу-л-Файз-хана. Эти разделы переплетены вместе с двумя другими исторического содержания трудами: «Дастур ал-мулук» («Назидание государям») ходжа Самандара Термези (помещен в самом начале; л. 16—92б; переписан в 1245/1829-1830 г.) и анонимным сочинением «Зикр та'дд-и падшاهан-и узбек» («Упоминание об узбекских царях»), переписанным в том же, 1245/1829-1830 г. (в конце; л. 136б—176а)¹⁹⁶.

Следует отметить об одной неточности, допущенной некоторыми исследователями списка ИВ АН УССР относительно названия труда. Так, основываясь на пометке, сделанной, по всей вероятности, переписчиком на первом листе рукописи, они именовали его «Тарих-и Шайбани-хан на ма'мулат-и [у] б-авлад-и Амир Тимур» («История Шейбани-хана и отношения [его] с потомками Амира Тимура») ¹⁹⁷. Однако тщательное изучение самого труда, где приводятся сведения об авторе, его отце и деде, а также сравнение его с другими списками «Тарих-и Кипчак-хани», хранящимися в Ленинграде, показало, что

¹⁹² Миклудо-Маклаф Н. Д. Описание, вып. 3 с. 146—148.

¹⁹³ Ромаскевич А. А. Список, I, с. 298; Тагирджанов А. Т. Описание, с. 72—73.

¹⁹⁴ Костыгова Г. И. Алфавитный каталог, с. 39.

¹⁹⁵ Blochet Catalogue persan, p. 224—226; Sachau, Ethn. Catalogue, p. 56—58.

¹⁹⁶ Об этих сочинениях см. ниже.

¹⁹⁷ СВР АН УССР, т. IX, с. 17.

перед нами именно вышеупомянутое сочинение Ходжамкули-бека, вернее его заключительная часть, а приведенная в конце стихотворная вставка, написанная Ахкар Файзом и содержащая та'рих на окочканье этого труда (в последней строке), лишнее тому доказательство. В ней, в частности, говорится:

Кипчак [-хан], послушай, тогда тайна станет явью.
Этого старца спроси о годе [оставленная] сей историей мира.
Возгласи на краешек его языка [и он] скажет:
Прибытие такого-то, сына такого-то, сына такого-то.

(рук. ИВ АН УзССР, л. 124а, 509а; рук. ЛО ИВ АН СССР, л. 509а).

Здесь указаны и имя автора (Кипчак-хан), и дата завершения труда, заключенные в последней строке стиха (кадамот фалон иби фалон иби фалон), цифровое значение букв которой по абjadу составляет 1134, что и является годом завершения «Тарих-и Кипчак-хана».

Остановимся на содержании двух последних разделов «Тарих-и Кипчак-хана».

В кратком введении после традиционного славословия говорится следующее: «Этот трактат содержит в себе рассказы об истории и событиях, приключившихся при потомках Чингиз-хана, главным образом о войнах великого хакана Абу-л-Фатха Мухаммада Шейбани-хана и его отношениях с потомками счастливого мирозавоевателя Амир Тимура курагана, уходе власти и счастья из дома потомков его величества сазибхорана и переходе всего Мавераннахра и Хорасана в руки потомков узбеков» (л. 93б—94а).

Если следовать плану повествования автором политических событий, происходивших в Дашт-и кипчаке, точнее в его восточной части, Мавераннахре, Фергане, Хорезме и Балхе во второй четверти XV — первой половине XVIII в., то этот труд, вернее его заключительную часть, можно условно разделить на следующие главы:

1. Абу-л-Хайр-хан, его борьба за престол в узбекском улусе¹⁰⁷ сначала против предводителя сильного в то время улуса Мангытов Гази-бия — сына неизвестного золотоординского временщика Идику (Едигея), а впоследствии узурпировавшего здесь верховную власть Джумадук-хана; затем — переход здесь верховной власти к Абу-л-Хайру; его войны с претендентами на престол: Махмуд-ходжа-ханом, Мустафа-ханом, Ахмад-ханом и Махмуд-ханом, захват им в 834/1431 г. Хорезма, а также другие события¹⁰⁸, приключившиеся во времена его сорокалетнего (831/1428—873/1468-1469 гг.) правления (л. 94а—98а).

2. Вторжение Шейбани-хана и кочевых узбеков в Мавераннахр и Хорасан и завоевание ими этих стран (л. 98а—103б).

3. Правление (в Мавераннахре, Фергане и Балхе) первых Шейбанидов: Кучкунджи-хана, сына Абу-л-Хайр-хана (916/1510—937/1530-1531), Абу Са'ид-хана, сына Кучкунджи (937/1531—940/1533-1534), Убайдаллах-хана, сына Махмуд-султана (940/1534—947/1540), 'Абдаллаха I, сына Кучкунджи (конец месяца зу-л-ка'да 947/28 марта 1541—

¹⁰⁷ Узбекском улусе в XV в. назывался бывший улус Шайбана, атого сына Джучи, протарганившийся с кочевьях Сыр-Дарьи и Аральского моря на юге до среднего течения Иртыша, Тобола и Урала (подробно см.: Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков, с. 41—42).

¹⁰⁸ О них подробно см.: Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков с. 44—52.

месяц джумада I 948/август—сентябрь 1541), 'Абд ал-Латафа, сына Кучкунджи (948/1541—958/1551), Барак-хана, сына Султончак-султана (961/1554—964/1557) и других (л. 106а—108а).

4. Политическая жизнь Мавераннахра, Ферганы, Хорезма и Балха при последующих Шейбанидах: Исхандар-хане (970/1563—991/1583), 'Абдаллах-хане II (991/1583—1006/1598), Абд ал-Му'минне (роджаб 1006/февраль 1598—зу-л-хиджа 1006/июль 1598), Пирмухаммад-хане II (1007/1598—1009/1600-1601) и других (л. 108б—110б).

5. Политическое положение Мавераннахра и Балха во времена господства здесь Аштарханидов (л. 110б—123а).

Как видим, Ходжамкули-бек в краткой форме излагает те же события, которые весьма подробно и обстоятельно описаны в «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани», «Шараф-наме-йи шихи» («'Абдаллах-наме»), «Тарих-и Мукам-хани», «Убайдаллах-наме», «Тарих-и Абу-л-Файз-хани» и других исторических сочинениях, посвященных истории Средней Азии, Казахстана и Северного Афганистана XV — первой половины XVIII в. Но это лишь на первый взгляд. На самом деле труд Ходжамкули-бека содержит такие сведения и факты, которые отсутствуют в указанных нами сочинениях.

Коротко остановимся на важнейших из них.

Более подробно, чем в других источниках, здесь излагается о вооруженной борьбе Абу-л-Хайр-хана с Джумадук-ханом (л. 94а—94б), о походе на Хорезм в 834/1431 г. и о причинах, заставивших кочевых узбеков покинуть эту страну (л. 95а—95б), о разделе Мавераннахра Шейбани-ханом после его завоевания в 906/1500-1501 г. между своими родственниками (л. 98а, 99а), о взаимоотношениях Бабуря с шахом Исма'илом Сефевиде в годы борьбы первого за верховную власть в Мавераннахре (л. 104б), об обстоятельствах сражения наместника Шейбанидов в Герате Джиммухаммад-хана с кизилбашским войском в Рабат-и парийан в 1007/1598—1599 г. и о причине его гибели (л. 111а) и др.

Заслуживают внимания сведения автора «Тарих-и Кипчак-хани» об обстоятельствах заключения союза между Тимуридом Султан Абу Са'идом (855/1451—873/1469) и Абу-л-Хайр-ханом. По данным Ходжамкули-бека последний, скрывавшийся от преследований 'Абдаллах-мирзы, явился к стоявшему лагерем в самаркандском селении Шираз в 832/1448 г. предводителю кочевых узбеков и был им принят с почестями. Более того, Абу-л-Хайр-хан отдал ему в жены свою сестру и пожаловал область Яласси (л. 95б).

Интересно также сообщение Ходжамкули-бека о восстановлении в начале XVI в. каменного моста Шах-Мелнк на реке Кутек и знаменитой плотины Султанбанд на реке Мургаб (л. 100б, 102а). Идет ли здесь речь, в первом случае, о широко известном водоразделе Шейбани-хана, трудно сказать, но сам этот факт дает исследователям пищу для размышлений.

Более подробно, нежели в других источниках, изложено здесь политическое положение Средней Азии и Балха при первых Шейбанидах (л. 106а—108а) и фактический материал, содержащийся в этой главе, позволяет значительно восполнить пробел, имеющийся в истории этого периода.

Приводятся новые, отсутствующие в дошедших до нас нарративных источниках сведения о причинах вражды между 'Абд ал-Му'ми-

ном, правителем Балха, и его отцом — Абдаллах-ханом II, в 80—90-х годах XVI в. и о политическом положении Средней Азии в последние годы правления Абдаллах-хана II (д. 109а).

Весьма подробно в сочинении Ходжамули-бека изложена политическая история Балха и Северного Афганистана 1061/1651—1132/1730 гг. (д. 115б—121б), вследствие чего в распоряжении исследователей находится большой фактический материал.

Чрезвычайно важны также содержащиеся в сочинении сведения о бунте калмыков, кичаков, каракалпаков и китай-кипчаков в Бухаре в 1092/1681, 1128/1715—1716 и 1131/1718—1719 гг. (д. 121б, 122б, 124а—124б).

Несмотря на определенную ценность, «Тарих-и Кичак-хана» изучен не в полной степени. Опубликован лишь небольшой фрагмент из него, повествующий о борьбе казацких ханов Таваккала, Ишим-султана и других с целью подчинить себе Ташкент, Самарканд и другие области Мавераннахра, и о поддержке, оказываемой казахами враждовавшим между собой среднеазиатским и балхским правителям.

СИЛСИЛАТ АС-САЛАТИН

(ГЕНЕАЛОГИЯ ГОСУДАРЕЙ)

Сочинение это, содержащее огромный фактический материал по социальной и политической истории Средней Азии XVI — первой четверти XVII в., а также о ее политических взаимоотношениях с сопредельными странами зарубежного Востока (Ираном, Афганистаном и Северной Индией) за указанный период, доселе не было известно в Советском Союзе. Это обусловлено отсутствием у нас списков данного труда. Даже за рубежом, где имеются отдельные его списки (Бодленская биб-ка, инв. № 269), оно не привлекало к себе внимания специалистов и о нем имеются там лишь общие представления. Например, в популярном каталоге Ч. Стора об этом сочинении написано буквально следующее: «Силсилат ас-салатин» (?), история, единственная сохранившаяся рукопись которой испорчена лакунами; по-видимому, она состоит из двух основных частей: 1) история рода Моголов от Адама и далее, Чингиз-хана, Тимура и др., и, в особенности, индийских Тимуридов до Мухаммад-шаха; 2) история султанов Трапесокании из династии Шейбанидов и Аштарханидов; дефектная в начале и в конце...»¹⁰⁰ По мнению пакистанского ориенталиста Рифаз ал-Ислама этот труд, «составленный одним из потомков узбекских султанов в 1143/1730—1731 г., носил название «Тарих-и бади'а» («Редкая история»)»¹⁰¹. Трудно сказать, о чем идет здесь речь: еще об одном списке сочинения, или же списке, хранящемся в Бодленской библиотеке, который, кстати, назван «Силсилат ас-салатин» условно. Вот, пожалуй, и все, что сказано об этом сочинении. В 1977 г., благодаря содействию американского востоковеда Роберта Маккезика, мы получили из Англии микрофильм этого сочинения, за что искренне ему благодарны. Этот список находился в коллекции видного английского ученого-путешественника В. Ауэли, ныне он хранится в Бодленской библиотеке под инвентарным номером 269. Внимательное его изучение

¹⁰⁰ Стора. Персидская литература, ч. II, с. 1149.

¹⁰¹ Rifa'at ul-Islam. India—Persian Relations. Tehran, 1970, p. 250—251.

показало, что рукопись сочинения — полная и, если не принимать во внимание то, что отдельные ее листы (л. 276—278) оказались перепутанными, вероятно при переплетании, лакун ей не имеет.

Дата написания «Силсилат ас-салатин» отмечена самим автором в двух местах сочинения (л. 134а, 183а) и в обоих случаях указана 1143/1730-1731 г.

Об авторе. Согласно сведениям, содержащимся в самом «Силсилат ас-салатин», он был одним из аштарханидских царевичей, испытывавшим на себе горечь династических распри, скитаний и невзгод. Звали его хаджи Мир Мухаммад Салим и был он сыном Мухаммад Рустам-султана, сына Мухаммадйар-султана, сына Пайада Мухаммад-султана, сына Турсун Мухаммад-султана, сына хаджи Пармухаммад-хана, умершего в Мийанкале во времена правления Баки Мухаммад-хана (1009/1600-1601 — конец 1013/апрель 1603)¹⁰⁰.

Турсун Мухаммад-султан, прапрадед автора, во времена правления Шейбанидов Искандар-хана и Абдаллах-хана II пользовался из расположением, особенно последнего, и в 986/1578 г., после устранения Джуваншара 'Али-хана и его сыновей, был назначен правителем нескольких районов Самарканда и управлял ими до самой смерти, последовавшей в 1006/1598 г. (л. 126а, 147а).

Пайада Мухаммад-султан, старший сын Турсун Мухаммада, в 1020/1611 г. породнился с Надр Мухаммад-ханом, правителем Балха, женившись на его сестре Зубайда-бану, и получил от него в удел Кундуз, которым правил до 1051/1641-1642 г. (л. 225а).

Мухаммадйар-султан, сын Пайада Мухаммада и дед нашего автора, рожденный от брака Пайада Мухаммад-султана и Зубайда-бану, приходился Надр Мухаммад-хану двоюродным братом; до 1055/1645 г. правил Шахрисябом, а затем, после его бегства (Надр Мухаммада) из Мавераннахра, вслед за ним уехал в Балх (л. 220б). Когда Надр Мухаммад, опасаясь посягнуть в руки индийских войск, находившихся в стране по его же приглашению, покинул Балх (29 джумада I 1055/13 июля 1646 г.), он, по поручению последнего, сопровождал Шахр-бану (мать Надр Мухаммад-хана) и других женщины в Бухару. Затем принимал участие в походе 'Абд ал-'Али-хана против калмыков, казахов и каракалпаков, захвативших до этого Сайрам, Туркестан и Ташкент, и за проявленное усердие последний пожаловал ему область Шахрисяба (л. 252а). Мухаммадйар-султан погиб 11 джумада I 1057/14 июня 1647 г. во время кровопролитного сражения Бухарских войск с Аурангзебом в местечке Тимурабад подле Балха (л. 254а).

Мухаммад Рустам-султан, отец хаджи Мир Мухаммад Салима, будучи в 1055/1645 г. еще малолетним, получил от 'Абд ал-'Али-а в качестве икта' селение Сарипуль Самаркандской области. Воспитателем к нему был приставлен Мир Шах-хаджа Шаудара, известный под именем Дивана-хаджа (л. 262б—263а). В 1082/1671 г. 'Абд ал-'Али-хан, являя став его достойным к царскому одеянию, сначала

¹⁰⁰ Генезология его в источниках (Бахр ал-асрар, рук. биб-ки Ислам. офеис, инв. № 573, л. 3а—4а и др.; Силсилат ас-салатин, рук. Бодлешской биб-ки, инв. № 269, л. 122б—124а) указана в следующем порядке: Пармухаммад-хан — Мавераннахр-хан — Джавал-хан — Мухаммад-хан — Тимур-хан — Тимур — Кутлуб-хан — Тимур-бах-хан — Нури-хан — Абай-султан — Ул-Тимур-хан — Турк — Тимур-хан — Джучи-хан — Чингиз-хан.

выказал ему благорасположение, а затем приказал выколоть глаза» (л. 286б—287а). Спустя некоторое время Мухаммад Рустам-султан при посредничестве воеводского эмира Мухаммадвар аталыка добился разрешения хана выехать для совершения паломничества в Мекку и, оставив в Самарканде семью (жену и двух малолетних детей: Мир Мухаммад Салима и дочь), уехал в Индию, но в связи с военными действиями в Декане проехать к морским портам не смог, вследствие чего задержался в Шах-Джаханнабаде и умер там спустя два года после приезда в Индию (л. 313б—314б).

Что касается самого Мир Мухаммад Салима, то он, судя по подробно им изложенной истории Мавераннахра периода правления Субханкули-хана и Убайдаллах-хана и хронограммам, составленным на смерть этих ханов, все эти годы проживал в Средней Азии; в том же, 1123/1711 г. после убийства Убайдаллах-хана покинул родину и прибыл в Исфахан — столицу Сефевидского Ирана. В 1124/1712 г. выехал оттуда и через Багдад, Халеб (Алеппо) и Дамаск прибыл в Константинополь и был принят Султан Ахмедом III (1115/1703—1143/1730-1731). В Турции он находился в течение четырех лет и принимал участие в войнах султана «с неверными». Лишь в 1128/1716 г. он добрался до Мекки. После посещения «святых» мест Аравии решил возвратиться на родину через Индию, но, прибыв туда, остался в услужении у Бабурода Насир ад-Дин Мухаммад-шаха (1131/1719—1161/1748), по поручению которого и написал настоящее сочинение (л. 1б—6б). Год смерти хаджи Мир Мухаммад Салима не известен.

Несколько слов об источниках «Силсила-и-ас-салитин». При написании первых двух разделов (о содержании сочинения см. ниже) автор широко пользовался трудами своих предшественников, среди которых им отмечены (л. 6б) такие сочинения, как «Тарих-и джаханкушай» Джузеппи, «Джаме' ат-таварих» Рашид ад-Дина, «История» Вассафа, «Тарих-и арба' улус» Мирзы Улугбека, «Зафар-наме» Шариф ад-Дина 'Али Пешде, «Хуласат ал-ахбар», «Хабиб ас-сияр», «Маасир ал-мулюк», «Макарин ал-ахлак» и «Дастур ал-музир» Хондемира, «Акбар-наме» Абу-л-Фазла 'Аллами, «Маджма' ал-аджа'иб» хаджи Достмухаммада кари ибн Падгара — хорезмского везира, написанный в 1015/1606 г., «Альфия» ибн Малика, «Тухфат ал-гара'иб» неизвестного автора, «Раузат ал-ахбав» (полное название «Раузат ал-ахбав фи сияр ан-наби ва-л-асхаб») Амира Джамал ад-Дин Атауллaha ибн Фазлаллах ал-Хусайни ash-Ширази (ум. в 926/1520 г.), «'Аджа'иб ат-табакат» Мухаммад Тахира, «Джахан-арайн» (часть из «Тарих-и ильчи-йи Низам-шах») Хуршаха ибн Кубада ал-Хусайни (XVI в.), «Маджма' ат-таварих» Хайдара ибн 'Али Хусайни Рази (вторая половина XVI — первая четверть XVII в.) и «'Адамгир-наме» Мухаммад Казима ибн Мухаммад Амينا-муниши (ум. в 1092/1681 г.). В разделе о Шейбанидах автор лишь в одном месте ссылается на «'Абдаллах-наме» Хафиз-и Таниша Бухара и «Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси» Искандарбека-муниши.

Многочисленные подробности и детали, приводимые в сочинении, соблюдение точной хронологии важнейших событий истории Средней Азии периода господства Аштарханидов дают основание полагать, что автор был современником и участником многих описываемых событий. Не исключено также, что он пользовался семейной хроникой аштарханидских царей и султанов.

По содержанию «Силсила-и-ас-салатин» — династическая история, посвященная древним тюркам, монголам, Тимуридам, Шейбанидам и Аштарханидам.

Исходя из общего содержания, труд можно условно разделить на введение и четыре части.

Во введении (л. 16—66) после традиционного славословия говорится о причинах составления сочинения, сообщаются некоторые факты из жизни самого автора после 1123/1711 г. и приводится название труда.

В первой части (л. 66—106а) в сжатой конспективной форме излагается история доисламских (библейских) пророков (л. 66—146), древних тюрков и монголов (л. 146—266), баруласов от Качула Бахадура до эмира Тарагая (л. 266—306), Тимура и Тимуридов (Джахангир, Мираншах, Шахрух, Мухаммад Султан) до Султан Абу Са'ида-мирза (л. 306—35а), Омар-Шейха, Бабура и его потомков, царствовавших в Индии (л. 35а—106а).

Во второй части кратко повествуется об истории Моголистана от Туглука-Тимура до Суюргатмиша (л. 106а—109а).

Оригинальны последующие третья (л. 109а—161б) и четвертая (л. 161б—338а) части «Силсила-и-ас-салатин», посвященные истории Шейбанидов и Аштарханидов, где заключены весьма ценные сведения по социальной и политической истории Средней Азии XVI — первой четверти XVIII в., о политических взаимоотношениях Бухарского ханства с Ираном, Северной Индией и, отчасти, Кашгаром за этот весьма насыщенный событиями период.

Третий раздел «Силсила-и-ас-салатин» предоставляет в распоряжение исследователей большой фактический материал по периоду правления Шейбанида 'Абд ал-Му'мин-хана в Балхе и Бадахшане (900/1582—1006/1598), Динмухаммад-хана (с 989/1581 г.) в Систане, Заминдаваре и Гарисаре, а с 1006/1598 г. и в Хорасане; содержит рассказ об обстоятельствах сражения последнего с кизилбашами в Пул-и-саларе, расположенном в четырех фарсах от Герата, происшедшего 20-го мухаррама 1008/13 августа 1599 г., в котором узбек потерпел поражение и был убит сам Динмухаммад-хан (л. 158а—160а), а также о полной анархии, охватившей Среднюю Азию и Хорасан сразу после смерти 'Абд ал-Му'мин-хана.

Особую ценность представляют сведения, заключенные в «Силсила-и-ас-салатин», о времени смены династии Шейбанидов Аштарханидами. Как известно, в исторической литературе и в пособиях по генеалогии и хронологии по этому вопросу бытуют несколько противоречивые суждения. В одних, например, временем смены династий указан 1007/1598—1599 г.¹⁰², по сведениям других — правление Шейбанидов продолжалось и после смерти 'Абд ал-Му'мин-хана и последний представителем из этого дома на троне Бухарского ханства назван Пирмухаммад-хан (время его правления не указано)¹⁰³. По мнению

¹⁰² История Узбекской ССР, I (с древнейших времен до середины XIX в.), изд. 3-е. Ташкент, 1967, с. 550—551; История Самарканда, I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1969, с. 261; Лиз-Пуль С., Бартольд В. В. Мусульманские династии, с. 261; Босворт К. Э. Мусульманские династии, с. 207.

¹⁰³ История Таджикской ССР, т. II, кн. 2. М., 1964, с. 31; Абдураимов М. А. Обзор аграрных отношений, т. I, с. 56, 59.

М. А. Абдураимова, им был «дрыхлий Пирмухаммад, дядя 'Абдаллах-хана II»¹⁰⁴. Однако изучение многочисленных письменных источников времен последних Шейбанидов и Аштарханидов показало, что этого Пирмухаммада, в бытность балякского хана (правил 10 сифара 953/12 апреля 1546—20 ша'бана 974/1 марта 1567 г.), которого здесь подразумевают М. А. Абдураимов, давным-давно уже не было в живых — он умер 20 ша'бана 974/1 марта 1567 г.¹⁰⁵, т. е. за тридцать с лишним лет до этого. В действительности же был еще другой Пирмухаммад, который приходился сыном Сулайман-султана, сына Джанибек-султана, двоюродного брата 'Абдаллах-хана II. Именно он, а не «дрыхлий Пирмухаммад», сменил на троне убитого 'Абд ал-Му'мин-хана. Теперь о времени смены династий. Тщательное изучение материалов таких сочинений, как «Бахр ал-асраф», «Тарих-и 'алимара-йи 'Аббаса», «Тарих-и салатин-и Мангытйа, Узбекия ва Аштарханияз» и других дает нам основание полагать, что этот Пирмухаммад правил Бухарским ханством в течение трех лет — 1006/1598—1009/1601 гг.¹⁰⁶ Этот факт подтверждается и свидетельством, заключенным в «Сал-салат эс-салатин». Согласно данным этого источника, события в некогда централизованном и сильном Бухарском ханстве после гибели 'Абд ал-Му'мин-хана развернулись следующим образом. После смерти 'Абд ал-Му'мина в государстве Шейбанидов наступила анархия: трон верховного хана в Бухаре занял Пирмухаммад-хан, на престол Балха был возведен 'Абд ал-Амин (иначе Ибнанд-султан) — малолетний сын Шейбанида Ибадаллах-султана, а власть в Герате захватила Динмухаммад-хан (л. 1556—156а, 157а—157б). Тогда же последнему удалось подчинить себе Ферах, Исфара'ин, Мерв-и шахиджехан и Меручак (л. 157б—158а). Во все эти области он направил своих наместников, в частности в Мерв-и шахиджехан был назначен Вали Мухаммад-хан (л. 157б). После сражения в Пул-и саларе, приключившегося 20 мухаррама 1006/13 августа 1599 г., о котором уже говорилось выше, предводители узбеков (Абу-л-Мухаммад-бий, Сайид Мухаммад-султан и другие), оставшиеся в живых, взяв с собой тело убитого Динмухаммад-хана, бежали в сторону Меручака: Вали Мухаммад подался в Мерв-и шахиджехан, а Баки Мухаммад-султан и ходжи Пирмухаммад-хан, захватив с собой Имамкули-султана и Надр Мухаммад-султана — малолетних сыновей Динмухаммад-хана (первому было 10, второму — 6 лет), через Меймене и Фарйаб подались в Мавераннахр. В Бухару они прибыли как раз в тот момент, когда на ее подступах шло ожесточенное сражение между Пирмухаммад-ханом и вторгнувшимися в Мавераннахр казахами Таваккал-хана. Прибытие аштарханидских султанов несколько упрочило положение Пирмухаммад-хана и решило исход сражения. Хотя мелкие стычки между узбеками и казахами продолжались еще целый месяц, но, в конечном итоге, Пирмухаммад-хан и Таваккал заключили между собой мир, по условиям которого Пирмухаммад-хан отдал Таваккалу Ташкент, а сам со своим войском покинул пределы Бухары и Самарканда. Пир-

¹⁰⁴ Абдураимов М. А. Очерк аграрных отношений, т. I, с. 56, 59.

¹⁰⁵ Мухаллар ал-Филд, л. 75а; Маджма ал-гара'иб, рук. ИВ АН УССР, инв. № 9928/11, л. 201а.

¹⁰⁶ Бахр ал-асраф, рук. биб-ки Индаа оффис, л. 51а—52а; Тарих-и 'алимара-йи 'Аббаса, II, с. 381, 383, 405—409; Тарих-и салатин-и Мангытйа, Узбекия ва Аштарханияз, рук. ИВ АН УССР, инв. № 1127/1, л. 1028.

мухаммад-хан за проявленное усердие отдал Самарканд Баки Мухаммаду, а Мибанкал в качестве суноргала пожаловал Пармухаммад-хану. Все это произошло осенью, в сентябре или октябре 1599 г. Постепенно Баки Мухаммад несколько упрочил свое положение и вскоре повел себя независимо; более того, начал интенсивную подготовку к решающему сражению с верховным ханом. Готовился к нему и Пармухаммад-хан и даже получил солидную помощь из Балха. Впоследствии, в месяце зу-л-хиджа 1009/июне 1601 г. Пармухаммад-хан выступил против Баки Мухаммада, однако кровопролитное сражение, разыгравшееся в Баг-и шамале под Самаркандом, окончилось поражением Пармухаммад-хана (л. 160а—161а). «Когда Баки Мухаммад-хан с победой достиг Бухары, — заключает автор, — зять и столпы государства, все жители города, от малого до великого, радушно встретили [его] и в этот счастливый час победоносный хан вошел в город и в 1009 году, соответствующий тюркскому году сичкан («мишь») воцелел на трон царства и миродержавия» (л. 161б). Следовательно, годом смены династий Шейбанидов Аштарханидами следует считать не 1006/1598, а 1009/1601 г.

Самый большой и, пожалуй, основной раздел сочинения — четвертая часть, в которой излагается история Средней Азии при Аштарханидах. Исключительной подробностью отличаются разделы, посвященные истории страны при правлении Надр Мухаммад-хана (20 зу-л-хиджа 1051/22 марта 1642 — 1 раби' 1055/27 апреля 1645), 'Абд-ал-'Азиза (1 раби' 1055/27 апреля 1645 — 22 ша'бана 1092/8 сентября 1681) и Субханкули-хана как в Балхе, так и в Бухаре (22 ша'бана 1092/8 сентября 1681 — 10 раби' II 1114/5 сентября 1702).

Среди других событий, подробно описанных автором «Салсалат ас-салатин», — вмешательство правителя Индия Шах-Джахана в междоусобную борьбу Аштарханидов и завоевание им Балха, Бадхашана и подвластных им округов в июне—июле 1646 г. (л. 233а—235б). При этом ход военных действий, которые Шах-Джахан предпринял с целью захвата этих важных во всех отношениях районов 2 раби' II 1055/26 июня 1645 г. со стороны Кабула, куда задолго до этого, сразу же с получением послания Надр Мухаммад-хана о помощи, перенес он свою ставку, описан им буквально по дням. Указаны также маршруты, по которым продвигалась чагатайско-индусская армия во главе с Мурад-Бахшем, 'Али Мардан-ханом, Клыч-ханом, Халилаллах-ханом, раджа Бахаром Санга, раджа Дибя Санга и другими, указана численность каждого подразделения и описана весь ход предпринятого военного похода (л. 230а—235б). Весьма подробно описано и положение Балха и Бадхашана за годы владычества в Балхе (1645—1647) Мурад-Бахша, а затем сменившего его Аурангзеба (л. 235а—235а).

Большую ценность представляют сведения хаджи Мир Мухаммад Салима о политическом положении Хорезма со времени установления там господства Шейбанида Ильбарс-хана (916/1510 г.)¹⁰⁷ до правления Абу-л-Гази-хана и его сыновей (л. 275б—277б и др.).

В сочинении содержится значительный фактический материал по социально-экономической и культурной жизни Средней Азии XVI—

¹⁰⁷ Генезисом его представляется (л. 275б) в таком порядке: Ильбарс-хан — Турак — Илбарс-хан — Тимур — шейх-оглан — Хаджа Тули — Араб-хан — Фулад-хан — Мангу-Тимур-хан — Бадакул — Джучи-Бука — Шейбас — Джучи — Чинги-хан.

начала XVIII в. Заслуживают внимания, например, отдельные сведения этого источника о существовавшей в тот период удельной системе, т. е. об удельных владениях царевичей — членов дома Шейбанидов и Аштарханидов (л. 123б, 126а, 127б, 128а, 137б, 160б, 169б, 183б, 200б, 201а, 204б, 205а, 216а, 218б—219а, 270а и др.), о землях *акта'*, *сюртал*, *вакф* и *тангах* (л. 124б, 163а, 164б, 167б, 182а, 187б, 188а, 209б, 240б, 262б, 286а, 314б), о феодальном институте *тига*, о ренте-налоге *салма*¹²⁸, о значении набегов (*тахт-у сарат*, *аламан*) в жизни феодального общества (л. 166б, 171б, 217б, 218а, 221б и др.).

Из сведений хаджи Мир Мухаммад Салима во истории культурной жизни страны следует отметить о возведенных в городах Средней Азии и в Балхе в XVI—XVII вв. культовых зданиях (соборных мечетях, медресе, ханака), крепостей, чарбагов, бассейнов, сардаба (л. 120б, 155а—155б, 181а, 198б и др.), о жизни и деятельности ученых (например, Рузбехана Исфахани, прозванного имамом Бухари-ин сани, ученого-законоведа и богослова хаджа Ахмада Касани), каллиграфов (маулана Зайн ал-Абиддина Махмуди и хаджа Падгара, о поэтах Хилали и Тураби, об ученых Пусуфе Карабахи, хадиме Имамкули-хане и видном литературоведе XVI в. хаджа Хасане Нисари (о нем см. ниже) и др. (л. 116б—117а, 120б, 155а—155б, 181а, 197а—197б, 198б, 296а).

Труд содержит также богатый географический материал. Определенный интерес представляют, например, сведения автора о точном месторасположении Наугахана (Шахрсибза), Каклык и Сарипуля (Самарканд), Джизмента (Бухары), Ак-су (Ходжента), Саран (Ура-тепе), о сардабе и крепости Хауз-и хаки, сооруженных Абдаллах-ханом II, расположенных между Балхисом и Гератом, о Балхских округах и селениях Ханабад, Баба шаху, Му'минабад, Тимурабад, Рабат-и зираган, Ду-шах, Фатхабад, Калта, Кураган, Каршик, Ахтачи, Кырчи, Мазар Баба Абдал, Лаб-и чак, Ханназар и др., о караванных путях (их пять), связывавших Балх с Кабулом, и о населенных пунктах, расположенных на этом пути (л. 115б, 116а, 170б, 201а, 202а, 215а, 230б—231б, 239а, 255б, 301а).

В сочинении есть и отдельные этнографические сведения. Так, наряду с племенами *коччи* (*куччи*) *арлат*, *фулаоча*, *угарчи*, *келегес*, *кал*, *алчин*, *каталам*, *конгурат*, *бурман*, *кипчак*, *йдрат*, *сарай*, *дабу*, *ту-бан*, *минд*, *курама*, *келечи* и др. здесь впервые упоминается племя *бурут*, которое мы встречаем среди этнических компонентов киргизов¹²⁹. Упоминаемые в «Салсият ас-салатин» Назар-бий и его сын Хосроубек — предводители бурутов, занимали видное положение при Аштарханидах и играли большую роль в общественно-политической жизни страны: первый был вторым лицом в государстве после асескального Надр диванбеги таган, а второй — начальником дивана 'Абд ал-'Азиз-

¹²⁸ О сущности феодальных институтов *тига* (предмет, с которого достигается доход) и *салма* (сбор в пользу должностных лиц) подробно см.: Петрушевский Н. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949, с. 184—223, 272. О *тига* см. еще: Мукишилова Р. Г. К характеристике феодального института «*тига*» в Средней Азии. — В сб.: Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1973, с. 121—126.

¹²⁹ О бурутах подробно см.: Абдыкалыков А. О термине «буруты». — СЭ, 1963, № 1, с. 123—127; Баскаков Н. А. К вопросу о происхождении этнонима «бурты». — СЭ, 1964, № 2, с. 92—93; Зуев Ю. А. Киргизы-бурты. — СЭ, 1970, № 4.

хана (л. 201а—204б), что свидетельствует о силе и влиянии буратов, которые, по-видимому, входили тогда в состав египетского улуса Майманкала.

«Снасалат-ас-салатин» представляет чрезвычайную ценность в отношении вопросов хронологии и генеалогии. Даты важнейших событий приведены здесь в большинстве случаев даже по дням и числам, точно указывается время царствования правителей, чего нельзя сказать о других подобного рода сочинениях. Так, хронология правления первых семи верховных правителей — Аштарханидов (Джанидгов) дается в следующей последовательности:

1) Баки Мухаммад-хан (конец 1009/июль 1601 — конец 1013/апрель 1605) (л. 181б, 168б).

2) Вали Мухаммад-хан (конец 1013)/апрель 1605—1019/1610; во второй раз: 16 джумада II 1020/27 августа 1611 — конец раджаба 1020/8 октября 1611 (л. 169б, 173б, 180б, 181б).

3) Имамкули-хан (1019/1610—16 джумада II 1020/27 августа 1611; во второй раз: конец раджаба 1020/8 октября 1611—20 зу-л-хиджа 1051/22 марта 1642) (л. 181б, 201б).

4) Надр Мухаммад-хан (20 зу-л-хиджа 1051/22 марта 1642 — в первый день месяца раби' I 1055/27 апреля 1645) (л. 201б, 202а, 204б).

5) Абд-ал-'Азиз-хан (в первый день раби' I 1055/27 апреля 1645—22 ша'бана 1092/8 сентября 1681) (л. 262а, 269б).

6) Субханкули-хан (22 ша'бана 1092/8 сентября 1681—10 раби' II 1114/5 сентября 1702) (л. 318а—318б).

7) Убайдаллах-хан (10 раби' II 1114/5 сентября 1702—26 мухаррама 1123/14 марта 1711) (л. 322а, 337а).

Приведем несколько примеров из наиболее важных событий:

Захват Мухаммад Тимур-султаном и Убайдаллах-ханом Мерв и шахджелана — 3 мухаррама 919/11 марта 1513 (л. 114а).

Смерть Мухаммад Тимур-султана в Самарканде — 927/1591 г. (л. 115б).

Захват Убайдаллах-ханом Герата — 18 сафара 936/21 октября 1529 (л. 119а).

Перенесение столицы государства из Самарканда в Бухару — 939/1532-1533 (л. 119б).

Сражение в Пул-и саларе между Динмухаммад-ханом и кизылбашами — 20 мухаррама 1008/13 августа 1599 (л. 159б).

Вторжение калмыков в пределы Туркестана и Ташкента — 1053/1643 г. (л. 210б).

Начало вторжения индо-чагатайских войск в пределы Балхского ханства — 2 раби' I 1055/28 апреля 1645 г. (л. 224б).

Взятие индо-чагатайскими войсками Гури — 20 раби' I 1055/16 мая 1645 г. (л. 232а).

Захват ими Кундуза — 18 джумада I 1055/12 июля 1645 г. (л. 232б).

Захват ими Балха — 29 джумада I 1055/23 июля 1645 г. (л. 235б).

Разгром индо-чагатайских войск под Балхом — 11 джумада II 1057/15 июля 1647 г. (л. 256а—257а).

Отставка Надр Мухаммад-хана и его отъезд из Балха в Мекку — 16 джумада I 1061/7 мая 1651 г. (л. 255б).

Набег Ануша-хана на Алча — 6 раджаба 1082/8 ноября 1671 г. (л. 287б).

Захват Самарканда Эрэнг (Ирвак)-ханом — 5 ша'бана 1095/18 июля 1684 г. (л. 303б).

Подобных примеров можно было бы привести огромное множество, но и отсюда ясно, насколько большое внимание уделялось в сочинении вопросам хронологии и генеалогии. Однако для достоверности описанные здесь события и указанные даты необходимо сопоставить со сведениями других источников.

В заключение хотелось бы заострить внимание исследователей на важности труда хаджи Мир Мухаммад Салима при изучении политических взаимоотношений Бухарского и Балхского ханств с Ираном и Индией в XVI—XVII вв. Ценность «Силсалат ас-салатин» в этом отношении заключается в том, что в нем приведены копии писем и посланий, которыми обменивались правители Средней Азии, Индии и Ирана.

Приведем их перечень.

1) Послание Акбара 'Абдаллах-хану (в 994/1585-1586; через Хаким Хушана и Садр-Джахана) — л. 138а—138б.

2) Послание шаха 'Аббаса Акбару (999/1590-1591; через Падгар-султана Ирамлу) — л. 137а.

3) Послание Акбара 'Абдаллах-хану (1000/1591-1592; через хаджа Мухаммад Ашрафа) — л. 138б—143б.

4) Послание турецкого султана Мурада III 'Абд ал-Му'мину (1000/1592) — л. 143б.

5) Послание 'Абд ал-Му'мин-хана шаху 'Аббасу I (1006/1597-1598; через 'Али Пар-бека) — л. 150б—151б.

6) Ответное послание шаха 'Аббаса I 'Абд ал-Му'мин-хану (1006/1598) — л. 151б—154а.

7) Послание шаха 'Аббаса I Димшухаммад-хану (1007/1598-1599; через Зульфикар-бека зулькадара) — л. 158а—159а.

8) Послание шаха 'Аббаса I Имамкули-хану (1020/1611) — л. 188б.

9) Ответное послание Имамкули-хана к шаху 'Аббасу I (1020/1611; через Узбек-хаджи) — л. 188б—189а.

10) Послание Джохангира Имамкули-хану (1020/1611; через Мира Барака) — л. 189б—192б.

11) Послание Шах-Джахана Имамкули-хану (1037/1628; через Хаким Халика) — л. 194а—196а.

12) Послание шаха Сафи' I Имамкули-хану (1038/1629; через Даниша-мушхи) — л. 198а.

13) Послание Шах-Джахана Надр Мухаммад-хану (1053/1643; через Тарбийят-хана) — л. 206а—209а.

14) Послание Надр Мухаммад-хана к Шах-Джахану (1055/1645; через Надр-бия шабанта) — л. 223 а.

15) Ответное послание Шах-Джахана Надр Мухаммад-хану (1055/1645; через Мурад-Бахша) — л. 223б—224б.

16) Наказ Шах-Джахана Мурад-Бахшу и Асалат-хану оказать внимание Хосроу-султану, сыну Надр Мухаммад-хана (1055/1645) — л. 226а—226б.

17) Второе послание Шах-Джахана Надр Мухаммад-хану (1055/1646) — л. 259б—261а.

18) Послание 'Абд ал-'Азиз-хана к шаху Сафи' II (1077/1666-1667; через Хасана кушбегги) — л. 280а—281б.

19) Послание Аурангзеба к Субханкули-хану (1082/1671; через Паккатад-хана) — л. 305а.

20) Послание Субханкули-хана к Аурангзебу (1098/1687; через Наира диванбеги) — л. 308а—312а.

Словом, «Силсала-т-салагин» — ценный и весьма важный первоисточник, заслуживающий пристального внимания исследователей.

НАМЕ-ЙИ 'АДАНАРА-ЙИ НАДИРИ

(ПОДРОБНОЕ МИРОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ)

Подробная социально-политическая история Ирана и, отчасти, Закавказья, Средней Азии, Афганистана, Индии и других стран со времен рождения неизвестного мирозавоевателя Надир-шаха (1100/1689) до трагической гибели этого тирана, происшедшей в ночь с 10 на 11 джумада II 1160/21 июня 1747 г.

Его автор, Мухаммад Казим, родился в Мерве в 1133/1720-1721 г. в семье чиновника, состоявшего на службе у Ибрахим-хана, брата Надира, правившего в те годы в Хорасане (с центром в Мешхеде), а впоследствии, с 1736 г. в Азербайджане. Установить какую именно должность он занимал в тот период, не представляется возможным, однако, судя по тому, что он был близок к Надир-шаху еще до официального восшествия последнего на престол (24 шавваля 1148/ 8 марта 1736 г.) и участвовал в его военных походах, а позже выполнял различные его поручения (например, в 1145/1732-1733 г. руководил восстановлением мазара в Канне, пришедшего в негодность при землетрясении, а два года спустя, в 1147/1734-1735 г., — знаменитого Султанбенда на р. Мургаб, разрушенного в 20-х гг. XVIII в. вследствие смут и междоусобиц), он был одним из ближайших сановников хана (т. I, л. 54б—56б, 71а, 330—331а). В то же время это был человек среднего достатка, о чем свидетельствует тот факт, что после его смерти (летом или осенью 1737 г.) Мухаммад Казим унаследовал деньги и имущество на сумму 800—900 туманов — 8000—9000 рублей по курсу 1747 г. (т. II, л. 289б).

Начальное образование Мухаммад Казим получал в родном Мерве, затем, в 1143/1730-1731 г. отец привез его в Мешхед, где он продолжал свое дальнейшее образование в местном медресе у некоего сайфида Мир Шамс ад-Дина 'Али Мазандарани (т. I, л. 26, 115б). В 1149/1736 г. он был отозван в Дербент только что назначенным правителем Азербайджана Ибрахим-ханом. Именно с этого времени начинается служебная карьера Мухаммад Казима. Он, как и его отец, служил у Надир-шаха и его сыновей. Сначала, в 1737—1739 гг. был васаулом у того же Ибрахим-хана, затем, в 1739—1741 гг., — полковым писарем (*лашкар хапис*) у Ризакули-миран, старшего сына Надир-шаха, а в 1744—1747 гг. — служителем канцелярии (*дафтар-хана*) самого Надир-шаха, по-видимому, в должности рядового писаря, а с 1160/1747 г. — везиром²⁰⁰ арсенала и артиллерийского парка в Мерве (т. II, л. 155б—156а, 279а, 287а; т. III, л. 83а). Кажется, это была последней ступенью, которой он достиг, находясь на службе у Надир-

²⁰⁰ Здесь в значении чиновника, ведающего учетом артиллерийского и иного оружия и его распределением.

шаха. Дальнейшая его судьба не известна. Умер Мухаммад Казим после 1166/1752-1753 г.

Мухаммад Казим не смог избежать тех же, присущих историкам эпохи феодализма, недостатков — излишней тенденциозности и пафоса. Неточности в датировке событий или их отсутствие характерны и для его сочинения. Тем не менее труд Мухаммад Казима представляет большую ценность: он изобилует разнообразным фактическим материалом. Помимо строго исторического, в нем содержится много сведений об экономическом положении Ирана и подпавших под его владычество стран, о налоговой политике Надир-шаха, о тяжелом положении народных масс и, в частности, стран, временно захваченных армией Надира, о народных движениях, направленных против феодальной эксплуатации и чужеземного ига. Все это, несомненно, позволяет отнести сочинение Мухаммад Казима в разряд первоклассных источников по политической и социально-экономической истории Ирана, Средней Азии и других стран. Отсюда и пристальное внимание научной общественности к данному источнику, который оценен как выдающийся памятник персональной историографии первой половины XVIII в. (см. раздел «Рекомендуемая литература»). О «Наме-йи 'аламара-йи Надир» издано немало публикаций (см. раздел «Рекомендуемая литература»), что исключает необходимость его детального описания. Коротко остановимся лишь на общем содержании сочинения и ограничимся кругом нужных нам сведений по истории Средней Азии первой половины XVIII в.

«Наме-йи 'аламара-йи Надир» состоит из трех томов. В первом томе (337 л.) повествуется об основных событиях в Иране 1000/1689—1149/1736 гг., т. е. описывается политическая и социально-экономическая жизнь страны со времени рождения Надира до съезда иранской знати и предводителей кизылбашских племен в Муганской степи для избрания Надира шахом Ирана. Во втором томе (327 л.) излагаются события в Иране, Афганистане, Средней Азии, Северной Индии и других странах в 1149/1736—1156/1743 гг., т. е. со времени коронации Надира (24 шаввала 1148/8 марта 1736 г.) до подавления им восстания дже-Сам-мирзы в Шарване (в 1743 г.). В третьем томе (251 л.) заключено описание происходивших в Иране, Средней Азии, Турции и Закавказье политических событий за 1156/1743—1160/1747 гг.

Сведения по истории Средней Азии первой половины XVIII в. содержатся, в основном, во II—III томах сочинения. Значительный интерес представляют, например, следующие из них:

О вторжении кизылбашского войска, возглавляемого Ризакули мирзой и Тохмасп-ханом джалалром вквал ад-доула в 1737 г. в Балхскую область и ее подчинение (т. II, л. 30а, 98б—106б); о разграблении улуса конгуратов (л. 107а—108а); о взятии кизылбашами Хузара и других укрепленных мест; об осаде Карши и крепости Шулуку (л. 108а—120а). Слабовольный и трусливый Абу-л-Файз-хан, под знаменем которого собралось со всего Мавераннахра огромное войско, в четыре раза превышавшее по численности войско Ризакули (у него было всего 20-тысячное войско с артиллерией), не смог организовать отпор последнему. Более того, окружив себя усиленной охраной (числом в три тысячи человек), набранной исключительно из калмыков (л. 115а), он отсиживался за прочными стенами Карши, а затем бежал в Бухару. На призыв Абу-л-Файза отозвался и хорезмский Иль-

барс-хан (д. 116а), прибывший с 60-тысячным войском, набранным из узбеков, аральцев, каракалпаков, казахов и русских. Однако Абу-л-Файз не воспользовался в этом случае. Мухаммад Казим — участник похода и очевидец происшедших событий, рассказывает о грабеже и насилиях, учиненных кизылбашами над мирным населением Гузара, Карши, Шулуку и других мест Мавераннахра. Например, после взятия крепости Шулуку кизылбаша, подобно монголам Чингиз-хана, перебили большую часть оставшихся в живых, остальных же, в основном женщин и детей, угнали в неволю (т. II, д. 120а). Кто знает, как в подобных условиях (когда в бухарском стане царил полнейший анархия и паническое настроение) могла быть предпринята судьба Бухарского ханства, если бы не приказ самого Надир-хана о немедленном прекращении военных действий на территории Средней Азии и возвращении армии в Балх (т. II, д. 120б—121а).

Здесь же повествуется о попытке хорезмского Ильбарс-хана (1145/1732—1733—1153/1740) завоевать Хорасан (т. II, д. 136а—141б). В последний день месяца ша'бан (1150/22 декабря 1737 г.) он, во главе 100-тысячного войска (цифра чрезмерно увеличена), состоявшего из узбеков, аральцев, каракалпаков, казахов и туркмен-салур, выступил из Хивы и уже переправился через Теджик, однако поход разстроился в самом его начале из-за разногласий, возникших среди предводителей войска, которых возглавлял некий Тохмасп-хан. Последние разграбили аральцев и каракалпаков и ушли в свои кочевья. Их примеру последовали и ополченцы *калмаков*, *конгуратов*, *кибитов*, *дурмаков* и *макытов*. Ильбарс-хану, при котором осталось не более 30 тысяч человек, ничего более не оставалось делать, как повернуть обратно в Хорезм (т. II, д. 141а—141б).

Значительную ценность представляют 64, 68—71 главы второго тома сочинения, где повествуется о покорении в 1153/1740 г. Бухары, а затем Хорезма войском Надир-шаха (д. 254а—256а, 268а—281а), в результате которого эти некогда единые государства на время потеряли свою независимость. Примечательно в тот факт, что по условиям соглашения, заключенного между Надир-шахом и Абу-л-Файз-ханом в Чарбакре, на Бухару была наложена огромная контрибуция — 200 тысяч харваров пшеницы, ячменя и прочего фуража. Абу-л-Файз обязался выделывать для армии Надир-шаха 10 тысяч всадников. Кроме того Самарканд, Карши, Кеш и Хисар были присоединены к государству Надир-шаха (д. 263б). Эти и другие события, связанные с завоевательным походом Надир-шаха на Бухару и Хорезм, изложены в «Наме-йи 'аламар-йи Надир» весьма подробно и обстоятельно.

Сведения Мухаммад Казима о тяжелом политическом положении Хорезма в 1157/1744—1159/1746 гг., т. е. в период правления Абу-л-Гам II (1155/1742—1158/1745), а также о роли туркмен племен *йомут* и *салур* в общественно-политической жизни страны (т. III, д. 426—43а) представляют определенный интерес. По свидетельству Мухаммад Казима — участника большой карательной экспедиции Надир-шаха на Хорезм в 1157/1744 и 1158/1745 гг. и, следовательно, очевидца событий, эти племена вместе с узбеками и присоединенными к ним на помощь казахами сыграли решающую роль в антииранских выступлениях народа Хорезма. Интересны сведения Мухаммад Казима и о гулямах-калмыках, несших службу по охране двора хивинского хана, о пленниках — выходцах из Хорасана и Ирака, уведенных из этих

стран в свое время Ширгази-ханом (1127/1715—1145/1732) и Ильбарсом II (1145/1732—1153/1740) и проживавших среди каракалпаков и казахов; о Куля-Ургенче, Новом Ургенче (Урганчи джаид), основанном в 1645 г.; об Ак-сараяе, расположенном неподалеку от Куля-Ургенча, Ак-рабате, Кукарчаке, Суфийаре, Дивалави, Кизылдаге и других местностях Хорезма (т. III, л. 426, 436, 446, 456, 766, 806 и др.).

Мухаммад Казим был участником и другой карательной экспедиции Надира, состоявшейся в 1160/1747 г. под предводительством Бехбуд-хана, приведшей к разорению многих городов и сел Мавераннахра и гибели тысяч мирных жителей (т. III, л. 1866—197а). В результате этой экспедиции был свергнут Абу-л-Файз-хан, водворены Ходжент, Ташкент, Отрар и Туркестан; насильственно переселена (ак рйла) часть населения этих городов в Хорасан; захвачена огромная добыча и большое число пленных.

Весьма подробно описываются здесь последние дни Абу-л-Файза, падение его власти и гибель. По словам Мухаммад Казима, его свержению предшествовало специальное совещание, созванное Бехбуд-ханом в Бухаре в первый день месяца раджаб 1160/9 июля 1747 г., в котором принимал участие и Мухаммад Рахим, в будущем основатель новой династии — династии Мангытов. Вот что говорится в «Наме-ин 'аламара-ин Надир» о принятом на этом совещании решении: «Падшах Абу-л-Файз стал бессильным в делах управления государством, неподобен в вождении войска и мироустройании. [Поэтому] в настоящее время мы его отстраняем [от власти], а сына его 'Абд ал-Му'мин-хана облачим [одеждой] верховного правителя и сделаем обладателем всего Туркестана» (т. III, л. 195а—195б). После этого решения иранский козырь, посланный Бехбуд-ханом в арк, доставил свергнутого хана в сад Калаждар-хана и, связав ему руки и ноги, заточил в специально отведенное помещение. Через день, 2 раджаба 1160/10 июля 1747 г. на престол был возведен двенадцатилетний 'Абд ал-Му'мин (т. III, л. 195б), который никакой фактической власти не имел. Вся власть была сосредоточена в руках вышеупомянутого Мухаммад Рахима.

Немаловажный интерес представляет 20 глава из третьего тома сочинения, где кратко, но довольно четко, изложены основные положения джа'фаритского (по имени шестого шиитского имама Джа'фара Садыка [ум. в 148/765 г.], считавшегося, по представлению шиитов, крупным ученым-богословом) толка, которые пытался внедрить в Иране Надир-шах с целью примирения двух враждующих в исламе мазхабов — суннитов и шиитов²⁰¹.

Большой фактический материал по истории Средней Азии и Хорасана первой половины XVIII в. содержится в 21—22 главах третьего тома сочинения, где повествуется о восстаниях народных масс в Кулабе, Хисаре, Бадхшане и Балхе, направленных против гнета местной феодальной знати и чужеземного ига (оккупационных властей Надир-шаха). Наиболее подробно описывает Мухаммад Казим крупное восстание, вспыхнувшее в 1154/1741-1742 г. в Андхуде и Балхе, во главе которого стоял дервиш неизвестного происхождения по имени Расули (т. III, л. 94а—98б).

²⁰¹ Подробно об этом см.: ШМИДТ А. Э. На история суннитско-шиитские отношения. «Над ал-джуман». — В сб.: В. В. Бартольд. Ташкент, 1927, с. 73—107.

Словом, сочинение Мухаммад Казима, основанное на материале личных наблюдений автора (зависимость его от мира Мухаммад Мехди-хана Астрабади весьма незначительна)²⁰², содержащее богатый фактический материал социально-экономического характера пока что остается главным источником по истории Ирана и, отчасти, Средней Азии первой половины XVIII в.

Списки «Наме-би 'аламара-би Надери» очень редки. Мы располагали единственным, но полным списком сочинения, хранящимся в ЛО ИВ АН СССР (инв. № Д. 430)²⁰³, на основе которого в 1960, 1965 и 1966 гг. Н. Д. Миклухо-Маклаем было осуществлено его фотофаксимильное издание.

Полного перевода «Наме-би 'аламара-би Надери» на какой-либо европейский язык пока что нет. Отдельные фрагменты из него переведены на русский язык и изданы П. П. Ивановым и Г. М. Петровым.

ТУХФАТ АЛ-ХАНИ

(хавский подтекст)

Ценнейший труд по истории Бухарского ханства 1134/1722—1196/1782 гг., известный также под названием «Тарих-и Рахим-хани» («Рахимханова история»), составленный двумя авторами: ахундом мулла Мухаммад Вафа ибн Мухаммад Захиром Карминаги, прозванным Казий Вафа (1096/1685—1183/1769), и жемим домуллой Алим-беком ибн Нийазкули-бек ишаном из Несефа (Карши). Большая его часть (события 1134/1722—1182/1768) принадлежит перу первого автора и завершена в 1183/1769 г., а часть домуллы Алим-бека охватывает 14-летний период (1183/1768—1196/1782 гг.) истории Бухарского ханства и составлена в последние годы правления второго мангытского эмира Мухаммад Данивала (1172/1759—1199/1785).

Таким образом, «Тухфат ал-хани» является как бы естественным продолжением уже упомянутого выше «Тарих-и Абу-л-Файз-хани»; посвящен истории Бухарского ханства и охватывает конец правления Аштарханидов и начало первых Мангытских правителей — Мухаммад Рахим-хана (1170/1757—1172/1759) и эмира Данивала.

Сведениями о жизни и деятельности авторов этого сочинения мы не располагаем. Некоторые данные о первом содержатся в ряде источников. Так, Мир Мухаммад Амин-и Бухари — автор «Убайдаллах-наме», рассказывая о событиях 1118/1796 г., упоминает о нем как о китобдаре (библиотекаре) Убайдаллах-хана²⁰⁴. По-видимому, на этой должности он оставался и при его преемнике Абу-л-Файзе, а также при первых Мангытах. Судя по тому, что деятельность Мухаммад Рахима — основателя династии Мангытов, правившей Бухарским ханством в течение 164-х лет (1170/1757—1339/1920), и его преемника описана весьма подробно, не говоря уже о том, что они повсюду наделяются чрезмерно высокими званностями, превозносятся их достоин-

²⁰² Подробно об этом см.: Введение Н. Д. Миклухо-Маклаем к первому тому фотофаксимильного издания труда, с. 18.

²⁰³ Описание см. см.: Бартольд В. В. О некоторых восточных рукописях, с. 927—930; ПТР, т. 1, с. 379; Миклухо-Маклаем Н. Д. Рукопись «Аламара-би Надери». — Ученые записки ИВ АН СССР, т. VI, М.—Л., 1963, с. 176—199; Его же. Описание, вып. 3, с. 209—214; Стари. Персидская литература, ч. II, с. 916.

²⁰⁴ Убайдаллах-наме, с. 94.

ства и добродетеля, он был близким ко двору человеком. Что касается второго автора, то о нем мы не располагаем какими-либо сведениями.

Несмотря на чрезвычайно цветистый и витиеватый стиль, наличие крайнего раболепия перед верховным правителем и его близким окружением, авторы «Тухфат ал-хани», хотя и не смогли винкнуть в суть происходивших на их глазах событий, вследствие чего не указали на причины, породившие их, тем не менее раскрывают ясную картину политической жизни страны за данный период, характеризовавшийся усиливавшейся междоусобицей среди узбекской племенной знати, грабительскими походами мангытских правителей на Карши, Шахрисабз, Ургуч, Хасар, Джизак и другие области страны, направленными на подавление неповорных племен, что, в конечном итоге, привело к хозяйственной разрухе и ухудшению положения народных масс. Помимо этого, сочинение предоставляет в распоряжение исследователей богатый фактический материал о местах расселения узбекских племен (в некоторых случаях указывается их общая численность), структуре армии, вернее племенного ополчения, государственном аппарате, политических взаимоотношениях Бухарского ханства с соседними государствами: Афганистаном, Ираном, Ташкентским владением, Кокандским ханством и Кашгаром. |

Коротко остановимся на этих и других важнейших сведениях, приводимых в «Тухфат ал-хани».

В нем, в частности, повествуется о политическом хаосе, воцарившемся в стране после установления двоевластия во главе с безвольным Абу-л-Файз-ханом в Бухаре, окруженным алчными и растленными сановниками, и Раджаб-ханом (посажен на престол в 1134/1722 г.) в Самарканде (л. 66—11а)²⁰⁸, поддерживаемым кенегесами, сараями, кетманами и частью дигай-кыпчаком. Этой обстановкой воспользовались кочевые тюрко-монгольские племена Дашт-и кипчака, цепенуемые в письменных источниках XVI—XIX вв. казахами. Они во главе со своими ханами и султанами в течение семи лет (1135/1722—1723—1141/1728—1729 гг.) систематически вторгались в оседлые районы Зарафшанской долины, грабили Мийанкал вплоть до бухарских туменов, топтали посевы и уводили с собой людей, скот и иное имущество жителей, в результате чего этот некогда благоустроенный край пришел в запустение. Мулла Мухаммад Вафа весьма подробно описывает эти события. Из его дальнейшего рассказа мы узнаем, насколько беспечным и беспомощным было правительство Абу-л-Файза, существовавшее за счет эксплуатации народа, но оставившее его в трудное время на произвол судьбы (л. 11а—13а).

Мулла Мухаммад Вафа приводит весьма ценные сведения о вооруженной и иной помощи, оказываемой иранским Надир-шахом Мухаммад Рахиму и его сторонникам в борьбе за верховную власть в Бухаре. Если в 1158/1745 г. во время возвращения Мухаммад Рахима из Ирана в Бухару его сопровождал полк Шахскул-хана (л. 36а—37б), то в последующем, 1159/1746 г. Надир-шах подкрепил его более значительными силами. В распоряжение Мухаммад Рахима прибыло из Ирана многотысячное войско, сколоченное из кизылбашей, лезгин,

²⁰⁸ Об этом см. также: Релизия Фазлова Велеванли из Бухары от 4 марта 1723 г. — В кн.: Поголов А. Н. Соседи России с Хивой и Бухарой при Петре Великом. Сиб., 1853, с. 383—384; История Абу-л-Файз-хана, с. 69—81 и след.

османских турков (усман эли), афганцев и других с артиллерией из 30 пушек, под командованием Вехбуд-хана чаушли и Хасан-хана (л. 40б—41а), что, в конечном итоге, предредило судьбу не только Абу-л-Файз-хана, но и всей династии Аштарханидов. Правда, у Абу-л-Файза были преемники в лице 'Абд ал-Му'мина (12 джумада II 1160/21 июня 1747—1164/1751), Убайдаллаха II (1164/1751—1167/1754) и Ширгази (1167/1754—1170/1756), но они считались ханами только номинально. Все эти годы фактически власть находилась в руках всемогущего Мухаммад Рахима, официально вступившего на престол 23 раби' I 1170/16 декабря 1756 г. (л. 123а—124а)²⁰⁰ и ставшего родоначальником новой династии — династии Мангытов.

Как видно из свидетельства авторов «Тухфат ал-хани», за все эти шестьдесят лет истории Бухарского ханства сепаратизм местных феодалов был настолько велик, что ни Мухаммад Рахим, ни сменившему его на престоле Данибал-бий не удавалось покончить с ним. Не было года, чтобы где-нибудь не вспыхнул феодальный бунт или какая-либо область не подверглась опустошительному набегу бухарских войск. Мухаммад Рахим и Данибал-бий, опираясь на поддержку определенных крутов феодальных группировок и мусульманского духовенства, вели непрерывную войну с целью подавить стремление местных феодалов к самостоятельности и подчинить их центральному правительству. Достаточно сказать, что только борьба с кенегесами Шахрисабза (с начала XVI в. они составляли основное население области и в преобладающей части оставались кочевниками и в XVIII в.) заняла более двух лет (1163/1750—1165/1752). За это время бухарские правители совершили туда четыре похода (л. 77а—94б). Эти войны, ярко и обстоятельно описанные авторами сочинения, велись со всем ожесточением. Бухарские войска беспощадно расправлялись с взбунтовавшимися племенами; были истреблены тысячи безвинных людей, вовлеченные в войну своими предводителями. Например, во время очередного похода на Шахрисабз, предпринятого осенью 1750 г., после взятия крепости Гаумиш, расположенной на расстоянии одной мили от Шахрисабза, за черту селения было выведено все население крепости, распределено между войсками и истреблено поголовно (л. 79а). Были растоптаны посевы и сады; выведены из строя колоды и армы; города и селения (Шахрисабз, Пенджикент, Шулуук, Сангфуруш, Хатырчи и др.) сровнены с землей (л. 20б, 59б, 94б, 95а, 98б и др.); многие племена и роды, например, *етти уру* Мийанкала, *биркаты Нура*, *дуржаны Кубадмана*, *кочегосы* селения Сангфуруш Шахрисабза, уругуцы, горцы Хисар-и шадмана и другие высланы (ак уйлик) из родных мест и расселены по туменам Бухары (л. 59б, 74а, 95а, 102б, 150б и др.). Об этих и других фактах грабежа и насилия над мирными жителями, о тяжелом положении городов Средней Азии (в том числе и Самарканда) и их жителей исследователи смогут найти в сочинении богатый фактический материал.

Весьма ценны сведения «Тухфат ал-хани» о политических взаимоотношениях первых мангытских правителей Бухары с соседними го-

²⁰⁰ Мухаммад Рахим сразу же после убийства Абу-л-Файза и изгнания кавал-бийей (в начале джумада II 1160/ после 10 июня 1747 г.) собрал в Бухаре всех улусных владельцев и попытался захватить престол, но те воспрепятствовали ему в этом (см.: Тухфат ал-хани, л. 56б).

сударствами. В междоусобицу в Бухарском ханстве были вовлечены правители Ходжента и Ташкента, Кокандское ханство, Кашгар и афганцы. В частности, кокандский хан Ирдана-бий (1164/1751—1176/1763), заключив союз с Мухаммад Рахимом, в 1167/1754—1168/1755 гг. принимает активное участие в двух походах последнего на Ура-тепе против Фазыл-бия, о чем подробно повествуется в данном источнике (л. 107а—117а). Что касается связей Мухаммад Рахима с ходжами Ташкента и правителями Кашгара (здесь — Моголистан), то они преследовали цель: совместно оградить от нашествия калмыков оседлые районы своих стран (л. 70а и др.). Только в «Тухфат ал-хани» заключены сведения об участии афганцев в политических событиях Средней Азии 20—50-х гг. XVIII в. По свидетельству историка афганцы, в основном стрелки и артиллеристы числом около двух тысяч человек оказались в Средней Азии в 1158/1745 гг. в составе иранского войска, а в 1747 г., после его ухода (этому предшествовало крупное столкновение между иранским войском и бухарцами в ночь на 29 июля 1747 г.) из Бухары, многие остались в услужении у Мухаммад Рахим-хана и Данийал-бия и впоследствии принимали участие в их военных походах (л. 40б—41а, 55б, 57б, 61б, 78а и др.). Заслуживает внимания и тот факт, что часть из них во главе с Шахруд Ла'л-беком и в сопровождении бухарских эмиров (Тагай Мурад-бий буркута и др.) в том же году была отправлена Мухаммад Рахимом в Кандагар для участия в коронации Ахмад-шаха Дуррани (1160/1747—1187/1773). Вот что об этом написано в «Тухфат ал-хани»: «Тагай Мурад-бий [из племени] буркут вместе с другими узбекскими эмирами, сопровождая группу афганцев, которые должны были участвовать в церемонии возведения на престол Ахмад-шаха, направлялись на Кандагар и Кабул; прибыли туда и удостоились милости и ласки афганского шаха...» (л. 57а). Следует отметить еще и такой факт. К установлению союзнических отношений с афганским эмиром стремились в отдельные узбекские феодальи. Так, Мухаммад Амни-бий — предводитель хисарских юзов, предпринимает попытку завлечь Ахмад-шаха в борьбу с Мухаммад Рахим-ханом и с этой целью в 1166/1753 г. направляет в Афганистан специальное посольство во главе с Чули-беком и Мухаммад Достом (л. 106б—107а). Правда, эта миссия успеха не имела, однако приведенный факт заслуживает внимания.

Весьма интересен заключенный в сочинении материал о церемонии возведения на престол и назначении на государственные должности. Этот церемониал был установлен среди тюрко-монгольских народов надревле, который соблюдали и тюркские каганы, и Караканиды, и Чингизиды. Сведения об этом имеются почти во всех нарративных источниках, однако столь обстоятельное описание церемониала содержится лишь в «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали и в «Тухфат ал-хани» в разделе о восшествии на престол Мухаммад Рахим-хана, приключившегося в понедельник 23 раб' I 1170/16 декабря 1756 г. (л. 123б—129а). Порядок его был таков: фаршан (слуги, расстилающие ковры) в том зале, где должна была произойти коронация, стелили ковры, паласы и устанавливали трон; астрологи определяли благоприятное время восшествия на престол и только после этого приглашались эмиры, сановники и видные представители мусульманского духовенства (представители четырех фамилий: потомки Махдум-и 'Алама Касани, Сайбида Ата, ходжа Мухаммад Ислама Джуй-

бари и ходжа Ахрара). Затем, в определенное астрологами время дворцовые хожки, махрмы (ближние слуги) и курчи (личная охрана) ввели в зал Мухаммад Рахима с завязанными глазами и посадили на белый войлок, который за концы держали представители четырех влиятельных племен (уруг): *мамытов* (в данном случае Мухаммад Данийал-бий), *угарчи* (Ходжамбар-бий), *бахрин* (Гайбулла-бий) и *сарай* (Джанангир-бий), за края войлока держались представители указанных выше фамилий: Исхак-ходжа, Амни-ходжа, Айбуб-ходжа, Шахаб ад-Дин-ходжа и несколько человек из числа влиятельных *бадлахов*, *турксоба*, *садров*, *ра'исов* и военачальников. После этого новоизбранного хана усаживали на трон и начинался пир, подношение подарков. При этом каждого, кто принимал участие в церемонии, хан одаривал дорогим халатом. Эмиры, сановники и представители мусульманского духовенства являлись на поклон к новоизбранному хану во вторник и среду и только в пятницу 26 раби' I 1170/19 декабря 1756 г. на имя Мухаммад Рахима была прочтана хутба; во всех главных городах и больших селениях ханства с его именем была выбита монета.

На государственные должности назначались представители тридцати двух крупных племен, при этом учитывались общая численность ополченцев и их заслуги перед тронем. Согласно нашему источнику, ими в данном случае были *мамыты*, *хитай-кипчаки*, *бахрин*, *сарай*, *кемегесы*, *джалангир*, *угарчи* и др. Их представители при Мухаммад Рахиме занимали следующие государственные должности:

Давлат-бий мангыт был назначен *парваначием* столярного города Бухары;

Ходжамбар-бий хитай-кипчак — *аталыком хана* и верховным эмиром (*ажир ал-умара*);

Гайбулла-бий бахрин, предводитель этни уруг Мийанкала был назначен на должность *диванбеси*;

Эмир Данийал-бий мангыт стал *мири асады*;

Джанангир-бий сарай — *джибачи хана*;

Сын его занял должность *великого ураки*;

Барат-бий мангыт, брат Мухаммад Рахим-хана, стал правителем Самарканда и области;

Имамкули мангыт был назначен (*урун*) *парваначием* и правителем Яккабага;

Низам ад-Дин Мас'уд — *верховным кошбеси*;

Худайяр кемегес — *бадлахом* Бухары и т. д.

Были и такие должности, как *шейхулислам*, *накиб*, *казм*, *садр*, *хатаб*, которые закреплялись только за представителями мусульманского духовенства. Мухаммад Рахим распределил эти должности следующим образом:

Исхак-ходжу, потомка Махдум-и 'Азама Касани поставил во главе мусульманского духовенства (*урум-и тахвизиш*)²⁰⁷;

Насраллах-ходжу, потомка Мухаммад Ислама, — *шейхулисламом*;

Мухаммад-ходжу Сайфид Атайн — *махибом*;

²⁰⁷ Во времена Шейбанида Убайдаллах-хана эта должность была закреплена за доном ходжа Мухаммад Ислама Джуйбарн. Поскольку никого более достойного из них не осталось в живых, эта должность перешла к джаббодским ходжам (Тухфат ал-хана, л. 126).

Низам ад-Дин Хусайни — верховным казем (кази казан) Бухары в области;

Шахаб ад-Дин-ходжу, потомка ходжа Ахрара, шейхулисламом Самарканд в области;

Мир Мухаммад-шаха, родственника верховного казая, — казем Самаркандской области;

Ибадаллах-ходжу — военным судьей (кази аскар);

'Абд ал-Каййум-ходжу и Мухаммад Амни-ходжу — софрами;

Маулана Ашур, в прошлом личного имама отца Мухаммад Рахим-хана, — хатибом ар-ри'али Бухары;

Кулмухаммад-ходжа Саййид Атайи был назначен на должность великого уржа²⁰⁹.

Насколько можно судить по материалам «Тухфат ал-хана», военный строй узбеков и при Мангытах оставался таким же, как при монголах, Тимури, Тимуридах и Шейбанидах. Однако за этот период его состав несколько изменился (процесс этот наметился еще со второй половины XVI в.): наряду с племенным ополчением (асакар-и плат ва ашман), собираемым, как обычно, под знаменем своих племенных вождей только во времена военных походов, уже существуют отдельные регулярные части стрелков (мард-и туфанг андаз), вооруженные огнестрельным оружием (туфанг, милтак) и составленные в основном из европейцев (фаранги), вернее из русских невольников, а также миракинцев (миракан-и туфанг андаз)²¹⁰, тюрков-османов (руми-йи туфанг андаз) и афганцев. Некоторое развитие получает и артиллерийский парк. Наряду с баллистой (манжалык, таш аррада), т. е. «огнеметамы» (нафт андаз) и фитильными пушками (туп), навьюченными, как правило, на верблюдов и установленными на телегах (арабаза), уже имеются гаубицы и фальковеты (замбурек).

«Тухфат-и хани» содержит также богатый этнографический материал. В отличие от других подобного рода сочинений (в которых обычно упоминаются лишь названия племен, вошедших в состав узбеков, казахов, башкиров, каракалпаков и других тюркоязычных народов), здесь указаны состав некоторых из этих племен, места их расселения и численность (л. 107а, 120б и др.). Например, в тот период племена бахрия, *етти уру* и *джалирарды* заселяли Майанкалат, *кемелеси* — Шахрисабз и область, *макемги* — в основном Карши, *соран* — Хузар, *биркаты* — Нур, *дуржаны* — Кубадан, *жам* и *угарчи* — Хисар, *Ура-тепе* и *Ургут*, *сырки* — Джиззах, *комудраты* — Байсуи и Кштут и т. д. Автор приводит весьма интересные сведения о роде *бабу* (из племени *етти уру*), кочевавшем между селениями Туркестани и Шахарах в Майанкале в тумене Самджен (л. 63б, 69б); о родах *шади* и *мерге* из племени юд, обитавших в Ургуте и Хисаре (л. 106а) и др. Эти сведения, вкупе с другими, приводимыми в других источниках, — серьезное подспорье в изучении этнического состава тюркоязычных и ираноязычных народов Средней Азии.

«Тухфат ал-хани», несмотря на обилие содержащихся в нем разнообразных сведений и наличие большого количества ссылок (в Таш-

²⁰⁹ Считавшаяся одной из почетных должностей, на приемах великих уржа сидел чуть ниже аламан (Тухфат ал-хани, л. 128а).

²¹⁰ Так называла переселенных (в XV—XVIII вв.) в основном в Гюлдуван и Ургут, мещенцев.

кенте — 12, в Ленинграде — 8, в Душанбе — 2, в Казани — 1, в Англии — 1, в Мадриде — 1)²¹⁰, изучен весьма слабо. Нет пока ни критического текста памятника, ни его перевода, за исключением небольшого фрагмента (о столкновении Мухаммад Рахим-бни с кизилбашами в Серахсе в 1160/1747 г.; в нашем списке — л. 48а—51б), переведенного на русский язык и опубликованного в МИТТ, т. II, с. 191—192.

ФИРДАВС АЛ-ИКБАЛ

(РАЙСКИЙ САД БЛАГОДЕТЕЛЬСТВ)

История Хорезма с древнейших времен до начала правления Аллакули-хана (1241/1825—1826—1258/1842) — третьего представителя династии Конгуратов (1219/1804—1339/1920), составленная известными хивинскими историками, поэтами и переводчиками Шермухаммадом Муинсом (1192/1778—1244/1828—1829) и Мухаммадом Ризои Агахи (1224/1809—1281/1864)²¹¹.

Жизнь и научно-литературная деятельность Муинса и Агахи достаточно полно освещены в научной и общественно-политической литературе (см. раздел «Рекомендуемая литература»), что позволяет сосредоточить основное наше внимание на выявлении ценностей и достоинств «Фирдавс ал-икбал», посвященного истории Хивинского ханства XVI—XVIII вв.

В «Фирдавс ал-икбал», в котором чрезвычайно подробно и, что весьма важно, в строгой хронологической последовательности излагается история Хивинского ханства со времени установления в Хорезме господства Шейбанидов (917/1511 г.) — естественное продолжение упомянутого выше труда Абу-л-Гази «Шаджара-йи турк ва могул».

Муинс, следуя установившейся в арабоязычной и персональной историографии традиции, начинает свое повествование с незапамятных времен — от Адама, Нуха и Нафаса. Однако эта компилятивная часть занимает в сочинении всего 28 листов. В какой-то степени является компилятивной и часть, повествующая о событиях XVI—XVII вв., заимствованная у Абу-л-Гази, однако отдельные события у Муинса изложены более подробно и, что весьма важно, указана дата некоторых важнейших исторических событий. Весьма подробно изложена и история XVIII в. П. П. Иванов, детально исследовавший «Фирдавс ал-икбал», отмечает, что автор писал на основании устной информации очевидцев событий, в частности своего отца²¹² Аваз-бни мираба.

Уделяя основное внимание политической истории Хорезма XVI—первой четверти XIX в., авторы во многих местах... касаются также вопросов социально-экономического характера, сообщая ряд сведений

²¹⁰ Краткие сведения об этих списках см.: СФР АН УССР, т. I, с. 77—78, 102; т. X, с. 25—26; Миклудо-Маклаф Н. Д. Отчеты, ч. III, с. 308—313; Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР, т. I, с. 101—102; Стога. Персидская литература, ч. II, с. 1150—1152.

²¹¹ Муинс довел свою историю только до событий 1227/1812 г., остальная же часть — история страны до 1241/1825—1826 г. написана Агахи в 1255/1839 г. по поручению вышеупомянутого Аллакули-хана.

²¹² Иванов П. П. Хивинские хроники XIX в. Муинса — Агахи как источник, с. 24.

о возникновении или упадке городов, прорытии новых каналов, установлении или отмене тех или иных налогов, о землевладении, торговле, перемещении населения и т. п.²¹⁹, в чем и заключается главная ценность сочинения Муниса и Агахи. Другое его достоинство — обилие сведений о туркменах, узбеках, каракалпаках и казахах, населявших территорию Хивинского ханства в те далекие времена; о политических взаимоотношениях последнего с Бухарским ханством, Ираном, Афганистаном и Россией.

«Фирдавс ал-икбал» состоит из введения, предисловия и пяти глав. Заключение (хатима), которое по замыслу автора должно было содержать сведения о шейхах, ученых, поэтах и искусных умельцах (ремесленниках), осталось не написанным.

Во введении (л. 16—6а) после традиционного словословия приводятся название сочинения, перечень глав и описываются обстоятельства поступления автора на службу к Ильтузар-хану (1219/1804—1221/1806).

Предисловие (л. 6б—9а) посвящено вышеупомянутому Ильтузар-хану, где характеризуется его натура, восхваляются деяния хана (что он в стране искоренил дурные обычаи и установил добрые порядки и что с отрядом численностью 800 человек побеждал пятитысячное ополчение йоузатов и т. п.).

В первой главе (л. 9а—14б) кратко излагается история Адама, Нуха и доисламских пророков.

История Нафаса — легендарного предка тюрко-монгольских народов до возвышения племени конгурат заключена во второй главе сочинения (л. 14б—23б).

Одна из центральных глав «Фирдавс ал-икбал» — глава третья (л. 23б—53а), в которой повествуется история потомков Курласа и Чингиз-хана. Эта глава состоит из трех частей: 1) от Буртаджана до Чингиз-хана (л. 23б—25б); 2) события, происшедшие в государстве монголов со времени Чингиз-хана до золотоордынского хана Бердибека (л. 25б—28б); 3) история потомков Шейбанида Падгар-хана (воссел на престол в улусе мангытов в 802/1458 г.), правивших в Хорезме начиная от Ильбарса ибн Бурке султана, т. е. с 817/1511 до свержения Абу-л-Газия V конгуратами во главе с Ильтузаром 12 ша'бана 1219/16 ноября 1804 г. (л. 29а—53а).

В четвертой главе (л. 53б—95а) излагается родословная Ильтузара начиная от Дибун Байана, потомка Аланкувы, до его рождения (в 1185/1771 г.).

В пятой главе (л. 95а—321б) повествуется история Хивинского ханства с 1219/1804 по 1241/1825—1826 гг., т. е. со времени Ильтузара до Мухаммад Рахима I (1221/1806—1241/1825—1826) включительно.

Коротко остановимся на тех сведениях сочинения, представляющих, на наш взгляд, определенный интерес для освещения истории Средней Азии и Хорезма XVI—XVIII вв.

Сведения по военно-политической истории. В «Фирдавс ал-икбал» в строгой хронологической последовательности изложена политическая история Хивинского ханства более чем за 300-летний период (начало XVI — первая четверть XIX в.). Весьма важно, что Мунис и Агахи, в отличие от Абу-л-Газия, приводят мельчайшие детали и,

²¹⁹ Там же, с. 27.

что главное, точны в описании генеалогии и хронологии. «Фирдавс ал-ибал» содержит немало сведений, свидетельствующих о роли туркмен, каракалпачков и казахов Хивинского оазиса, особенно первых, в политической жизни ханства. Туркмены Балхана (Абдулхана) сыграли, например, большую роль в захвате Исфахийар-ханом власти в Ургенче в 1032/1623 г. (л. 366—366), в политических событиях 1106/1689—1106/1695 гг. (л. 406—41а) и др. Так, в период правления Эренг-хана, преемника Алуши, им даже на время удалось посадить на престол Хивы своего ставленника. В этом отношении характерен рассказ Муниса об Эренг-хане, в котором говорится: Эренг-хан построил для себя резиденцию в местности Ак-сарай, расположенной на расстоянии одного фарсаха от Хивы, и большую часть времени проводил там. С наступлением темноты он, как правило, отправлялся в Хиву и, укоротив ночь в обществе луноликих, на рассвете возвращался обратно в Ак-сарай. Однажды, возвращаясь из Хивы, он упал с лошади у моста Бадр-хан иртыги и разбился насмерть. Тогда один из его махрмов остался при нем, другой помчался в Дарган к его матери Тохта-ханум с известием о случившемся. Тохта-ханум была туркменка. Она немедленно прибыла к месту происшествия, тайно похоронила сына (Эренг-хана) и спешно вернулась обратно в Дарган. У старшего ее брата был сын, который был весьма похож наружностью на покойного, одного с ним возраста и воспитывался вместе с ним. Тохта-ханум в сопровождении тысячи туркменских всадников на рассвете другого дня отправала его в Хиву. Эмиры Эренг-хана, не ведавшие о том, что с ним приключилось, пришли в недоумение, когда им сообщили, что Эренг-хан ездил в Дарган в гости к своему деду, а тот отправил его в сопровождении тысячи туркмен. Эмиры поверили, вышли ему навстречу и препроводили во дворец (орду). Спустя месяц после этого события Чин-бай из племени коз — предок Муниса, возвысившийся из среды своих современников и эмиров благодаря усилиям Эренг-хана, Адина Мухаммад аталыка и Худайкули инака, был направлен послом в Исфахан к шаху Султан Хусайну (1105/1694—1135/1722-1723), а через два месяца после его отъезда верховный эмир Хивы Адина Мухаммад аталык выехал на охоту. Лже-Эренг-хан, воспользовавшись отсутствием аталыка, схватил семерых видных эмиров во главе с Назар инак найманом; одних отправил в Мекку, других в Бухару, а остальных в Арал. Так верховная власть в Хорезме оказалась в руках туркмен (л. 406).

Как свидетельствуют приведенные в «Фирдавс ал-ибал» факты, большую силу представляло туркменское племя Боумутов, которые совместно с чоударани трижды — в 1156/1743, 1181/1767-1768 гг. (в последний год дважды) захватывали здесь верховную власть (л. 47а, 49б, 50а).

В сочинении подробно описываются междоусобицы и меофеодалная борьба в Хорезме, усилившиеся после смерти Алуши и не прекращавшиеся вплоть до Мухаммад Рахим-хана I. Отдельные феодальные группировки, стремясь захватить ключевые позиции в государстве, приглашали в Хорезм казахских и каракалпачских султанов и сажали их на престол. Имж были, например, Нурали-хан, Тауке-хан, Балакай-хан, Иким-хан из казахов, Абдаллах-хан, Карабай-хан, Падгар-хан, Абу-л-Газий-хан IV из каракалпачских тюре (л. 47а, 48а, 49б, 50а, 50б, 51а, 51б, 52б) и др. Междоусобицы и бесконечные феодаль-

ные войны тяжким бременем ложились на плечи трудового народа, о чем авторы приводят отрывочные, но весьма ценные сведения: о рас-селении племени уи турт уруг, известного под названием *ушмах уруг* (л. 44а); о голоде в Мангыте в 1135/1722-1723 г. (л. 44а); об истреб-лении каракалпаков Ширгази-ханом на берегу Ванги-су и Сырдарья в 1126/1714 г. (л. 42б); о страшном голоде в Бешкал'а (Хазарасп, Ханка, Ургенч, Кат, Шахабад) в 1182/1768 г., когда люди были вы-нуждены питаться мясом собак, кошек и продавать своих детей ка-захам и о начавшейся после этого холерной вспышке в стране (л. 50б) и т. п.

Сведения социально-экономического характера. В «Фирдавс аз-нибал» встречаются отдельные сведения о формах феодального землевладения, например, об институте суюргал: Ильбарс-хан, после установления своего господства над Хорезмом, а также Балханом (Абулханом) и Мангышлаком, «большие области (мамлакат) отдал царевичам, малые области (акавет) — змирам». В то время из под-властных Вазиру городов благоустроенными оставались Ванги шахар и Тирсак, которые Ильбарс-хан пожаловал Бильбарсу, брату своему (л. 30б); «Акатай-хан иби Аманак-хан (удельный правитель Вазира; середина XVI в. — Б. А.) двум вышеупомянутым сыновьям Кал-хана (Шейх Мухаммаду и Шах-назару. — Б. А.) отдал в качестве суюргала [город] Кат» (л. 33а); о налогах (*харидж, закят*) и повинностях (*лиш-кем, тамсиркат*) и др. Мунис указывает и на общий размер зykата, вносимого, например, туркменами в казну: «Да будет известно, что туркмены до Исфандийар-хана ежегодно платили по 40 000 баранов... чыки-салар — 17 600 голов, Хасам эли — 11 600, зречем — 4 400, крже-лам (*облак*) — 13 200, адылы — 13 200, Хизр эли, 'Али эли и тевачи занимались земледелием и [поэтому] зykат от них взимали зерном» (л. 31а).

Ценные сведения сообщают Мунис и Агахи о положении городов Хорезма: Ургенча, Кята, Арала, Вазира, Ванги шахара, Тирсака, Питника, Гандумкана, Хазараспа и др. Феодальная междуусобица нанесла большой урон многим из них. Например, во времена Абу-л-Гази был разрушен город Арал, расположенный на берегу моря (л. 37а), а при Ануше, приблизительно около 1092/1681 г., пришли в запустение Кат и Вазир (л. 39а), в 1132/1720 г., во время борьбы Тимур-хана с Ширдала, был затоплен Шахабад (л. 44а), а еще при Араб Мухаммад-хане — отец вышеупомянутого Абу-л-Гази, «спрashed в упадок Ургенч из-за безводья» и его население было вынуждено переселиться на новое местожительство — напротив крепости Тук (л. 36а). Вместе с тем народ осваивал новые земли, проводил туда воду и благоустроивал их. К числу таких относится Новый Ургенч, основанный Абу-л-Газиem в 1055/1645 г. на левом берегу Амударьи. «Он, — говорит Мунис, — весьма благоустроен и находится в цветущем состоянии» (л. 37б). Были также отстроены Новый Кат и Новый Вазир. Благоустроенными были Куланджи, расположенный недалеко от Хазараспа, где сохранялись великолепные постройки Ильтузара (л. 34а); сама столица (Хива), где были возвыгнуты медресе Араб Мухаммад-хана, чарбаг Ширгази Баг-и Мурад, развитый к востоку от Шейх арыка, медресе к югу от гробницы Пахлаван Махмуда Пур-и Пара, построенное в 1132/1720 г. (л. 35а, 44б) и др. В этой связи большой интерес представляют следующие сведения автора «Фирдавс

ал-икбал»: «В дни царствования Ануша-хана Кятский канал высох и [по этой причине] население его было разорено. Хан построил для них большую крепость к северу от [местечка] Етти тулбаз, прорыл арык до Аксуля и назвал его Пармыш. В 1092/1681 году [этот же] хан построил на северной стороне Хавка, к югу от Нового Ургенча и Нового Кята прорыл большой канал, доходивший до Анбара и Манака. К востоку от Анбара построил большую крепость и назвал ее Шахабад... Канал этот... ныне известен под названием Шахабад, благодаря которому благоустроились многие места, так что он обеспечивает водой [ныне] пять-десять городов-крепостей» (л. 39а).

В изучении социально-экономического положения Хорезма XVI—XVIII вв. важное значение имеют сведения авторов «Фирдавс ал-икбал» о миграции населения (утою многих ургенчцев, хивинцев и других в Бухару Убайдаллах-ханом в 945/1538 г. и Абдаллах-ханом II в 1092/1593-1594 гг.; бегство хорезмских узбеков из-под гнета Ифендияра и окружающих его туркменских феодалов в Бухару, Самарканд, в Мангытский улус и к казахам в первой четверти XVI в.; бегство каракалпаков к берегам Янги-су и Сырдарьи при Ширгази (1126/1714—1139/1726-1727). В результате систематических набегов (чапануд, турктаз) ханов (Ильбарса, Хаджим-хана, Абу-л-Гази, Ануши, Ширгази, Ильбарса II и др.) и представителей феодальной верхушки на Хорасан и территорию Бухарского ханства, из захваченных стран пргоняли, помимо скота, и людей, многих из которых обращали затем в рабство. В этом отношении характерен следующий рассказ Муинса: «В детстве сего немощного оставивший от моего великого предка Ишим-бия слуга рассказывал мне, что во время набега Ширгази-хана на Хорасан (в 1129/1717 г.) свыше пяти тысяч женщины и мужчины были обращены в рабство (*барды*), и был в их числе» (л. 42а—43б).

«Фирдавс ал-икбал» содержит и богатый этнографический материал, в частности важные сведения о туркменских и узбекских племенах. Из туркмен, например, упоминаются родо-племенные объединения *иргара, салур, хурасан салури, сарик, теле, боумурт, ички салур, Хаган эли, Арачеги (ирачеги), обьэлан, Хизр эли, Алы эли, тегами, байрач*, а из узбекских племен *найман, улгур, конгурат, мамгыт, канэли, кипчак, йуз, йм турт уруз (ушшоғ уруз), мукуз, кибат, сараб* и др. (сведения о них разбросаны по всему труду).

Для изучения государственного устройства Хивинского ханства могут быть полезными сведения Муинса и Агахи о таких чинах и званиях, как *закятчи, тамоч-бани, вакил, кедхурда, миралур, мутовал, макиб, аталык, инак, мироб, парваначи, араб, чалатай, инак, азир, мехтар, кушбеги (кушбеги), бакаул, хасе кушбеги, удайчи, диван-бегм, дастарханчи, ра'ис, шшавул, кутвал, казиб и шейхульислам* (сведения о них разбросаны по всему сочинению) и, в частности, следующее сообщение Муинса о произведенной Абу-л-Гази-ханом своей рода административной реформе: «Он 360-ти узбекам дал различные должности; 32-м из них дал место подле себя, как-то: [при нем находился] два шейхульислама, два казие, один ра'ис из потомков святого Саида Ата, один мутавалли, один инакб, четыре аталыка, четыре инака, четыре мираба, четыре бия, один парваначи, два Ага, два арбаба, четыре чалатайских инака, один везир, который ныне называется мехтаром, один кушбеги, один бакаул... И, разделив [всех] узбеков на

четыре группы (гурух), назвал их тула, а именно: одно тула составляли уйгуры [и] найманы. Юзы и минги были присоединены к уйгурам, а шейхи — потомки пророка вместе с бурлаками — к найманам. Конгураты и кибаты составили другое тула. Джалаиры и 'Али эли были присоединены к кибатам. Нукузы и мангыты составили третье тула. Четвертое тула составили канглы [и] киччаки. К ним были присоединены уи турт урут и [тула] получило название ут турт урут. Хан поделил между всеми узбеками оба берега Амударьи от Даргана до моря и все земли, расположенные по берегам каналов, берущих начало от Амударьи» (л. 376). В этой связи, т. е. в связи с разделением узбекских племен на четыре группы, заслуживает внимания следующее высказывание П. П. Иванова: «То обстоятельство, что большинство важнейших званий и должностей имело по четыре представителя, по-видимому, за то, что одной из задач Абу-л-Гази являлась попытка примирения четырех враждовавших между собой важнейших узбекских родовых объединений, упоминаемых здесь под названием тула»²¹⁴.

Сведения о политических взаимоотношениях Хивинского ханства с другими странами. В сочинении Муниса и Агахи есть также ценные сведения о взаимоотношениях Хивинского ханства с Бухарой (захват Хорезма Убайдаллах-ханом в 945/1538 г., 'Абдаллах-ханом II в 1002/1594 г., Надр Мухаммад-ханом в 1052/1642 г.; нашествие хивинских войск в пределы Бухарского ханства при Абу-л-Гази и Алуше; нашествие бухарских войск в Хорезм во времена правления Мангыта Давид-бег-и (1172/1758-1759—1199/1785); возведение на хивинский престол Аштарханидов — ставленников Надир-шаха: Тахир-хана и Фулад-гази-хана); с Россией (вторжение казачьего отряда в Ургенч в 1011/1602 г.; экспедиция А. Бекевича-Черкесского в Хиву при ханстве Ширгази в 1127/1715 г.); с Ираном (вмешательство Аванш-хана в борьбу астрабадских сепаратистов против Сефевидов; завоевание Хорезма Надир-шахом в 1152/1639 г.) и с Афганистаном (л. 31об, 32а, 35а, 36а, 37б, 38аоб, 43а, 50а, 51б и др.). Как известно из сообщений нашего источника, хивинцы оказывали вооруженную помощь Ахмад-шаху Дуррани, по-видимому, в его борьбе с сикхами. Так, в хронике Муниса и Агахи под 1181/1767 г. читаем: «В тот год возвратились [в Хиву] 4000 человек, отправленные [до того] на помощь Ахмад-шаху» (л. 50а).

«Фирдавс ал-икбал», несмотря на заключенную в нем большую ценность, до сих пор не издали²¹⁵. Рукописные его свертки ныне хранятся в Ташкенте и в собрании ЛО ИВ АН СССР²¹⁶.

Отдельные факты из социально-экономической и политической истории Ферганы XVI—XVII вв., изучение которой все еще остается в

²¹⁴ Иванов П. П. МНТТ, т. II, с. 328, прим. 1.

²¹⁵ Сочинение в большей своей части переведено П. П. Ивановым и опубликовано в сборнике «Материалы по истории туркмен и Туркменики», т. II, с. 329—435. Однако перевод этот фрагментарен и, в основном, является пересказом содержания основных событий.

²¹⁶ Краткое изложение см.: СБР АН УзССР, т. I, с. 83; т. VII, с. 33—35; Описание тюркских рукописей ИИА СССР, т. I, с. 106—107.

крайне неудовлетворительном состоянии, содержат упомянутые выше исторические хроники периода Шейбанидов и Аштарханидов. Для освещения истории края первой половины XVII—XIX в. большое значение имеют сочинения кокандской историографии, из которых значительный интерес представляют следующие.

МУНТАХАБ АТ-ТАВАРИХ

(извлечения из летоисчисл.)

Сочинение в первой своей части написано по типу всеобщей истории (донисламские пророки, древнеперсидские цари, правители Китая и Европы, правоверные халифы, Омейяды и Аббасиды, местные мусульманские династии Ирана и Средней Азии: Саффариды, Саманиды, Боевханды, Газневиды, Сельджукиды, Хорезмшахи, Каракитан Кармана и Музаффариды, Чингиз-хан и его преемники: Утедей, Гуйук-хан, Менгу-хан, иранские Илханы, Джалаириды, Сарбалары, Тимуриды (несколько подробное период Султан Хусайна Байкары и Бабуридов Северной Индии), Шейбаниды, Аштарханиды, Мангыты и династия Минг (рус. ИВ АН УССР, инв. № 592, л. 2а—354б); во второй части — в виде мемуаров (л. 355а—668а). Завершено в Китабе в последний день месяца раби' II 1259/29 мая 1843 г.

Автор — хаджи Мухаммад Хаким-хан, сын саййид Ма'сум-хана, родился около 1217/1802 г., был одним из образованнейших людей Ферганы прошлого столетия. Со стороны матери был внуком Нарбута-бия (кокандский хан в 1177/1763-1764—1213/1798-1799 гг.), а со стороны отца — потомком видного среднеазиатского богослова шейха хаджа Джалал ад-Дин Ахмада Касани, известного по прозвищу Махдум и 'Азим Касани (866/1461-1462—949/1542-1543)²¹⁷. Отец хаджи Мухаммад Хаким-хана саййид Ма'сум-хан тюра был шейхулисламом Коканда при Омар-хане (1225/1810—1237/1822) и в первые годы правления Мухаммад 'Али-хана (1237/1822—1258/1842). При последнем хаджи Мухаммад Хаким-хан был назначен правителем Намангана, Тюркургана и Касана. Однако вскоре отец и сын попали в немилость и были «отпущены» совершать паломничество к «святым» местам Аравии. Судьба отца неизвестна, что касается Мухаммад Хаким-хана, то он в течение семи лет (1237/1822—1243/1827-1828) странствовал по России (был, например, в Троице и Оренбурге; в последнем, 1239/1824 г. имел краткую встречу с императором Александром I); посетил Турцию, Ирак, Сирию, Палестину, Мекку, Медину, Египет и Иран, а по возвращении в 1243/1827—1828 г. в Среднюю Азию поселился в Китабе, где и провел, по-видимому, остаток своей жизни.

Сочинение Хаджи Мухаммад Хаким-хана — важный источник по изучению истории Кокандского ханства, особенно периода правления Нарбуты, Алим-хана (1213/1798-1799—1225/1810) и Омар-хана. В нем заключены ценные сведения и по периоду образования Кокандского ханства, освещающие политическую жизнь Ферганы начиная от 'Абд ар-Рахим-хана, сына Шахрух-бия (1134/1722—1146/1733-1734) до ука-

²¹⁷ Так по «Нахмат ал-куде мин хадйин ал-усе» (составлено в 1031/1622 г. Мухаммад Хашимом ибн Мухаммад Касимом Бадалханом) и «Махмат ал-машрик» Мир Мусайфаба Мирлана Бузари (завершено после 1280/1863-1864 г.) см.: «Маджму ат-таварих», изд-е А. Т. Тагирджанова, Л., 1966, Предисловие, с. 8—9.

занных выше правителей (л. 328а—354б). Однако, как справедливо отмечает В. А. Ромодан, — один из немногочисленных исследователей сочинения хаджи Мухаммад Хаким-хана, рассказы автора о событиях времен первых кокандских правителей из династии Минг, в значительной степени основанные на материале устной информации, не всегда точны, особенно в хронологии²¹⁸.

Первая часть «Мунтахаб ат-таварих» в фотофаксимиле издана А. М. Мухтаровым²¹⁹. Период извлечений из сочинения (о приходе к власти династии Минг, правлении Абд ал-Карим-бея, бегстве сына-вель Хаджи-бия, младшего брата Нарбуты, правившего при последнем Тюрк-кургане, к киргизам), выполненный В. А. Ромоданым, помещен в материалах по истории киргизов (см. раздел «Рекомендуемая литература»). Рукопись «Мунтахаб ат-таварих» как в оригинале (на персидско-таджикском языке), так в переводе на среднеазиатский тюрк, хранится ныне в собраниях Ташкента, Ленинграда и Душанбе (в музее-квартире А. А. Семенова)²²⁰.

ТАРИХ-И ШАХРУХИ

(ШАХРУХОВА ЛЕТИОНИСИ)

История Кокандского ханства со времени его основания Шахрух-беєм (1121/1709—1134/1722) до 1288/1871 г., т. е. до времени составления настоящего сочинения.

Автор «Тарих-и Шахрухи» (сочинение известно также под названием «Таварих-и Шахрухия» — «Шахрухова история»²²¹) — Нийаз Мухаммад ибн Ашур Мухаммад Хуканда, известный по прозвищу Нийаз. Происходил родом из знатной семьи: его предки находились на службе у правителей Коканда с самого начала его основания, а сам Нийаз Мухаммад (1217/1802 — не ранее 1293/1876) служил в армии Худайяр-хана (первое правление — 1261/1845—1275/1858—1859, второе — 1279/1862—1863—1280/1863, третье — 1281/1864—1865—1292/1875) по-видимому в должности войскового писаря (лашкар навис) или судьи (кази аскар).

История ханства, в основном военно-политическая, в «Тарих-и Шахрухи» изложена по установившейся в феодальной и буржуазной историографии схеме — по периодам сменявшихся друг друга ханов из новой династии Мингов: Шахруха ибн Ашур-хана (л. 12а—17б), Абд ар-Рахим-хана (л. 22а), Ирдана-хана (л. 22а—23б), Сулайман-хана (л. 23б—24б), Нарбута-хана (л. 24б—31а), Алия-хана (л. 31а—72б), Омар-хана (л. 72б—85б), Мухаммад Али-хана (л. 85б—101а), Шарали-хана (л. 107б—133а) и, наконец, Худайяра (л. 133а—252б)²²².

²¹⁸ Ромодан В. А. Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства, с. 60.

²¹⁹ Мухаммад Хаким-хан. Мунтахаб ат-таварих. Подготовила факсимильного текста, введение и указатели А. Мухтарова, изд. 1. Душанбе, 1983.

²²⁰ Краткое ан. описано см.: СФР АН УССР, т. I, с. 87—89; т. VII, с. 31—33; Персидские и таджикские рукописи ИИА АН СССР, т. I, с. 372; Махлухо-Махлуа Н. Д. Описание, вып. 3, с. 325—328; Семенов А. А. Указатель, с. 27; Описание персидских рукописей, т. I, с. 51—52.

²²¹ См. рук. ИВ АН УССР, инв. № 1787, л. 17а.

²²² Согласно хронологическим, составленным самим автором «Тарих-и Шахрухи», хронология правления династии Минг установлена в таком порядке: 1) Шахрух-оли

Тем не менее в нем содержатся хоть и отрывочные, но весьма ценные и важные сведения о борьбе дузовских (в лице Чадакских коджи) и светских феодалов за верховную власть в Ферганае, феодальном землевладении, налогах и немаловажно тяжелых поборах, которыми облагались трудящиеся массы, устройстве государственного аппарата и армии кокандских ханов, политических взаимоотношениях Кокандского ханства с Бухарой, Восточным Туркестаном и Джунгарией, а также сведения этнографического характера: о народности курама, об узбекских, калакских родоплеменных объединениях и киргизах. Кроме того, труд Нияза Мухаммада содержит важные сведения о городах, в частности об основании города Коканда, и некоторых географических пунктах Ферганской долины, Северного Таджикистана, Юго-Восточной Киргизии, Южного Казахстана, а, отчасти, Восточного Туркестана.

Словом, «Тарих-и Шахрухи», написанный на основе личных наблюдений автора и устной информации очевидцев и знатоков событий, — важный первоисточник по изучению истории Ферганы, Ташкента, Южного Казахстана и Киргизии XIX века, а также Кокандского ханства 40—60-х годов прошлого столетия. Не лишена интереса и компилятивная его часть, составленная, по-видимому, на основе не дошедших до нас источников, где речь идет о событиях XVIII в., освещающих историю образования Кокандского ханства, политическую жизнь Ферганы и соседних с ней областей.

Сочинение Нияза Мухаммада Хуканди привлекает к себе внимание ориенталистов с 1876 г., с тех пор, как Г. А. Колпаковскому удалось приобрести два его списка. Сведениями «Тарих-и Шахрухи» пользовались В. В. Бартольд, Л. А. Зимин, А. А. Семенов, П. П. Иванов, Е. Бекмаханов, Р. Н. Набиев, А. М. Мухтаров, А. П. Клямов, В. М. Плоских, Т. К. Бейсембиев и другие исследователи²²².

(1) 121/1709—1134/1721—1722); 2) Абд ар-Рахман-хан I (1134/1721—1722—1144/1732—1734); 3) Абд аз-Карим-хан (1146/1733—1164/1751); 4) Абд ар-Рахман-хан (1164/1751); 5) Идрис-хан (1164/1751—1176/1762—1763); 6) Сулайман-хан (1176/1763); 7) Нарбутга-хан (1177/1763—1764—1213/1798—1799); 8) Алим-хан (1213/1798—1799—1225/1810); 9) Омар-хан (1225/1810—1237/1821—1822); 10) Мухаммад Али-хан (1237/1821—1822—1258/1842); 11) Ширал-хан (1258/1842—1261/1845); 12) Худайбар-хан (1261/1845—1275/1858—1859); 13) Малла-хан (1275/1858—1278/1862); 14) Шахмурад-хан (1279/1862—1863); 15) второе правление Худайбар-хана (1279/1862—1863—1280/1863—1864); 16) Саид Султан (1280/1863—1864—1281/1864—1865); 17) третье правление Худайбар-хана (1281/1864—1865—1292/1875).

²²² Бартольд В. В. Түзүмү ө русском завоевании. Соч. т. II, ч. 2, с. 330—349; Зимин Л. А. Зерцало побед и его значение для истории Кокандского ханства. — ПТКЛА, год основания, 1913, с. 31—38; Он же. Первые шаги Давид-хана на государственном поприще. Там же, с. 102; Семенов А. A. Kuznetz Abris, р. 9; Иванов П. П. Казахы и Кокандское ханство (К истории их взаимоотношений в начале XIX в.). — ЗИВ АН СССР, т. VII, М.—Л., 1938, с. 110; Бекмаханов Е. Происхождение Казахстана и России, с. 99; Набиев Р. Н. Народные восстания в Коканде в 1840—1842 гг. — ОНЗ, 1961, № 7, с. 39—48; Он же. Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономическое предопределение. Ташкент, 1965, с. 14, 19, 29, 31 и др.; Мухтаров А. М. Очерк истории Ура-тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964, с. 43—44; Клямов А. Кучук-дербар мурдги (XVIII—XIX вв.). Ташкент, 1961, с. 312—313; Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1937, с. 59; Бейсембиев Т. К. «Байан-и таваарих-и таваарих-и шаир-и Хуканди» — исторический источник. — Вестник Караколнского филиала АН УССР, 1977, № 4, с. 61—72; Он же. История изучения «Тарих-и Шахрухи». — В кн.: Сборник по истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1978, с. 25—54.

Полный текст «Тарихи Шахрухи» издан Н. Н. Пантусовым, некоторые фрагменты в переводе на русский язык опубликованы В. В. Бартольдом, Н. Г. Маллициким и В. А. Ромодинным.

* * *

В вопросах генеалогии и хронологии, а также в изучении этногенеза и формирования узбеков и других тюркоязычных народов Средней Азии, Казахстана и Поволжья определенное значение имеют следующие сочинения.

[ШЕЙБАНАДА]

Анонимное сочинение, переведенное на русский язык из единственного списка, принадлежавшего ранее Азиатскому музею Санкт-Петербургской Академии наук (ина. № 591, из коллекции А. К. Казембека), и изданное в 1849 г. известным русским востоковедом И. Н. Березиным (1818—1896)¹⁹⁴; представляет собой краткую историю тюрко-монгольских народов от Ноя до Абу-л-Хайр-хана и его потомков (до Абдаллах-хана II).

Труд состоит из трех частей.

В первой части (с. 9—34 страниц текста и XXII—XLIX страниц перевода) излагается история тюрко-монгольских народов от Огуз-хана и Алакува до Чингиз-хана; самостоятельного значения не имеет; целиком и полностью основана на общезвестном сочинении Рашид ад-Дина «Джами' ат-таварих» («Сборник летописей»).

Вторая часть — о видных предводителях племени конгурат, оказавших Чингиз-хану поддержку в его борьбе за отцовское наследство и по этой причине состоявших в родстве со многими монгольскими и узбекскими ханами по женской линии (с. XXX—LIII). Несмотря на непоследовательность изложения, она «дает возможность пополнить и исправить родословие бухарских ханов, изложенное у Абу-л-Гази и Мухаммад Пусуфа-мушши»¹⁹⁵, — отмечал И. Н. Березин.

Определенную ценность представляет третья часть сочинения, где кратко излагаются основные политические события, происшедшие после кончины Абу-л-Хайр-хана (873/1468-1469), и более подробно освещается генеалогия его потомков от Шах Будаг-султана до Джанибек-султана и его потомков, царствовавших в Средней Азии (с. LIV—LXXIV).

НАСАВ-НАМЕ-ВИ УЗБЕК

(ГЕНЕАЛОГИЯ УЗБЕКОВ)

Небольшое сочинение, заключенное на двух листах (л. 1826—1836), в котором содержится бесспорное предисловие о происхождении узбеков, а также приводятся список 92-х узбекских племен и родов.

¹⁹⁴ Шейбанада. История тюрко-монголов на джаматайском диалекте с переводом, примечаниями и приложениями, изданная И. Н. Березиным, Казань, 1849. Настоящее издание, кроме перевода и обширных примечаний филологического характера, включает и арабский текст (с. 2—87).

¹⁹⁵ Березин И. Н. Предисловие к «Шейбанаде», с. VII.

Судя по тому, что оно оказалось включенным в сборник трудов крупнейшего шейха из религиозно-дервишского ордена Накшбандийа и ученого-богослова XVI в. хаджа Ахмад ибн муаллаха Джамаля ад-Дина Касани «Тавбих ас-салитин» («Назидание правителям»), «Рисала-йи тавбих ал-улама» («Трактат назидания ученым»), «Нафазат ас-саликин» («Ароматные вина [на] шествующих по мистическому пути»), «Рисала-йи зикр» («Трактат о зикре»), «Силсилат ас-сиддикин» («Мистическая цепь праведников»), «Рисала-йи батхалийа» («Трактат о дыне»), «Миярат ас-сафа» («Зеркало чистоты»), «Ме'радж ал-шикин» («Ступени восхождения любящих»), «Рисала-йи Бабурийа» («Бабуров трактат») и др.²²⁶, собранных в 1314/1896-1897 г. Низам ад-Дином ибн домуллой Шах Саид махдумом²²⁷, можно полагать, что «Насаб-наме» составлено, вероятно, во второй половине XVI — начале XVII в.

«Насаб-наме», помещенный в указанном выше сборнике после «Рисала-йи тавбих ал-улама» («Трактат назидания ученым») вышеуказанного Махдум-и Азама Касани (л. 175б—181б), начинается с краткого баснословного предисловия о происхождении узбеков, якобы основанного на «Мишкат ал-мусибин» («Ниша сестильника») Вали ад-Дина Мухаммада ибн Абдаллаха ал-Омари ал-хатиб ат-Табризи (ум. в 740/1339—1340 гг.), пользовавшегося большой популярностью на всем Востоке²²⁸. Согласно заключенному в предисловии материалу, предками узбеков являются, якобы, пророк Ибрахим и его жена Биби Сара. Их потомки, в количестве 92-х человек, прибыли в Аравию вместе с отцом второго халифа Абубекра Сиддика (11/632—13/634) из Туркестана, приняли участие в войне пророка (Мухаммада) с неверными; проявили при этом доблесть и отвагу, за что пророк все время, якобы, говорил: «Тюрк — мой посох». Все узбеки впоследствии произошли от этих 92-х доблестных людей, носят их имена и их отличали по специальному знаку — *даг* (л. 182б—183а).

Далее приводятся названия следующих, происшедших от этих 92-х доблестных людей, племен и родов: *манг, ма, кырк, узбек, рикажат, джалаир, сарай, кочурат, алчан, арсам, найман, кибчак, чакмак, алак, калмак, тарлак, тудак, бурлак, самарчик, киччак, келечи, кинакш, буйрак, урат, кибат, хитай, тунля, ужулачи, кобчи, угаджи, булатчи, джурут, джат, чилчут, булмут, уймаут, арлат, керант, умкут, танкурт, маконт, чалчурт, месит, мерки, бурмут, кибат, курлас, укалак, кары, араб, алачи, жубурган, тинлык, керай, туркман, дурман, табим, тама, рамадан, муьган, уйинк, бадади, хафиз, киргиз, мажар, кучалык, сауран, бахрим, уьрис, жубрат, бадади, татар, табаш, мочкыр, сулдуз, турбан, талая, кирдар, бистийа, каркоч, ширим, оглам, курлат, баглам, чинбай, чельмак, уьгур, асар, йабу, тарсыя, турсак и кохат* (л. 183а—183б).

²²⁶ Краткие сведения об этих и других сочинениях Махдум-и Азама Касани заключены в СВР АН УзССР, т. III, с. 298—303.

²²⁷ Рук. ИВ АН УзССР, инв. № 2389; 273 л. В сборнике, помимо трудов Махдум-и Азама Касани, помещены также «Рисала-йи шарх аббат Убайдаллах-хан» («Комментарий к стихам Убайдаллах-хана»), «Сафинат ал-набийа» («Корабль святых») Мухаммада Дара-Шукухи и другие сочинения.

²²⁸ Краткие сведения об этом источнике см.: СВР АН УзССР, т. IV, с. 137—138.

АСАМИ-ИИ НАВАДУ ДУ ФИРКА-ИИ УЗБЕК

ОБЪЯВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДВУХ УЗБЕКСКИХ РОДОВ

Рукопись хранится в ИВ АН УзССР под инв. № 4330, где перечисленными вместе оказались четыре самостоятельных сочинения: «Маджима' ал-гара'иб» («Собрание чудес») Султан Мухаммад ибн Дарвиш Мухаммада ал-Балхи (л. 16—127б), «Салнаме-ии ладжа 'Абд ал-Хакими Термези» («Книга по летоисчислению хаджа 'Абд ал-Хакима Термези») анонимного автора (л. 133б—137б), отрывок из какого-то гео-космографического сочинения, содержащего краткое описание семи климатов (л. 133б—137б) и «Тарихча-ии Самии» («Краткая история Самии»). В ней коротко излагается история правителей Мавераннахра (л. 140а—177б) от Чингиз-хана до Аштарханида Абу-л-Файз-хана. В конце «Салнаме» приводится список 90-х узбекских родов («Асами-ии наваду ду фирка-ии узбек»), несколько отличный от списка Н. В. Ханькова, основанного на «Насаб-наме-ии узбекийа»²⁰⁹ и поэтому представляющий определенный интерес. Приведем полный перечень этого списка; манг, ма, кырк, ома, улладжик, джалалир, сарай, кытай, кыпчак, найман, чакмак, урмак, тудак, бустак, самарчик, калмак, карлык, каталан, араат, арзум (арсын), барлас, будтай, кетгеле, кылыч, бубрак, айрат, кыбат, консураг, канлы, ра, джуглаучи, джусулачи, каджи, угарчи, курлаучи, джудут, джид, чылуат (чылуат), бубазит, аймарат, кыраат, баган, ангыт, тамгут, мангыт, меркит, буркит, маду кыбат, укалан, алым, кары, гариб, шеберсан, кышлык, туркман, дурман, табан, там, табан, раладин, кыган, уйшун, буса, лафт, кыргыч, тагар, бачкыр, сулдуз, каларчи, дужар, джурат, бадин, ослан, курлаут, чимбай, мегды, чылкас, айгур, аларкур, мукуз, кара тушлуб, дайу, таргыл, кокат, шарран, ширим, тама, балрим, керай, сатлыдам, мургал и коли (л. 132б—133а).

ТАРИХ-И САИД РАКИИ

(ХРОНОГРАММА САИД РАКИИ)

Широко распространенное сочинение, содержащее богатый фактический материал по хронологии важнейших событий, происходивших в Средней Азии, Хорасане, Северном Афганистане и, отчасти, в Индии начиная со времен Тимура (771/1370—807/1405) до 1055/1645 г., т. е. до вступления на престол Аштарханида 'Абд ал-'Азиз-хана. Труд известен также под названием «Тарих-и Саид Шариф Ракии-и Самарканди», «Тарих-и Ракии», «Тарих-наме-ии касира» и «Тарих-и касира».

Его автор, как установлено А. А. Семсковым, — видный самаркандский (родом из Андижанского вилайета) ученый и поэт второй половины XVII — первой четверти XVIII в. мулла Шараф ад-Дин 'алам ибн Нур ад-Дин ахунд мулла Фархад (см. раздел «Рекомендуемая литература»).

Рукописи сочинения широко представлены в собраниях Советского Союза (в Ленинграде, Ташкенте и Душанбе) и за рубежом (в Англии, Франции, Египте и Саудовской Аравии)²¹⁰. Самое большое

²⁰⁹ Ханьков Н. В. Описание Бузарского ханства. Спб. 1843, с. 58—60.

²¹⁰ Подробный из перечень см.: Стояк. Персидская литература, ч. II, с. 1141—1142.

число списков «Тарих-и Сайд Рахим» (см. выше 30) хранится в рукописно-собрании ИВ АН УзССР²⁰⁰, почти половина (15 списков) из них полные. Есть также издание этого сочинения, осуществленное в 1913 г. известным бухарским ученым Мирза Салим-беком парваначи (1848—1930) в типо-литографии Гулям Хасана Арифджанова вместе с «Тухфат ал-аъзаб фи таъкират ал-асхаб» («Подарок любимым в жизнеописании друзей») кари Рахматаллаха ибн Ашур Мухаммада ал-Бухари (ум. в 1311/1893—1894 г.).

Содержащиеся здесь хронограммы, как собственные, так и заимствованные у предшественников (например, у Салмана Саведжи, Джадал ад-Дина Руми, Джами, Мирхонда, Бинан и других), касаются жизни персов, занимавших видное общественное положение (правителей, шейхов, ученых и поэтов), посвящены строительству общественных и культовых сооружений (мостов, водоразделов, бань, мечетей, медресе и др.), освещают некоторые важные исторические события. Заключенный здесь ценный справочный материал окажет большую помощь исследователям в осмыслении социально-экономической, политической и культурной жизни народов указанных выше стран в далеком прошлом. Приведем некоторые из них.

Убийство Рашид ад-Дина имело место 1 рамазана 718/27 октября 1318 г. (л. 56)²⁰¹.

Смерть ходжа Салмана Саведжи произошла в 749/1348 г. (л. 17а).

Смерть Камал ад-Дина Ходжанди — в 793/1391 г. (л. 30 а).

Смерть 'аллама Тафтазани — в 794/1392 г. (л. 31б). О нем сообщаются еще следующие сведения: родился в 722/1322 г.; в возрасте 18-ти лет написал в Гаждуване «Шарх-и Зенджани»; в месяце сафар 748/13 мая — 10 июня 1347 г. в илхайте Джах завершил «Шарх-и Мулаххис ал-мифтах»; в месяце зу-л-ка'да 757/26 октября — 24 ноября 1356 г. составил в Туркестане «Шарх-и танки»; в месяце зу-л-ка'да 774/24 апреля — 23 мая 1373 г. в Самарканде закончил «Макасид ал-калям на шарх-и макасид», в месяце ша'бан 775/16 января — 13 февраля 1374 г. — «Шарх-и ака'ид», в 778/1376 г., будучи стариком, завершил «Шарх-и аъям аз-салат аз «Мафатах ал-'ulum» (л. 31а).

Смерть Амир Саид Шарифа Джурджани приключилась в 814/1411 г. (л. 48б). Приводятся некоторые сведения о его жизни и деятельности, а именно: родом он из Мазандаранского селения Та'уи (родился в 779/1377 г.); Музаффарид Шах-Шуджа (после 776/1374—1375—786/1384) назначил его мударрисом в «Дар иш-шифа» в Ширазе. Во времена Тимура, вернее после завоевания им Ирана (в 795/1393 г.), переехал в Мавераннахр и жил при его дворе; вступал в диспуты с вышеупомянутым Тафтазани; прожил 76 лет; умер в Ширазе (л. 47б—48б).

Смерть ходжа Мухаммада Парса произошла в 822/1419 г. (л. 501а—501б).

Смерть шейха Азари, первого учителя Улугбека, наступила в 844/1440 г.²⁰² (л. 69б). Об этом удивительном человеке, ученом и пу-

²⁰⁰ Краткое их описание содержится в СФР АН УзССР, т. I, с. 68—71; т. V, с. 42—44; т. VI, с. 27—32. Наиболее обстоятельное описание труда с приложением из него хронологических дат см.: Резен В. Les manuscrits persans, p. 115—140.

²⁰¹ По другим данным (Петрушевский И. П. Рашид ад-Дин и его исторический труд. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. I. М.—Л., 1952, с. 22) — 18 джумадя I 718/18 июля 1318 г.

²⁰² Согласно Дарджтава (ида-е Э. Брауна. Лондон—Лейден, 1901, с. 363), он

тешественнике сообщается следующее: его настоящее имя Хамад ибн 'Абд ал-Малик ат-Туси; его отец был из общества сарбадаров (джама'а-фи сарбадаран); он (шейх Азари. — Б. А.) был весьма сведущим человеком в тайных и явных науках. В стихах и в прозе написал несколько трактатов: «Джавахири ал-асрар», «Тугра-фи хумафуни», «'Аджа'иб ал-гара'иб» и др. (л. 69а—69б).

Об 'Абд ар-Рахмане Джами автор сообщает следующее: его отца звали Ахмад Дашти, родом он из селения Исфахан; его мать — потомок Мухаммад Шафбана. Родился автор в селении Харджерд, расположенном неподалеку от гробницы Зайда филя Ахмад Джама в ночь на 28 ша'бана 817/13 ноября 1414 г.; написал 44 сочинения, в числе которых «Нафахат ал-унс», «Ал-нафа'ис», «Рийазат-и асас», «Сафахат-и рйаиз», «Улум-и рйаиз», «Бахаристан», «Тухфат ал-абрар», диван стихов и др.; прожил 81 год и умер 18 мухаррама 898/10 ноября 1422 г. (л. 83а—84б).

Смерть Мирзоида — в месяце ша'бан 903/25 марта — 22 апреля 1498 г. (л. 89б).

Смерть Махдум-и 'Азама Касани — 21 мухаррама 948/17 мая 1541 г. (л. 131а).

Смерть Мир 'Али катиба — 953/1546 г. О нем сообщаются следующие сведения: родом он из Герата, молодость его прошла в Мешхеде. Он — ученик Зайн ад-Дин катиба. В 925/1519 г. из-за беспорядков (инкилаб-и заман) пересел в Мавераннахр. Умер в Бухаре в 953/1546 г. и похоронен на мазаре Сайф ад-Дина Бохарав в Фатхабаде (л. 154б—155а).

Смерть Хайр хафиза, известного музыканта, произошла в 981/1573 г. 'Абдаллах-хан II из-за небольшого проступка приказал умертвить его (л. 181б).

Приведем несколько примеров из хронограмм, посвященных строительству общественных и культовых зданий.

Дворец Ак-сарай в Кеше завершен в 784/1382 г. (л. 22а).

Медресе Улугбека в Самарканде — в 828/1425 г. (л. 61а).

Обсерватория Улугбека в Самарканде — в 832/1429 г. (л. 62б).

Строительство Кучкунджи-ханом мраморного минабара в соборной мечети Алейка кукульташа в Самарканде — в 834/1528 г. (л. 135б).

Медресе Мир 'Араба в Бухаре — в 943/1536 г. (л. 143б).

Библиотека маулава Мира муфтия в Бухаре — в 965/1558 г. (л. 169а).

Строительство Джуваншара 'Али-ханом большой бани в Самарканде — в 982/1574 г. (л. 183а).

Сооружение мехтар Касимом многоарочного водораздела на р. Кухек у селения Гиждуван — в 984/1576 г. (л. 191б—192а).

Чарбаг 'Абдаллах-хана в Бухаре — в 992/1584 г. (л. 120б).

Сооружение бухарского чар-су — в 995/1587 г. (л. 197а—198а).

Строительство моста на р. Кухек у селения Керминс — в 995/1587 г. (л. 198а).

Медресе казия Сани в Самарканде — в 1021/1612 г. (л. 230б).

В сочинениях содержатся хронограммы и на отдельные выдающиеся произведения, например «Зидж» Улугбека завершен в 841/1437 г. (л. 63а), «Нафахат ал-унс» Джами — в 874/1469 г. (л. 72а), сочинение

было еще в 40-е годы и в 1448 г. встречался в Нефара'ине с Улугбеком, со своим бывшим учеником.

ние «Хусн-и Хусайн» переведено кази Мухаммад Арифом ибн ахунд кази маулана Садыком в 1015/1606 г. (л. 222а). Мухаммад Ариф находился в должности войскового судьи (кази аскар) при Вали Мухаммад-хане; был весьма сведущим в таких науках, как фикх, кадис, тафсир, назв (синтаксис) и калам (схоластическое богословие) (л. 222б).

ЭИКР ТА'ДДАД ПАДИШАХАН-И УЗБЕК

(перечисление узбекских царей)

Составлено в XIX веке. Имя автора не известно, однако в двух стихотворных вставках (л. 158а—158б и 176а) приводится его литературный псевдоним: Му'ин (помощник), что натолкнуло составителей каталога «Собрание восточных рукописей АН УзССР» на мысль об авторстве этого лица²⁰⁴. Однако утверждать, что именно он был автором данного труда, было бы не совсем правильным, ибо средневековые историки вставляли и прозаический текст не только собственные стихи, но и заимствованные из других сочинений. В данном случае анонимный автор заимствовал стихи из дивана известного бухарского поэта Му'ина, жившего в конце XVIII — начале XIX в.²⁰⁵.

В настоящем труде приводится, наряду с кратким упоминанием об основных политических и других событиях, родословная Мухаммада Шейбани-хана — основателя династии Шейбанидов в Средней Азии, возведенная, по установившейся в те времена традиции, до Чингизхана (л. 135 б) и его потомков, правивших в Мавераннахре (900/1501—1009/1601), затем Аштарханидов, начиная с Баки Мухаммад-хана до Ибадаллах-султана и, несколько подробно, мангытских государей: Мухаммад Рахима, Данибал-бия, Шах Мурада (1200/1785—1215/1800) и Хайдара (1215/1800—1242/1826-1827). Повествование доведено до 1242/1826-1827 г., т. е. до восшествия на престол Бухарского ханства эмира Насраллаха (1242/1826-1827—1277/1860-1861 гг.).

Несмотря на комплиментный характер сочинения, в нем содержатся некоторые факты и материалы, которые могут быть полезны исследователям в изучении истории Средней Азии XVI—XIX вв., в частности для сравнения или установления даты тех или иных исторических событий и, в особенности, в спорных случаях. Приведем некоторые из них.

В нарративных источниках обстоятельства сражения наместника Шейбанидов в Хорасане Динмухаммад-хана с шахом 'Аббасом II, происшедшего в 1008/1599 г., излагаются совершенно по-разному. Мухаммад Пусуф-муниш об этом событии, например, сообщает следующее: «В это время кизылбаш, услышав о смерти двух государей ('Абдаллах-хана и 'Абд ал-Му'ин-хана. — Б. А.), немедленно напали [на узбеков] и отняли Хорасан из-под их власти. Динмухаммад-хана с двумя братьями (Баки Мухаммад-ханом и Вали Мухаммад-ханом. — Б. А.) осадили в Баверде... На третий день сражения [сам] Динмухаммад-хан погнал коня [на поле битвы]; в этот день полки кизылбашей были как волны безграничного и безмерного моря. По воле судьбы хан получил ранение в глаз и еретики одержали победу... Дин-

²⁰⁴ СФР АН УзССР, т. IX, с. 22.

²⁰⁵ См. «Бадал» (составлен в последней трети XIX в. Мир Мухаммад Саиди Халиков), рук. ИВ АН УзССР, инв. № 182/II, л. 66б—71а.

мухаммад-хан в это время отделился от братьев и через несколько дней добрался до области Куздуз; там проживало племя хорасанских аймаков, которых называли также каройи. Они увидели одинокого человека в царском платье, ехавшего на [богато убранном] коне, и, прельстившись ханским добром, эти несчастные люди застрелили его...»²⁰⁴. Авторы же «Бахр ал-асрар» и «Тарих-и Кичмак-хани» свидетельствуют, что упомянутое сражение произошло в Рабат-и шарийан (близ Герата); в нем погибло около шести тысяч узбекских воинов, а равный Динмухаммад-хан бежал в Меручак и там умер от ран²⁰⁵. В настоящем труде тоже говорится о гибели в этом побоище шести тысяч узбеков, о смертельном ранении Динмухаммад-хана и его бегстве. Однако он, согласно сведениям этого источника, бежал к каза-рейцам и там умер (д. 141а).

Во всех источниках, написанных при Аштарханидах, говорится о союзе Вали Мухаммад-хана с иракским шахом 'Аббасом II. Однако чем конкретно он помог Вали Мухаммаду в его борьбе против своих претендентов — Инажукули-хана и Надр Мухаммад-хана, — точных сведений не приводится. В данном сочинении указано лишь количество войска, которое предоставил шах 'Аббас в распоряжение Вали Мухаммада — 17 тысяч человек. Однако большая их часть попала в плен и была обращена в рабство (гулям) (д. 142а).

Подробно говорится здесь и об усилении кенегесов (Ибрахим-бин и его брата Султана кушбегги) в первые годы правления Абу-л-Файз-хана; захвате в 1134/1722 г. власти в Самарканде Раджаб-ханом и тяжелом положении народных масс не только в Самарканде и Мийан-кале, но и в Бухарской области в 1134/1722—1148/1735-1736 гг., усугублявшемся систематическими войнами и набегами казахов и каракалпаков. Наш автор рассказывает: «Голод охватил в такой степени, что человеческое мясо было [единственной] пищей людей. Умерших не хоронили, а съедали... Каждый, [кто мог], оставлял свой очаг и уходил куда-нибудь. В Бухаре люди остались в двух кварталах, а в Самарканде кроме квартала шаха Каландара вообще вымерла жизнь» (д. 145б—146б).

ТАРИХ-И САЛАТИН-И МАНГЫТНА, УЗБЕКНА ВА АШТАРХАНИНА

(ИСТОРИЯ ШАХМАНСКИХ, УЗБЕКСКИХ И АШТАРХАНИДСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ)

Приписываемый бухарскому принцу из дома мангытских правителей Мир Хусайну ибн Амир Хайдару исторический труд в основе своей компилятивный, заимствованный из «Шейбани-наме» Бинзи, не дошедшего до нас сочинения под названием «Силсилат аз-захаби» («Златая цепь») ²⁰⁶, «Шараф-наме-би шахи», «Маджма' ал-гара'иб»,

²⁰⁴ Мухам-ханская история, с. 73—74.

²⁰⁵ Бахр ал-асрар, рук. биб-ки Нац. архива, д. 54а—55а; Тарих-и Кичмак-хани, д. 111а.

²⁰⁶ Правда, под этим названием известно суфийского содержания сочинение Абд ар-Рахмана Джамии, посвященное Султану Хусайну в аштарханидское и 876/1471-1472—880/1485 гг. (СВР АН УССР, т. VIII, с. 161—162; т. IX, с. 114; Стари. Персидская литература, ч. 1, с. 561). Однако об этом сочинении наш автор упоминает в связи с событиями 980/1572 г., связанными с восставшим из самаркандской престол Шейбанида Джуваншадом Али-ханом (д. 72а).

«Тарих-и Муқим-хани», «Убайдаллах-наме» и «Тарих-и Саид Рақим». Составлен в первой четверти прошлого столетия.

Сочинение состоит из трех частей: 1) Мангыты от неизвестного золотоордынского временщика Идаку узбека (1352—1419) до Худайар парваначи мангыта, т. е. до 1021/1612 г. (л. 1а—63а); 2) Шейбаниды, начиная от Абу Са'ид-хана — сына Кучкулджи (937/1531—940/1533—1534) до восшествия на престол Бухары Шейбанида Пирмухаммад-хана II (1005/1598—1009/1611) (л. 64а—102б); 3) Аштарханиды от Баки Мухаммад-хана до Убайдаллах-хана II (1161/1748—1170/1756) (л. 102б—144а). Единственный список рукописи хранится в собрании рукописей ИВ АН УзССР под инв. № 112/1, притом дефективный (не хватает начала и конца), повествование обрывается на начальном периоде правления Аштарханида Убайдаллах-хана I, поэтому довел ли автор изложение своего сочинения до конца правления Аштарханидов, т. е. до 50-х гг. XVIII в., сказать трудно.

Труднейшим вопросом в том отношении, что в нем помимо сведений по генеалогии и кратких данных по всем трем правящим в Средней Азии династиям собраны хронограммы (та'рихи) на те или иные события, извлеченные из многих произведений, в частности из поэтических произведений Шайда, Дарвиш Мухаммада муфти, хаджа Хасана Нисари, Мирзы Байхари, сына маулана Мир 'Али катиба, Хафиз-и Таныша Бухари, маулана Низами, Мушфики, мулла Мухи аттара, кази Пайады, Мухабби (Кулбаба кувельташа), Мирза Касим дивана, хаджи Мухаммада Самарканди, Мирза Мурад дивана, маулана Баки Дарзи, маулана Назима, Дост Мирза Самарканди, маулана Арши, хаджи Бахрама и других.

В данном источнике есть отдельные, заслуживающие внимания факты и сведения, посвященные социальной и политической жизни Средней Азии XVI—XVIII вв., не имеющиеся в других сочинениях. Приведем некоторые из них.

В сочинении упоминаются, например, о таких средневековых городах, как Баш Узгенд и Аяг Узгенд, расположенных в среднем течении Сырдарьи на левом ее берегу (л. 76б) и Аккургане, расположенном на том же берегу этой реки, напротив Отрара и Туркестана (л. 96б); имеются сведения о холере (паба), вспыхнувшей в 999/1590—1591 г. в Бухаре. «От этого бедствия, — говорит автор, — не спаслись ни люди, ни животные» (л. 96а). Приводятся подробности бунта эмиров в Ходженте против Надр Мухаммад-хана в 1055/1645 гг. Согласно сведениям данного источника, бунт возглавлял неизвестный Палавтуш-бий, поссорившийся до этого в Бухаре с ханом. Взабутовались, схватил 'Абд ал-'Азиз-султана, направленного для их усмирения, выступили на Бухару и в местечке Ак-тепа, расположенном к западу от Бухары, провозгласили 'Абд ал-'Азиза ханом, а затем осадили столицу. Надр Мухаммад-хан после трехмесячной осады был вынужден покинуть город (л. 121а). Содержится рассказ о строительстве канала в местности Куш-курган в 1043/1633—1634 г. по приказу Имамкули-хана, построенного за счет беспощадной эксплуатации народных масс. Поставленные во главе работ эмиры настолько угнетали народ, что «вместо воды потекла кровь из глаз большинства населения Мавераннахра» (л. 120б); о высоком арке, возведенном Шейбанидом 'Абд ал-Му'мин-ханом на мазаре хаджа Абу Насра Парса в Бал-

из внутренней стороны которого была отделана цветными фаянсовыми плитками; о постройках, возведенных Субханкули-ханом в Балхе: медресе, аудиенц-зала в арке, отделанного лазуритом и золотом, пятничной мечети, чарбага Аминабад, расположенного к востоку от арки и др. (л. 142а).

Ценные сведения о торговых и политических взаимоотношениях Бухарского ханства с Северной Индией (государством Бабуридов) XVI—первой половины XVIII в. содержатся в следующих исторических сочинениях, написанных в Индии:

«**Айин-и Акбария**» («Установления Акбара») упомянутого нами выше Абу-л-Фазла 'Аллами, широко представленный многочисленными списками (один из полных его списков хранится в ИВ АН УзССР, инв. № 1721), издан в 1893 г. в Лакхнау.

«**Тузук-и Джахангирия**» («Установления Джахангира»), известного также под названием «Джахангир-наме» («Книга о Джахангире»), приписываемый Бабуриду мирза Салиму, известному под именем Джахангир (о сочинении подробно см.: СВР АН УзССР, т. I, с. 101—102).

«**Нибал-наме-йи Джахангирия**» («Джахангирова книга счастья») Мухаммада Шарифа, известного под прозвищем Мутамад-хан (достойный доверия) Бахми, также представленный в многочисленных списках, хранящихся ныне в собраниях рукописей СССР и Европы (подробно см.: СВР АН УзССР, т. VIII, с. 46).

«**Падшах-наме**» («Падшахова книга») 'Абд ал-Хамида Лахури, посвященное Шах-Джахану (1037/1628—1068/1657—1658) и известное также под названием «Шах-Джахан-наме» («Книга о Шах-Джахане»).

«**Аламгир-наме**» («Книга об 'Аламгире»), написанное Мухаммад Казимом ибн Мухаммад Амми-мушши — личным секретарем Бабуриды Мухи ад-Дин Аурангзеб 'Аламгира (1068/1658—1118/1706—1707), повествующее о первом десятилетии периоде его правления (см.: СВР АН УзССР, т. V, с. 59—60).

«**Маасир-и 'Аламгири**» («Доблестные деяния 'Аламгира») Мухаммада Саки Муста'ид-хана, в котором описывается история Индии 1068/1658—1118/1707 гг. (см.: СВР АН УзССР, т. IX, с. 26—27).

МАДЖМА' АЛ-ГАРА'ИБ

(СОБРАНИЕ ЧУДЕС)

Гео-космографическое сочинение, составленное после 977/1569 г. балхским ученым Султан Мухаммадом по поручению правителя Балха Шейбанида Пирмухаммад-хана (953/1546—974/1566—1567).

Об авторе известно очень немного. Согласно отрывочным сведениям, содержащимся в самом «Маджма' ал-гара'иб», о нем и его отце можно сказать буквально следующее: отец маулана Дарини Мухаммад был высокообразованным и влиятельным человеком при Шейбанидах Хуррам-шах-султане (912/1506—917/1511) и Кистин-кара-султане (932/1526—951/1544) и занимал должность муфтия всего Балха. Сочинял и стихи, отдельные отрывки (кит'а) из его стихов на ста-

роузбекском языке приведены в «Маджма' ал-гара'иб» (л. 283а и др.). Умер Дарвиш Мухаммад в первый день сафара 957/19 февраля 1550 г. (л. 307а). Хорошее для того времени образование получил и его сын Султан Мухаммад, автор «Маджма' ал-гара'иб». Судя по тем вопросам, которые затронуты в сочинении, научный кругозор автора был весьма широк. Он был весьма сведущим в таких науках, как история, география, литература, астрология, минералогия, богословие, фикх и др. После смерти отца Султан Мухаммад был назначен на его место и был близким к балхскому двору Шейбанидов человеком. Но больше всего его увлекали не политика и не дела, связанные с отвлеченными обязанностями муфтия, а научные занятия, в частности исторические, географические и иные книги, беседы с учеными, путешествия по городам древней Бактрии, в результате чего и было написано данное сочинение. Умер Султан Мухаммад 10 мухаррама 981/12 мая 1573 г.

Труд Султан Мухаммада содержит богатый и разнообразный материал о географическом положении главных среднеазиатских городов, о минеральных богатствах рек и гор Средней Азии, особенно южной ее части, во политической истории страны первой половины XVI в., а также биографические данные о выдающихся личностях: шейхах, ученых, поэтах и отдельных правителях (об этом ниже).

При составлении сочинения Султан Мухаммад использовал свыше 80-ти трудов своих предшественников: историков, географов, богословов и других, многие из которых до нас не дошли. Среди них «Ара ал-мутакаддимин» («Мысли предшествовавших ученых»), Беруни «Мафадир ал-араб» («Гордость арабов»), «Тухфат ал-гара'иб» («Дар чудес»), «Тарих-и Сакалиба» («История славян»), «Зеби ал-кияс» («Украшение истории»), «Анис ал-вахдат ва джалис ал-хавват» («Друг одиночества и собеседник в удивлении»), «Масалик ал-мамалик» («Пути стран»), Абу-л-Касим 'Абдаллаха Хурасани «Такмилат ал-лата'иф» («Совершенные рассказы») и др. Как показало тщательное изучение «Маджма' ал-гара'иб», его автор оказался не простым компилятором, а обогатил свои заимствования сведениями, собранными им самим во время путешествий и бесед со знатоками. Это во-первых. Во-вторых, благодаря ему нам стало известно о многих не дошедших до нас трудах, отдельные отрывки из которых сохранились лишь в данном сочинении. Здесь же при описании одной крепости в Табаристане (л. 193а) и г. Шарара в Азербайджане (л. 206а) он ссылается на гео-космографический трактат маулана 'Абд ал-'Али Вирджандя (ум. после 930/1524 г.) «'Аджайб ал-булдан» («Чудеса стран»), чем и устанавливает его принадлежность к этому сочинению, считающемуся до недавнего времени анонимным²⁰⁹.

«Маджма' ал-гара'иб» — сочинение весьма популярное. Сведениями его пользовались авторы XVI—XVII вв.: Хафиз-и Таныш Буларя, автор «Шараф-наме-ли шахи», Мухаммад Тахир, автор «'Аджайб ат-табакат» (об этом ниже), Махмуд ибн Вали, мулла Шараф ад-Дже 'Алам Самаркандя, автор «Тарих-и касира» и др. О его популярности свидетельствуют и дошедшие до нас многочисленные его списки (выявлено 80 списков, из них 69 хранятся в рукописохранилищах СССР), а также переводы на узбекский язык, один из которых (перепи-ска

²⁰⁹ СБР АН УССР, т. V, с. 302; Rieu Catalogue, vol. I, p. 417; Sachau, Ethe. Catalogue, vol. I, p. 373—376.

Мухаммад Хусайн махдум Бухари) хранится в ИВ АН УССР под инв. № 7774²⁰⁶.

Несмотря на обилие ценных фактов и сведений²⁰⁴, труд Султан Мухаммада до недавнего времени (до 1974 г.) не был предметом обстоятельного изучения. Серьезный вклад в исследование этого памятника внес наш ученик из Афганистана Мухаммад Якуб Вахид, изучивший многочисленные его списки и составивший на их основе научно-критический текст²⁰⁵.

Большой интерес представляют 3, 11, 12 и 18 главы настоящего сочинения, где содержится ценный фактический материал о таких городах и странах, как Бухара, Балх, Тамгач, Мерв, Сивабуш, Саганина, Термез, Тибет, Туркестан, Булгар и Самарканд (гл. 3); о реках Джейхун, Кухак, Чирчик (Нахр-и Шаш), Мургаб, Вахш и др. (гл. 11); о расстояниях между городами мира (гл. 12); о датах важнейших политических событий; о жизни выдающихся шейхов, ученых, поэтов и правителей (гл. 18). Эти сведения, особенно последние, отличаются большой точностью и, что весьма важно, собраны в одном месте, что создает определенное удобство для исследователей.

Еще одна особенность труда Султан Мухаммада заключается в том, что в нем приводятся (в гл. XIV, л. 926—1036) сведения о драгоценных (жаснт, изумруд, рубин, жемчуг, алмаз) и посредственных (железные, дождевой и др.) камнях, основанные на материалах своих предшественников (Ал-Кинди, Беруни, Мухаммада ибн Мансура) и личных наблюдений автора. В сочинении Султан Мухаммада сохранились отдельные фрагменты из «Минералогии» Беруни, не вошедшие в текст немецкого ориенталиста Ф. Кренкова и в русское его издание, осуществленное А. М. Беленицким (см. раздел «Рекомендуемая литература»).

ХАФТ ИКЛИМ

(СЕМЬ ПЕРИОДОВ)

Широко известная географо-биографическая энциклопедия, в которой наряду со значительным географическим материалом содержится полезный исторический и обширный биографический материал о 1560 видных шейхах, ученых, писателях, поэтах и политических деятелях стран Востока VII—XVI вв. Составлена между 996/1588—1002/1594 гг.²⁰⁷

Автор сочинения — известный литератор XVI в. Амин Ахмад Рази, уроженец Рея, выходец из состоятельной иранской феодальной знати.

При его составлении автор широко использовал труды своих пред-

²⁰⁴ Обо всех списках подробно см.: Мухаммад Якуб Вахид. Текстологическое исследование «Маджма' ал-гара'иб». Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1974, с. 7—8, 16—21.

²⁰⁵ Из известности его в свое время упоминали, например, Н. Д. Максудов-Макляй, А. Т. Тагарджанов и афганский ориенталист Абдулах Хайби (см. раздел «Рекомендуемая литература»).

²⁰⁶ Мухаммад Якуб Вахид. Текстологическое исследование «Маджма' ал-гара'иб».

²⁰⁷ У Хаджи Хафиза (Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum., т. VI, с. 501, № 14611) годом завершения «Хафт иклим» указан 1010/1601-1602 г., что, конечно, ошибочно.

шественников, в частности «Сувар ал-акалим», «Масалик ал-мамалик», «Кабус-наме», «Маджма' ал-авсаф», «Тарих-и фируз-шахи», «Тарих-и Бенакет», «Тарих-и Газани», «Джаме' ат-таварих», «Вахаристан» и «Нафхат ал-ушс Джами», «Газкират аш-шувра» Даулет-шаха, «Хабиб ас-сияр», «Вабур-наме», о которых он упоминает во введении (л. 26) и в других местах сочинения (л. 126а, 140а, 141а, 165б, 219а, 285б). В нем, однако, имеется и оригинальный материал, основанный на личных наблюдениях самого Амиа Ахмада Раян.

При описании городов т. н. «мусульманского мира» автор придерживался принципа арабских географов, согласно которому он разделил свое сочинение на семь частей (иклим) и весь материал (географический, исторический, биографический) расположил по климатом.

Содержащиеся в нем географические сведения наиболее важных городов обитаемой части света в большей своей части отличаются краткостью и общностью изложения. Как и в подобного рода сочинениях здесь, например, сообщается о местоположении и главных достопримечательностях городов, быте и нравах их жителей, водных и минеральных ресурсах и о том, что родит в них земля. В отдельных случаях автор приводит чрезвычайно интересный и важный материал социально-экономического и исторического характера. Так, в разделе «Балх» заключены следующие заслуживающие внимания сведения: накануне нашествия полчищ Чингиз-хана (1220 г.) в этом городе проживало свыше 50 тысяч жителей, впоследствии поголовно истребленных монголами (л. 122а). Характерно и такое сообщение. Согласно данным этого источника, в казну знаменитого мазара 'Али в Балхском селении Ходжа хайран (ныне г. Мазар-и шариф, сооруженного после 885/1480 г., только от приношений ежегодно поступало 100 туманов серебра, а в числе огромных вакуфных его владений указаны канал Накр-и шахи и селения, расположенные по обоим берегам канала от Ходжа хайрана до ущелья Дерегеза (л. 122б), что подтверждается и дошедшими до нас вакуфными грамотами тимуридских, шейбанидских и аштарханидских правителей: Султан Хусайн-миром, Шейбани-хана, Надр Мухаммад-хана, Субханкули-хана, Ибдаллах-хана, Санджар-хана, Араб Мухаммад-хана, Чингиз Мухаммад-хана, Абу-а-Хасан-хана и др.³⁴⁴ Большой интерес представляют сведения автора «Хафт иклим» и о минеральных богатствах окрестных гор Ходжента (бирюза), Ташкента (железо, бирюза, известняк, нефть), Бадахшана (рубин, лазурит и др.). Ценны свидетельства автора и о современном ему Термезе — небольшом городке, расположенном на берегу Амударьи (л. 132а); водоразделе с девятью арками на реке Дженаб у города Хисар-и шадман (л. 134а); неприступной горной крепости Кала-йи чинар в Гуре (л. 141б); административно-территориальном делении Кабульской области (л. 136а—136б) и др.

«Хафт иклим» содержат сведения и о политическом положении государства Бабуридов в Северной Индии после смерти его основателя Бабура (937/1530 г.); вмешательстве Шейбанидов Балха в междоусобную борьбу Хумаюна, Мирза Камрана, мирза Аскари и Хиндала (л. 88а—95а); неурядицах, возникших в Восточном Туркестане после смерти Чагатаида 'Абд ар-Рашид-хана (958/1551 г.) и судьбах

³⁴⁴ См.: Хафиз Нурмухаммад Кузгадаев, Тарих-и Мазар-и Шариф, Пеншар, 1335/1946, с. 81—106.

бежавших в Индию его сыновей: Курайш-султана и 'Абдаллах-султана (д. 2916).

Большую ценность представляет биографический материал данного источника о видных ученых, шейхах и поэтах прошлого и современности, приводимые Амин Ахмадом Рази при описании каждого климата. Так, в четвертом разделе (иклим) заключены сведения о «сладкое пера и ума» сподвижнике пророка 'Абдаллах ибн Мубарак (в разделе «Мерв-и шахиджесан»); «султани ученых» шейхе База ад-Дине Валаде, отец знаменитого Джалал ад-Дина Руми, умершего в Кони в 628/1231 г.; «царе писцов» Рашид ад-Дине Ватвате, — авторе «Хада'ик аз-сехр»; Мирзанде — крупнейшем историке XV в. (в разделе «Валх»); «гордости ученых» Абу-л-Касиме Махмуд ибн Умаре Замахшари — авторе ряда трудов по арабской грамматике, лексикографии, юриспруденции и богословию: «Кашф ал-муфассал», «Асас ал-балага», «Раби' ал-абрар», «Диван мукаддamat ал-адаб» и др., а также о знаменитых везирах: Махмуде Ялваче и его сыне Мас'уд-беге (в разделе «Хорезм»); крупных самаркандских ученых хафиз Абу 'Абдаллахе ибн 'Абд ар-Рахмане ибн Абу-л-Фазле (181/797—275/888-889), Захир ад-Дине Самарканди — авторе «Синдбад-наме» и «Аграз аз-сийасат»; устате Абу Мухаммаде ар-Рашиде — авторе «Зийнат-наме»; хадже 'Абд ал-Малике — комментаторе «Ал-хидай» Бурхан ад-Дин Маргинани и др.; бухарских ученых Абу 'Абдаллахе Мухаммаде ибн Исма'ил ибн Ибрахиме — авторе «Сахих ал-дугат» (194/810—255/870) и Джамал ад-Дин Махмуд ибн Ахмад Насире (ум. в 636/1238-1239 г.) — мударриесе медресе «Нурийа» в Дамаске и др.

Рукопись «Хафт иклим» весьма многочисленны и представлены во многих собраниях и библиотеках СССР и зарубежных стран²⁴⁸, однако критический текст или полное его издание и переводе на какой-либо европейский язык отсутствует. Отдельные фрагменты опубликованы Дорном и Деннисом Росс в содружестве с Абд ал-Муктадиром (I, II и начало III климатов)²⁴⁹.

АДЖА'ИБ АТ-ТАВАКАТ

(СУДСА РАВЗИДОВ (ИМЛА))

Интересное, малоизученное гео-космографическое сочинение, написанное на основе многочисленных исторических, гео-космографических и иных трудов предшественников и обогащенное личными наблюдениями автора; содержит разнообразный материал по истории и географии Средней Азии XVI — начала XVII в.

Написано маулана сайид Мухаммад Тахиром ибн Абу-л-Касимом по поручению балхского хана Аштарханида Наар Мухаммад-хана. Точных данных о жизни и деятельности Мухаммад Тахира нет, но, судя по тем отрывочным сведениям, которые содержатся во введении (д. 26—36), он принадлежал к тому кругу ученых, которых собрал

²⁴⁸ Описание их см.: СВР АН УзССР, т. I, с. 298—299; т. V, с. 71; т. VI, с. 53—54; Ромаскевич А. А. Список, т. I, с. 13; Мисахудо-Мавлаи Н. Д. Описание, вып. I, с. 74—77; Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР, т. I, с. 221; *Revue Supplément*, p. 99; *Ethn. Catalogue*, vol. I, p. 380—393; Khan Bahadur Shakh. *A Descriptive Catalogue*, p. 69—108.

²⁴⁹ См. раздел «Рекомендуемая литература».

возле себя Надр Мухаммад и, по-видимому, работал в его богатейшей по тому времени библиотеке.

Время составления сочинения устанавливается по следующим фактам. В разделе «Балх», где рассказывается о завершении построек над мширой могилой четвертого правящего халифа 'Али (35/656—40/661) в Балхском селении Ходжа хайран в 883/1481 г., сооруженный знаменитым поэтом, ученым и мастером строительных дел маулана Камал ад-Динном Бинаи и его отцом маулана Мухаммад Сабоом по велению Тимурида Султан Хусайна-миром, автор говорит, что «с тех пор по сегодняшней день прошло 172 года» (л. 696). Таким образом, сложив обе цифры 886+172, мы получаем 1058/1648, что и является годом завершения настоящего сочинения.

При составлении сочинения Мухаммад Тахир пользовался тот же материал, что и предыдущий автор — Султан Мухаммад. Однако здесь более широко использованы труды ал-Баттани (852—929), Боруни («Канон Мас'уда» и «Минералогия»), 'Абд ал-Малика Мерверрида, Насыр ад-Дина Туси (1201—1274), маулана Бурхан ад-Дина, Наршахи, а также сочинения «К'аб ал-ахбар» («Славные известия»), «Тухфат ал-анвар» («Дар света»), «'Аджа'иб ал-хаджар» («Чудеса драгоценных камней») и др.

Сочинение Мухаммад Тахира дошло до нас в многочисленных списках. Только в рукописохранилищах СССР представлено 17 его списков, большая часть которых (13 списков) хранится в Ташкенте, в собрании рукописей ИВ АН УзССР²⁰⁷. Среди них немало ценных, с точки зрения художественного оформления (например, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 9042, 2797, 4483) списков, с узором и заставками, исполненных золотом и красками и переписанных четким каллиграфическим почерком наст'алик. Имеются также виды Клябы — главной святыни мусульман в Мекке и изображения усыпальницы пророка Мухаммада, халифов АбуБекра и Умара. Все они, за исключением одного (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 9042), считающегося автографом²⁰⁸, переписаны в XIX в.

«'Аджа'иб ат-табакат» изучен весьма слабо²⁰⁹; не издан.

Самый большой и основной раздел сочинения — третья часть (табакат), где заключены ценные сведения о городах Средней Азии (Балхе, Андижане, Ташкенте, Термезе и др.) и сопредельных с ними стран Востока: Афганистана и Восточного Туркестана. Чтобы не быть голословным приведем в качестве примера два-три фрагмента из самого сочинения.

«Балх. Город он большой, относится к Хорасану, из четвертого климата. Построил его Кейюмарс, Тахмураб благоустроил, а Лухраси отстроил заново и опоясал стеной. Согласно одному преданию, первым его строителем был Кабал ибн Адам..., согласно другому — Гинтасп по велению пророка Аййуба..., согласно третьему преданию — Минучехр ибн Ирадж. В «Тарих-и Балх»²¹⁰ говорится, что крепость

²⁰⁷ Основные сведения о них см.: СВР АН УзССР, т. I, с. 299—300; т. V, с. 316—316; т. VIII, с. 72—76; т. IX, с. 388—391.

²⁰⁸ См.: СВР АН УзССР, т. VIII, с. 72—73.

²⁰⁹ Имеются лишь отдельные упоминания о нем (Миклухо-Маклаев Н. Д. Некоторые рассказы и таджикские руны, с. 271) и ссылки на него (Ахмедов В. А. История Балха, Ташкент, 1962, с. 22—28).

²¹⁰ Имеется в виду труд шейхульислама Сафи ад-Дина АбуБекра Абдаллаха ал-Балхи «Фай'ил-и Балх», написанный на арабском языке в 610/1213 г. Арабский

Балха разрушалась и вновь восстанавливалась 22 раза. Самое последнее здание [Балла] возведено Абу Муслимом Марвази. После него хан-мученик 'Абд ал-Му'ини на западной и южной его сторонах отремонтировал крепостную стену протяженностью 20 тыс. шагов (кам).

Город состоит из двух частей: большого, внешнего (шахр-и дарун) и малого, внутреннего (шахр-и дарун).

Во внутреннем городе находится арк, служащий с начала основания города местопребыванием именитых правителей и могущественных эманов..., а настоящее время используется в тех же целях... В нем также имеется мечеть, именуемая Микраб-и самгин. Тот, от кого [сие] предание исходит, рассказывает, что когда в город было доставлено послание повелителя правоверных 'Али, да будет доволен им аллах, его хотели обвародовать с возвышенного места, чтобы все было осчастливлено его содержанием. В это время подул сильный ветер и [послание] развеялось. Когда паломники обозревали священную Мекку, то увидели какой-то камень и прочли на нем [сие] послание, [потому] считая этот камень благословенным, привезли его [в Балх] и положили в микраб той мечети. Другое предание гласит: камень этот расчленили на три части: часть оставили в упомянутой местности, другую часть положили в микраб мечети Нох гунбадан, расположенной на южной стороне внешнего города, в трех милях [от него]. Известно, что мазар хаджа Нох гунбадан — лучезарное место покое его святейшества К'аб ал-ахбара, да будет доволен им аллах! Мечеть же Нох гунбадан, построенная на том же мазаре, — здание весьма красивое и прочное... Говорят, что когда пришел Чингиз-хан, чтобы завоевать Балх, он изменил течение реки [Балхав] в сторону города, [мечеть эта] оставалась под водой в течение шести месяцев, но следы ее сохранились по сей день... Третью часть упомянутого камня положили в строившийся микраб мечети Хаджа хайрана, расположенной в восточной части города на расстоянии двух фарсахов. К востоку от мечети на расстоянии примерно сто зира' есть местность, где обнаружена могила повелителя правоверных 'Али ибн Абу Талиба... И господин, образец среди вставших на путь истины маулана Бован, который в образованности и начитанности, [да и] в науке стропильных дел был бесподобным, посчитав усилие прежних строителей напрасным, а самое здание ветхим, в 886 г. вместе со своим отцом соорудил на том священном мазаре высокое здание из кирпича. И несмотря на то, что с того времени до сей поры прошло 172 года, на нем не заметны какие-либо изменения. Покойный и прощенный [аллахом] хакан Вали Мухаммад Бахадур-хан после того, как стал правителем Балха (в 1010/1001 г. — Б. А.), здание, высота которого достигает примерно тринадцати зира', а окружность равна одному джерибу, значительно благоустроил, а вокруг разбил сохранившийся с кумарной Китая и райским садом чарбаг, состоявший из 18-ти цветников. К северу от того прекрасного сада он соорудил бассейн, подобный райскому источнику...

Во внешнем городе находится благодатный мазар полюса святых хаджа Абу Насра Парса... Окружность этого мазара составляет при-

оригинал не сохранился, дошел только его персидский перевод, написанный Абдаллахом ибн Абу-л-Касимом ал-Хусайни 1 зу-л-ка'да 676/28 марта 1278 г. Сочинение издано в 1948/1970 г. в Иране афганским ориенталистом Абдуллаем Хабиба.

мерно пятнадцать джериров. На западной стороне этой священной гробницы расположены две большие мечети. По средам, после совершения полуденной молитвы, возле той блаженной гробницы собираются мудрецы, суфий, ученые и поэты для поклонения. Суфий, одустив головы, тихо беседуют (между собой), ученые спорят, поэты шутят и составляют в стихосложении. Так продолжается до вечера.

Еще. В том же (внешнем) городе расположены лучезарный мазар его святейшества шейха Шайхы Балхи, а также гробницы мученика ходжа Исхака и других святых.

Еще. На западной стороне сего города находится лучезарная могила Адхама Сака, старшего сына его святейшества Султана Ибрахима. В настоящее время этот мазар известен под названием Ходжа рушвая. И в том селении маулана Хурд 'Ализан Алсикати, один из влиятельных персон страны, построил ханака...

Еще. На южной стороне этого города расположены благословенные могилы его святейшества ходжа Султан Адмада Хазравийа и его жены Фатимы...

Еще. На восточной стороне города находится благословенная могила его святейшества ходжа Уккаша — одного из первых сподвижников пророка...» (л. 67а—71а).

«Кубадван. Из подвластных Мавераннахру селений, из четвертого климата. Основал его Кейкубад ибн Ирадж. Говорит, что Рустам, сын Зала, привел Кейкубада оттуда в Иран и посадил на трон. ...Сей вилайет в древности называли Кубадабадом, затем он получал известность под названием Кубадван. В эти дни, благодаря справедливости и милости его величества тень аллаха [Надр Мухаммад-хана], [он] был также благоустроенным, что когда кто-либо проезжал по этому вилайету, то путь его пролегал под тенью стен и деревьев... С хорошим климатом, в нем много различного сорта вкусных плодов. Особенно славятся его гранаты. Там нет обычая продавать и покупать дыни, также, как и виноград. Когда он весом меньше харвара, его не продают и не покупают, а берут [бесплатно] столько, сколько нужно, и владельцы не чинят в этом препятствия.

Народ его ласковый и гостеприимный и каждая семья держит отдельную комнату для гостей. Жители его весьма усердны в деле обучения, ибо большая часть его деревень имеет медресе и преподавателей...» (л. 238б—240б).

Такие же аналогичные сведения встречаются при описании Ташкента, Андижана, Ферганы, Самарканда и других городов Средней Азии. Большой интерес представляют сведения Мухаммад Тахира о страшном землетрясении в Фергане, произошедшем в 1030/1621 г. и продолжавшемся на протяжении шести месяцев, причинившем невероятные разрушения и лишения его населению (л. 229б—230а).

Еще одно, важное на наш взгляд, достоинство труда Мухаммад Тахира заключено в том, что в нем содержится богатый фактический материал о драгоценных камнях (джавахир) и металлах (филизиат), вложенный в третьей части сочинения, причем в значительно большем количестве, нежели в упомянутом выше труде Султан Мухаммада.

В сочинении Мухаммад Тахира приведены отдельные фрагменты из «Мавералогии» Беруни, отсутствующие в издании А. М. Белениц-

кого, основанном на критическом тексте немецкого ориенталиста Ф. Кренкова²¹. По-видимому, в руках Мухаммад Тахира был наиболее полный список сочинения Беруни.

БАХР АЛ-АСРАР

(ГЕОГРАФИЯ)

Географическая часть сочинения среднеазиатского ученого XVII века Махмуда ибн Вали; составляет треть первого тома его обширного многотомного энциклопедического сочинения «Бахр ал-асрар фи маанакиб ал-ахйар» («Море тайн относительно доблестей благородных»), в котором нам приходилось говорить выше, и занимает особое место среди персональной географической литературы XVI—XVIII вв.

При его составлении автор широко использовал труды арабоязычных географов IX—XIII вв.: Ибн ал-Факиха, Истахри, Ибн Хаукаля, Абу Дулефа, Ибн Фадлана, ал-Гарзати, Ял'кута, Дамшски, известного арабского путешественника середины IX в. Салам-тарджумана, а также гео-космографические сочинения персоязычных ученых: Закарри ибн Мухаммад ал-Казвини (600/1203—1204—682/1283), Хамдаллаха Казвини (ок. 679/1280—750/1349) и др. Пользовался он и трудами великого среднеазиатского ученого ал-Беруни (973—1048), которого, кажется впервые в исторической литературе, называет Абу Райханом Хорезми (д. 356, 37а, 88а, 147б, 163а, 247а, 259а, 274а и др.). Однако из этого не следует делать категорического заключения относительно компилятивности труда Махмуда ибн Вали. Многие, что он заимствовал у своих предшественников, автор критически осмыслил, обогатил новым, современным содержанием, вследствие чего и следует рассматривать сочинение как наиболее полный свод, содержащий богатый фактический материал по исторической географии мусульманских стран, а также Средней Азии.

География Махмуда ибн Вали до настоящего времени оставалась мало изученной и не была предметом специального исследования²². Причина тому — редкость списков «Бахр ал-асрар». До нас он дошел лишь в единственном списке, хранящемся ныне в ИВ АН УзССР под инв. № 2372.

Географии Махмуда ибн Вали написана согласно классической традиции греческой и арабской географической литературы — образование всего сущего выводится из четырех элементов (анасир-и арба'): огня, воздуха, воды и земли, обитаемая часть света (руб'-и маскун) делится на семь климатических поясов (иклим), расположенных с юга на север параллельно экватору (хатти-и истина).

Самые большие и, пожалуй, нужные для нас разделы географии Махмуда ибн Вали — разделы, посвященные элементам воды (унсур-и аб) и земли (унсур-и хак).

²¹ Об этом см.: Алмедов Б. А. Среднеазиатские последователи Беруни. — В сб.: Беруни. К 1000-летию со дня рождения. Ташкент, 1973, с. 145—147.

²² Географическая часть «Бахр ал-асрар», вернее часть, относящаяся к описанию Средней Азии и сопредельных с нею стран Востока, опубликована автором этих строк в переводе на русский язык с соответствующими комментариями в предисловии (см. раздел «Рекомендуемая литература»).

В разделе «Унсур-и аб» (л. 143а—208б) приводятся основные сведения о морях, океанах, реках, озерах, знаменитых портах (Бандар) и их обитателях. Автора увлекают не столь чудеса и диковинки, а значимость описываемых морей, океанов, рек и озер в жизни человека. Он, где это возможно, приводит ценнейшие сведения об их минеральных ресурсах, о значении рек в деле орошения, а также о целебных свойствах вод отдельных рек и родников.

Раздел «Унсур-и хаки» (л. 208б—332б) состоит из обстоятельного введения и четырех частей: 1) города и страны, расположенные в обитаемой части света (л. 215б—243б); 2) горы и находящиеся в них водные источники и рудники (л. 243б—265а); 3) драгоценные камни, металлы, сплавы и их свойства (л. 265а—329б); 4) деревья, растения, животный мир и их значение в жизни человека (л. 329б—532б).

Наиболее важные — первые два раздела сочинения, в которых заключен не только географический, но и экономический (о природных богатствах, производимых в описываемых городах товарах) и этнографический материал (о населивших эти города народах, быте, их нравах и обычаях), а также приводятся некоторые исторические факты²⁰².

ДИЛ-И ГАРА' ИБ

(СЕРИЕ РЕДКОСТЕЙ)

Компильтанное сочинение гео-космографического характера, составленное в 1247/1831—1832 г. хивинским ученым Худайберди ибн Кошмухаммад ибн Нийяз Мухаммад ибн Ишмухаммад ибн Аваз Мухаммадом по поручению эмира Рахманкули анака²⁰³. Данные о его жизни сохранились весьма незначительные. Насколько можно судить из сведений самого автора, приведенных в сочинении, его отец относил себя к числу почитателей известного хорезмского шейха Наджм ад-Дина Кубра, убитого в 618/1221 г. во время вторжения в страну полчищ Чингиз-хана и похороненного рядом с его шестьюдесятью последователями на кладбище Хасан-Ата, расположенном в 4000 шагах к северо-западу от Хивы (л. 199а). Себя он называет «суфи-заде» (л. 246а, 246б и др.), что позволяет высказать мысль о его принадлежности к нижнему слою духовенства. Он был образованным человеком своего времени и в основном занимался переводами на узбекский язык наиболее ценных исторических и географических сочинений, о чем свидетельствует дошедшая до нас сокращенная узбекская редакция «Зафар-наме» Шараф ад-Дина 'Али Йезди, выполненная им в 1233/1822—1823—1241/1825—1826 гг. по поручению Шермухаммада Муинса. И последнее, что нам известно о нем, это то, что в пору составления данного сочинения ему уже было за шестьдесят. Год завершения настоящего труда нам известен — 1247 г. х. Если допустить, что ему тогда было, например, шестьдесят лет, то можно предположить, что родился он в 1187/1773 г. Год смерти Худайберди ибн Кошмухаммада не известен.

²⁰² Подробно см.: Махмуд ибн Валя. Море тайн, с. 15—100.

²⁰³ Рук. ИБ АН УССР, инв. № 1335, л. 199а. Краткое описание сочинения см.: СВР АН УССР, т. VII, с. 24—25.

«Дил-и гара'иб» — сочинение компилятивное, целиком и полностью зависящее от «Аджа'иб ат-табакат» Мухаммад Тахира, ибо, во-первых, написано по одному и тому же плану, с той лишь разницей, что описание в нем Мекки и Медины, а также длина и ширина рек выделены в особые разделы (гара'иб) — шестой и седьмой, а вторых, как показало сравнительное изучение обеих сочинений, основная часть приводимого в последнем материала заимствована из первого и переложена на узбекский язык (на хорезмский диалект). Отдельные сведения, в частности сведения по минералогии автор «Дил-и гара'иб» заимствовал из «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали. Однако в данном сочинении есть и оригинальные сведения. Особенно интересны те места, которые посвящены его родные — Хорезму, полезные в географическом, экономическом и в историческом отношении, причем о Хорезме он упоминает в двух местах: в начале и в конце третьей главы сочинения (л. 55а—58б, 198б—200а). Вот что он пишет, например, о Хорезме в начале сочинения:

«Страна Хорезм. Валабет весьма просторный. С одной стороны граничит с Сейхуном, с другой — с Ак-курганом, известным в настоящее время [под названием] Бакирган, с третьей — со степью, а с четвертой — с [местностью] Унгуз, что находится на северной стороне канала, прорытого во времена Фаридуна. Еще на одной его стороне находится Сарай-султан. На этой территории (бу хаддарнинг орасида) много больших и малых крепостей и селений (кентлар). К югу от него лежат Кызылкум, в которых много саксаула (утун).

В прошлом городов с четырьмя-пятью воротами в нем было много. Один из них назывался Джурджания, другой — Ургенч.

[Джурджания]. Вода в Джурджанию была проведена из реки Сыр. Местоположение этого города определяли так: к востоку от него находился Баграм, к северу — Акча-тенгиз, к западу — Гурлен, а к югу — Кийат (Кат). Увадок его (харобалики), как считают, [приключился] из-за воды. Вода, которая притекала из Сыра, не хватало для посевов (зира'ат), поэтому, преодолев три холма (кир), прорыли канал и повернули воду Амуя, которая [раньше] текла южнее Унгуза... оросив Джурджанию, протекала по направлению к Ургенчу и, протекая с юга [еще] дальше, обогнув Абу-л-Хавские горы с востока в юго-западном направлении, доходила до Огурча и впадала в Мазандаранское море. В окрестностях Джурджания [раньше] было много укрепленных мест, пашен и садов. Со временем крепость Джурджания осталась под водой и [город] пришел в упадок. Говорят, что от нее сохранилась только одна башня (минара). [Позже] ее спес некий святой по имени Байназар-суфи и построил рядом мечеть. Эта мечеть стоит и в настоящее время. Влагословенная могила упомянутого суфи (Байназара-суфи — Б. А.) находится на месте той башни. Там же покоятся Пазир Алайхи и святой Баба Пумалак. Старожилы, которым свыше восьмидесяти лет, видевшие или слышавшие [обо всем этом], рассказывают о том, что когда сносили башню, на ней обнаружился надпись, в которой говорилось, что эта башня была лишь малой башней соборной мечети с 370-ю колоннами. Следовательно, это была башня, откуда оповещали народ о [часе] молитвы, ибо высотой она была 30 карн, высота же обычной большой башни должна быть более 100 карн. Жалованье тридцати чтецам (карн) Корана, имаму, му'аззи-

ну и Фаррашу было определено по 300 акча [каждому]. Вокруг этой мечети были медреса, базар, [караван]-сарай и все они остались под водой.

Другой город [Хорезма] — Ургенч. Он был разрушен Чингиз-ханом. До прихода сюда этого тирана (залим), в нем было 12 соборных мечетей... и каждый из них занимал площадь в три танаба. На четырех сторонах [города] были утопавшие в зелени намазгахи, в которых собиралось по три-четыре лака народу. Каждый намазгах обслуживал по тысяче человек.

Большую часть его населения составляют потомки [пророка] Па'куба... Благословенный мазар его сына Шамуна находится в Миздакхане, ныне известного под названием Ходжа эли.

В настоящее время Ургенч заброшен. Там находится гробница шейха-мученика Наджим ад-Дина Кубра и его святейства ходжа 'Али 'Азизана.

Еще один город Хорезма — Рама, основанный Сам ибн Нухом... Построил он его наподобие ковчега своего отца. Ныне известен под названием Хивак. Говорят, что в этом слове (в слове «Хивак» — В. А.) скрыта хронограмма на смерть хазрета Пахлаван [Махмуда] Вали... и по этой причине сей тарих стал названием этого города... [Еще] говорят, что Хивак много раз подвергался разрушениям и вновь восстанавливался. Он благоустроен покойным отцом его величества (Аллах-кули Бахадур-хана²⁰⁰), прошенным (аллахом) и пребывающим в раю Абу-л-Гази Мухаммад Рахим-ханом²⁰⁰ и его братом, прославившимся во всему миру покойным Кутлуг Мурад инаком. Благодаря их стараниям [тогда] было построено большое медресе. Значительный вклад в это дело внесли Шир диванбеги, один из видных слуг упомянутого инака и великий везир Мухаммад Риза кошбеги. По велению почивающего в раю хана были построены [также] караван-сарай, крытый базар (там) и большое медресе между ними. В самой крепости [Хивака] похоронены саййид Ала ад-Дин Хиваки и триста знаменитых шейхов, а во внешней ее части покоятся тела его святейства шейха Абу-л-вафа Хорезми, а вокруг него — тысяч [других] святых.

И еще. В юго-западной стороне этого города, в двухстах шагах от него, находилось местопребывание хазрета шейха Хусайна Баба... Там стоит большое тенистое дерево, называемое гуджум...

И еще. Очень вкусны рис и дыни Хивака. Климат его хороший, а люди добрые. Зима его несколько прохладная. Самая сильная стужа длится [здесь] месяц. Тогда земля покрывается льдом толщиной около трех вядей. В Гурлене, Ходжа эли и Конгурате [в такую пору] снег выпадает толщиной в три-четыре гая.

И еще. На месте Джурджани [теперь] течет река, которая впадает в море Сыр (Сыр тентизи), вследствие чего Ургенч пришел в запустение и превратился в степь (чул). Это случилось в 984 г. х.

И еще. Море это (Сыр) никогда не бывает полноводным. Те, кто промышляет на судах, говорят: «На дне [моря] есть следы каменных построек. Видны также остатки большой крепости...»

И еще. Плоды и зерновые в Хорезме рождаются хорошо. В частности [дыни вырастают так:] на стебле верблюжьей колючки делают

²⁰⁰ Хиванский хан в 1241/1825-1826—1258/1842 гг.

²⁰⁰ Мухаммад Рахим I правил Хивой в 1221/1806—1241/1825—1826 гг.

вадрез и сажают туда семена дыни. Растут они без воды, питаются от верблюжьей колючки и созревают. На вкус они очень сладкие.

И еще. Яблоки Хорезма, особенно Хазараспа, очень вкусные. Говорят, что город этот (Хазарасп) был основан пророком Сулайманом... Там в основном выращивают рис...

И еще. Абрикос и виноград весьма вкусные. Например, нижеше Чика расположена деревня, [нижеуемая] Икинлик. Вкуснее ее винограда нет...

[Еще один город Хорезма] Замахшар. Расположен к западу от Хивака, на расстоянии одного дневного пути. Почивающий в раю [Мухаммад Рахим-] хан, отец высокопоставленного хана [Аллакули], провел туда воду и благоустроил его» (л. 55а—58б).

В другом месте автор сообщает о Хорезме еще ряд заслуживающих внимания сведений, в частности о Гурлеме и его достопримечательностях; о построенном на восточной окраине Хивы новом большом базаре, для чего в течение 45-ти дней было засыпано оазис площадью пять-шесть танабов (л. 199б); об охватившей в 1182/1768-1769 г. страну холере; о стихийном бедствии (выпадение града размером с куриное яйцо) в 1197/1783 г., причинившем огромный вред, особенно Хиве и прилегающим к ней селениям (л. 200а) и др.

«Дал-и гара'иб» дошел до нас в трех списках, хранящихся ныне в собраниях рукописей ИВ АН УССР. Один из них (ина. № 1335, 266 л.) полный и является автографом, остальные представляют собой неполную третью главу (ина. № 853/1, 172 л., переписан в конце прошлого века) и фрагмент, посвященный описанию Хорезма (ина. № 8448, 4 л., скопирован в 1941 г. неким Хасан Мурадом ибн Мухаммад Аммом Хиваким)²⁰⁷.

²⁰⁷ Описание из см.: СВР АН УССР, т. VII, с. 309—313.

Часть вторая

МЕМУАРЫ, БИОГРАФИИ И ПУТЕШЕСТВИЯ

БАБУР-НАМЕ

(МЕМУАРЫ БАБУРА)

Чрезвычайно ценное сочинение, в котором подробно, строго по годам, излагаются основные политические события Средней Азии, Афганистана и Северной Индии 899/1493-1494—935/1528-1529 гг., непосредственно связанные с жизнью и политической деятельностью самого автора. Написано на староузбекском языке и известно под названием «Ваки'ят-и Бабур» («Приключения Бабур») и «Тузук-и Бабур» («Уложение Бабур»).

«Бабур-наме», научное и литературное наследие автора еще с начала прошлого столетия привлекают к себе пристальное внимание советских и зарубежных ученых. О Бабуре и его трудах написано немало, поэтому ограничимся лишь кратким упоминанием основных моментов жизни и деятельности Бабур и коротко остановимся на главном труде ученого, сосредоточив особое внимание на выявлении важнейших сведений, посвященных политической и социально-экономической истории Средней Азии конца XV — начала двадцати лет XVI в.

Автор «Бабур-наме» Захир ад-Дин Мухаммад Бабур, сын и наследник Омар-Шейха-мирзы, правителя Ферганского удела Тимуридов (правил в 865/1461—899/1494 гг.), родился в г. Анджеване 6 мухаррама 888/14 февраля 1483 г. В начале рамазана 899/5 июня 1494 г. в возрасте 12 лет унаследовал отцовский престол, но потерял поражение в междоусобной борьбе, усилившейся с середины 90-х годов XV в. и охватившей тогда всю империю Тимуридов, и потерял свой наследственный удел, а его неоднократно попытки утвердиться на самаркандском престоле (в 903/1497-1498, 906/1500-1501 гг.) не принесли успеха. В поражении Бабур и в бегстве его из Средней Азии решающую роль сыграло вторжение в Мавераннахр кочевых узбеков во главе с Шейбани-ханом в начале XVI в. Окончательно потеряв Фергану, за которую он боролся со своими же родичами (Джалангир-мирзой и Султан-Ахмад танбалом) в 906/1500-1501—909/1503-1504 гг., в мухарраме 910/июне—июле 1504 г., он был вынужден покинуть Среднюю Азию и через Хисарские горы подался за Амударью и, умело воспользовавшись феодальной раздробленностью в Афганистане, захватил Кабул. Здесь он вел систематические завоевательные войны, топил в крови не повиновавшиеся племена, воздвигал минареты из черепов истребленных им людей для устрашения других (об этом подробно см.: «Бабур-наме», с. 171, 172, 277 и др.). Его политика в Афганиста-

не была направлена на то, чтобы покорить народ и создать прочную базу для новых завоеваний. Правда, в раджаб 917/сентябрь—октябрь 1511 г., при вооруженной помощи иранского шаха Исма'ила Сефери, выделившего ему шестидесятитысячное войско, Бабур вновь завладел Самаркандом, однако удержаться в нем не смог и на сей раз. В сафаре 918/апрель—май 1512 г. при сражении у Кул-и Малика объединенные силы узбекских султанов Убайдаллаха, Мухаммада Тимура и Джанибека изголовью разгромили четырестысячное войско Бабура. Это поражение отняло у него надежду завладеть верховной властью в Средней Азии. Сначала он бежал в Кундуз и, после двухлетнего пребывания там, в 920/1514 г. вернулся в Кабул и повел интенсивную подготовку по завоеванию Индии. Такой план был разработан им и близким ему окружением в первые же дни после завоевания Кабула. Вот что об этом пишет Бабур в своих мемуарах: «Через несколько дней (после взятия Кабула, имевшего место в конце месяца раби¹ I 910/в начале сентября 1504 г.—Б. А.) я произвел осмотр войск и, созвав людей, знающих местные земли и воды, расспросил их об окрестных и соседних местах. Некоторые говорили о походе в Дашт², другие считали подходящим Банкаш (один из туменов Кабула.—Б. А.), третьи предлагали двинуться на Хиндустан. Посоветовавшись, мы приняли решение идти на Хиндустан» (с. 169—170). С этого времени, особенно после 918/1512 г. его ни на минуту не покидала мысль завоевать для себя эту обширную, сказочно богатую страну. К этому он упорно готовился: в Афганистане собрал большую армию, необходимый провиант и снаряжение. Во время пребывания в Афганистане (910/1504—932/1526 гг.) его армия существовала за счет грабежа афганских племен, о чем в «Бабур-наме» содержится неопровержимые свидетельства (с. 169, 171—173, 176, 184, 187, 237, 248, 254, 261 и др.).

В Индию он совершил несколько походов и лишь при последнем, предпринятом в 932/1526 г., ему удалось завоевать ее северную часть, где Бабур основал государство, вошедшее в историю под названием империи Великих Моголов. Умер Бабур 6 джумада I 937/26 декабря 1530 года в возрасте 48 лет от роду.

Бабур был типичным представителем и выразителем идеологии господствующего класса, активным проводником политики этого класса, направленной на покорение и жестокую эксплуатацию народов. Однако в историю он вошел как замечательный поэт, всесторонне образованный и талантливый ученый. Перу Бабура принадлежат дианы стихов на старобухарском языке и, отчасти, на фарси, изданный Е. Денисоном Россом³, а спустя семь лет — А. Н. Самойловичем⁴, и ценное сочинение по поэтике «Трактат об арузе», изданное Н. В. Стеблевой⁵. Однако важное место в его творчестве занимает «Бабур-наме», которое по обилию и разнообразию фактического материала, оригинальности содержащихся в нем сведений считается первоклассным источ-

¹ Область, известная в исторической литературе под названием Дашт или Деражд (Массон В. М., Рождеван В. А. История Афганистана, т. II, М., 1953, с. 11, прим. 130).

² A collection of poems by the Emperor Babur, Calcutta, 1910.

³ Собрание стихотворений Императора Бабура. Часть I.—ЗВО, т. XX, Сиб., 1917, с. 93—101.

⁴ Захир ад-Дин Мухаммад Бабур. Трактат об арузе. Факсимильный текст. Вступительная статья и указатели Н. В. Стеблевой. М., 1972.

ником по истории Средней Азии, Афганистана, Северной Индии конца XV — первой четверти XVI в. Словом, «Бабур-наме» не простой свод исторических сведений, а памятник многогранный. Важный и нужный для себя материал смогут почерпнуть из него не только историки и этнографы, но географы и лингвисты, ботаники и зоологи.

Сведения «Бабур-наме» о политическом положении Ферганы, Ташкента, Самарканда, Хисара, Чагатаива и Северного Афганистана 80—90-х годов XV — первой четверти XVI в. (с. 16, 18, 20, 26—30, 33—35, 42, 45, 49—51, 65—72, 74—95, 96—116, 119—139, 143—145 и др.) отличаются полнотой и подробностью; рассуждения автора о том или ином историческом событии, о нравах и поведенках враждовавших между собой Тимуридов: Омар-Шейха (865/1461—899/1494), Султан Ахмада (866/1455—899/1494), Султан Махмуда (857/1453—900/1495), Байсукура-мирзы (882/1477—1478—905/1499), Султан Хусайна и других в значительной степени объективны и правдивы. Бабур с пристрастием к нему скупозелостью приводит словесные портреты этих лиц, раскрывает их характеры, нравы и поведенки. Так, рассказывая о своем отце Омар-Шейхе, он рисует его как человека «дурного нрава» и стяжателя. «Так как Омар-Шейх-мирза был государем с высокими помыслами и великими притязаниями, — рассказывает он, — то всегда стремился к захвату [чужих] владений...» (с. 15). Характерны и такие высказывания Бабура о собственном отце: «Призвав его [Януз-хана, — Б. А.], Омар-Шейх-мирза всякий раз дарил ему какую-нибудь область. А когда дела шли не так, как хотел Омар-Шейх-мирза, то иногда по причине дурного нрава Омар-Шейха... [Януз-хан] не мог оставаться в этой области и опять уходил в Моголистан» (с. 16). «По склонности к захвату земель он часто менял мир на битву и дружбу на вражду» (с. 17).

Чрезвычайно ценны сведения Бабура о решающей роли феодальной верхушки в политической жизни страны. В этом отношении характерны повествуемые в мемуарах положение Султана 'Али-мирзы и самого Бабура. «В этом году (в 905/1499—1500. — Б. А.), — свидетельствует он, — возникла вражда между Султан 'Али-мирзой и Мухаммад Мазид тарханом. Причиной ее было то, что тарханы обрели очень большую власть и значение. Бухарой полностью завладел Баки тархан и никому же давал ни одного данака с бухарских владений. Мухаммад Мазид тархан был [столь же] полновластным хозяином в Самарканде. Он захватил все округа для своих сыновей, присерженцев и приспешников; кроме небольшого содержания из [доходов] города, которые ему назначили, до Султана 'Али-мирзы никакими путями не доходило ни фельса...» (с. 92). То же было и с самим Бабуром, особенно после раздела в 905/1500 г. Ферганского удела между ним и Джаяхгир-мирзой. Ни Бабур, ни Джаяхгир-мирза не обладали реальной властью и бразды правления всецело находились в руках всемогущего 'Али Дуста таган и его приспешников. Вот что рассказывает об этом Бабур: «После нашего возвращения в Андикан повелки 'Али Дуста стали совсем иными. Он начал дурно обращаться с людьми, которые были при мне в дни скитаний и испытаний... держался, как царь. Попойка, угощения, приемы, утварь — все он завел такое, как у султана. Отец и сын (Мухаммад Дуст и 'Али Дуст. — Б. А.) совершали подобные дела, опираясь на Тамбала, а у меня не осталось столько власти и силы, чтобы запретить им эти несправедливые поступки. Под покро-

вительством и при поддержке такого моего врага, как Тамбал, они делали все, чего желало их сердце... Я не мог ничего сказать и испытал за это время много унижений и от отца, и от его сына» (с. 90—91). Таких примеров в мемуарах приводится большое количество. Весьма подробно описываются в мемуарах Бабур политическая жизнь Ферганы, Самарканда и других областей Мавераннахра 1494—1503 гг.; невероятные разрушения и бедствия, выпадавшие на долю народа этой страны вследствие непрекращавшихся междоусобиц. «Когда после семимесячной осады мы с большими трудностями взяли Самарканд и впервые туда вступили (в 903/1497-1498 г.— Б. А.),— говорит Бабур,— то войнам попала в руки кое-какая добыча... [Скоро] добыча воинов иссякла; после взятия Самарканда город был до того разорен, что [жители] нуждались в семенах и денежных сосудах... Вследствие этого войны терпели большие лишения, а мы ничего не могли им предложить» (с. 66). Еще хуже обстояли дела в 906/1500-1501 г., когда этот некогда цветущий и богатый город подвергся длительной осаде со стороны Шейбани-хана. В мемуарах читаем: «Настала пора созревания хлебов, однако никто не привозил нового хлеба. Дни осады продлились и люди терпели большие лишения; дошло до того, что бедные и нуждающиеся стали есть собачье и ослиное мясо...» (с. 108).

Бабур указывает на одну из основных причин, облегчавшую задачу кочевых узбеков и Шейбани-хана завоевать империю Тимуридов. «Мы рассчитывали на помощь и поддержку соседних и окрестных владетелей,— сетует он,— но у каждого из них были свои планы. Столь смелый и опытный государь, как Султан Хусайн-мирза, не оказал нам никакой помощи и не прислал даже посла, чтобы укрепить наше сердце, а к Шейбани-хану он отправил послом во время осады [Самарканда] Камал ад-Дина Хусайна Газургахи» (с. 109—110).

«Бабур-наме» содержит ценнейшие сведения о тюрко-монгольских племенах, населявших в XV—начале XVI в. Ферганскую долину и, отчасти, Ташкент, Шахрухию, Ура-тепе, Самарканд и Хивар: *дулдай, кипчак, баарим (бахрин), чарас (чурас), жолд, дурлат, бекчак, карчин, арсул, уйгур, барлас, мим, чограк, мангит, утарчи* и др. Ценно указанное Бабуром и о племени *кара койлук бахарлу*, населявшем на рубеже XV—XVI вв. Туркестанскую область (с. 40); о нравах и обычаях этих племен, о применении ими т. н. дождевого камня (*санг-и бада*), о «богатырской доле», о казначестве и др. Содержащиеся в сочинении сведения представляют большую ценность для этнографов, особенно для тех, кто занимается этнической историей узбеков, казахов, киргизов и других тюркоязычных народов Средней Азии.

Весьма интересно географическое описание Ферганы (с. 11—15, 128), Самарканда и области (с. 59—65, 98—100, 104 и др.), долины Ахангарана (с. 115), Ура-тепе и его окрестностей (с. 113—114), Масчи (с. 113, 115), Хивара (с. 143), Чаганиана (с. 144—145), Бадахшана (с. 146—147, 149), Кабульской области (с. 152—163) и других мест. С поразительной точностью автор описывает маршрут, перечисляет населенные пункты в Средней Азии и Афганистане, по которым он проходил, притом не один раз. Значительное место в сочинении занимают описания природы, приводятся сведения о растительности и животном мире местностей, по которым пролегал его маршрут. Что еще весьма важно, он, где это возможно, дает толкование тем или иным

терминам. В качестве примера можно привести разъяснения, данные им применительно к таким административным терминам, как *туман*, *орчим*, *парлана*. Он пишет: «В Самарканде, Бухаре и вообще в тех краях маленькие округа, подчиненные столице какой-нибудь области, называют *туман*; в Анджиане, Кашгаре и между ними — *орчим*, в Хиндустане — *парлана*» (с. 155).

Немаловажное значение для изучения политико-административного устройства государства Тимуридов имеют содержащиеся в «Бабури-наме» такие административные и военные термины, как *туман*, *илар*, *квекельтам*, *шимк-ола*, *ахгачи*, *гаитчи*, *гардам*, *шигарул*, *шарбатчи* (*шарбатдар*), *садр*, *мухрдар*, *чухра*, *курчи*, *мубашшир*, *турчи*, *мирахур*, *ри-кабдар*, *дарува*, *чухра дастарпеч*, *караул*, *китабдар*, *базши*, *мурчи*, *орда-базар*, *майджанч*, *уран* и т. п.

В разделе о «Михман-наме-и Бухара» мы говорили об особой войске Шейбанидов, состоявшем лишь из узбеков. Подобного рода отряды, по свидетельству Бабура, существовали еще при Тимуридах и именовались «отрядом хорасанских молодцев», «отрядом самаркандских молодцев» (с. 25). Из дальнейшего рассказа Бабура (с. 41) следует, что эти отряды были регулярными и использовались для несения караульной службы при ханской ставке, однако при необходимости могли быть введены в бой, например, в случае деморализации сражающихся частей. Заслуживают внимания сведения автора о военном строе тимуридских войск (с. 104—105, 117), об использовании на войне рабов (с. 108), о военной тактике узбеков, известной под названием *тулама* (заход в тыл неприятельского войска и внезапный удар с фланга), о существовании в каждом отряде собственного калча (пароля), которым пользовались, особенно в ночное время, для различения рода воинского отряда. Вот что об этом пишет Бабур: «...несколько воинов из тумена Аййуб бекчича, вокануз нас в Оше, отправились в окрестности Анджиана, чтобы пограбить. Услышав шум нашего войска, они осторожно пробрались вперед и закричали уран. Уран бывает двух родов. Один уран — особый для каждого племени; например, у одного племени уран — «дурдана», у другого — «тукай», у третьего — «слулу», а другой уран — общий для всего войска. На войне ураном устанавливаются два слова; во время битвы при встрече один человек говорит одно условленное слово, а другой — второе, чтобы таким путем отличить друга от врага и распознать своего от чужого. В данном походе (в годы борьбы с Султан Ахмад тавбалом; 908/1502—1503 г.— Б. А.) условным паролем были слова «Ташкент» и «Сайрам»; скажут «Ташкент», отвечают «Сайрам»; скажут «Сайрам», отвечают «Ташкент» (с. 124).

Приведенными сведениями не исчерпываются возможности этого многогранного и ценнейшего памятника. «Бабури-наме», при тщательном его изучении, может дать ответ на многие вопросы все еще не достаточно изученных сторон истории и культуры народов Средней Азии в далеком прошлом.

Дошедшие до нас списки сочинения, хранящиеся в библиотеках Советского Союза и за рубежом², неполные, с большими дефектами. Даже в Хайдарабадском списке (хранится в библиотеке Салар Джан-

² О них подробно см.: Стора, Персидская литература, ч. II, с. 830—832.

га²), легшем в основу издания А. Бевериджа и М. А. Салье и считающемся наиболее полным и авторитетным среди прочих списков «Бабур-наме», не достает событий 915—924/1509—1510—1518 гг. Именно этим объясняется отсутствие по сей день критического издания этого ценнейшего труда.

«Бабур-наме» привлекает к себе внимание ориенталистов еще с начала прошлого века. Полное издание текста сочинения осуществлено Н. И. Ильминским (в 1857 г.; по рукописи Т. Я. Кёра) и А. Бевериджем (по Хайдарабадскому списку; издано в 1905 г.), П. Шамси-евым и С. Мирзевым (на основе изданий А. Бевериджа и Н. И. Ильминского на современной узбекской графике. Ташкент, 1948, 1960 г.). Есть полные, довольно-таки хорошие переводы этого сочинения на персидский язык (выполнен в 996/1589—1590 г. мурзой 'Абд ар-Рахмом хан-и занан), английский: Джона Лейдона и Уильяма Эркина³, основанный на переводе вышеупомянутого мурзы 'Абд ар-Рахима (издан в 1826 г.), А. Бевериджа, основанный на Хайдарабадском списке «Бабур-наме» (издан в 1921 г.), французский А. Поле де Куртея, осуществленный на основе издания Н. И. Ильминского (издан в 1871 г.) и турецкий (издатель Хикмет Ваар, 1943—1946 гг.). Отдельные фрагменты из текста в переводе на европейские языки изданы Н. Н. Пантусовым, В. Л. Витковым, С. И. Поляковым.

О «Бабур-наме» и его авторе имеются публикации Х. Якубова, В. Ю. Захидова, С. А. Азизджановой, Г. Ф. Благовой, Н. Д. Миклухо-Маклая, Х. Хасанова и других (см. раздел «Рекомендуемая литература»).

БАДАИ' АЛ-ВАКАИ'

(ДЛИТЕЛЬНЫЕ СОБИТИЯ)

Мемуары известного гератского писателя конца XV — первой половины XVI в. Зайн ад-Дина Васафи (полное его имя Зайн ад-Дин Махмуд ибн Абд ал-Джамал), представляющие большое значение для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана конца XV — первых трех десяти лет XVI в. «Основное значение мемуаров Васафи заключается в том, — пишет исследователь мемуаров А. Н. Болдырев, — что они являются единственным в своем роде документом, раскрывающим перед нами повседневную жизнь, быт средних слоев общества в городах Средней Азии и Хорасана конца XV — начала XVI века. Хорошо известные историкографические сочинения этой эпохи, как, например, объемистые труды Мирхонда и Хондемира или «Шараф-наме-йи шахи» Хафиза Таныша содержат в основном подробное изложение внешних политических событий и связанных с ними действий высших представителей знати и лиц из ближайшего окружения... мемуары же [Васафи] являются не пантегарической историей какого-либо царствующего дома, а подробным изложением событий собственной жизни Васафи и близких ему людей. Эти люди — прос-

² О нем подробно см.: IRAS, 1902, p. 652; 1905, p. 741—762; 1906, p. 79—91; 1908, p. 73—76.

³ По этому изданию А. Кайзером был осуществлен немецкий перевод (см. раздел «Рекомендуемая литература»).

тые, незначительные городские обыватели, в центре которых сям Васафи,— и являются подлинными героями мемуаров. Переживаемые ими удивительные приключения разыгрываются на базарах и площадях, в недрах простых кварталов города, в лавках, мечетях, медресе и частных домах городских обывателей⁴. Вот почему Васафи и его мемуары давно привлекают внимание крупных русских и советских востоковедов П. И. Лерха, Б. А. Дорна, В. В. Бартольда, В. Л. Ваткина, Е. Э. Бертельса, Садр ад-Дина Айни, А. А. Семенова, В. Г. Гафурова, А. М. Беленицкого, Е. А. Давыдович и других, охарактеризовавших сочинение Васафи как ценный и нужный источник по освещенной истории и культурной жизни Средней Азии. И все же надо признать, что большой вклад в изучение жизни и деятельности Васафи и его мемуаров внес А. Н. Болдырев, опубликовавший об авторе ряд статей и монографических исследований и, что весьма важно, полный критический текст главного труда писателя «Бадаи' ал-вакан» (см. раздел «Рекомендуемая литература»).

Жизнь и деятельность Васафи, а также его мемуары подробно описаны А. Н. Болдыревым в монографии «Зайнадин Васафи — таджикский писатель XVI в.», поэтому мы ограничимся лишь кратким упоминанием об основных моментах жизни и деятельности писателя. Родился он в Герате в 890/1485 г. в семье государственного чиновника (мушши или хрониста — вакна'навеса) и получил хорошее для своего времени богословское и литературное образование. В 906/1500—1501 г. 16-летний Васафи благодаря своим незаурядным способностям в области поэтики, особенно в умении разгадывать муамма⁵, и при содействии маулавы Сахибдара — приближенного Навои и своего близкого родственника со стороны матери, получил доступ к Алишеру Навою и, как следует из его рассказов, выдержал устроенный им экзамен по муамма («Бадаи' ал-вакан», т. I, л. 706). В 908/1502—1503—913/1507 гг. служил при Феридузе Хусайне — сыне Султана Хусайна Байкара от узбечки Минган-бика агача в должности библиотекаря (китабдар), а до того, в 906/1500—1501—907/1502 гг. был домашним учителем в доме Шахвали кукельташа, молочного брата Хаджи-Бегим, влиятельной жены Султана Хусайна. После завоевания Герата Шейбани-ханом (9 мухаррама 913/21 мая 1507 г.) он оставался здесь до 917/1511 г. и под началом известного хорасанского богослова Имад ад-Дина Ибрахима занимался в медресе Шахруха. Известно, что с установлением в Хорасане господства Сефевидов многие ученые, поэты и другие представители искусства, богословы-сунниты вынуждены были отсюда бежать. Та же участь постигла и Васафи. В последний день мухаррама 918/17 апреля 1512 г. он вместе с хорасанским богословом-суннитом саййид Шамс ад-Дин Мухаммадом Курти и его братом Амир Хусайном бежал из Герата в Мавераннахр. Спустя неделю, 7 сафара 918/24 апреля 1512 г. Васафи и его спутники оказались в Самарканде, где ему суждено было жить до месяца хут (20 февраля — 20 марта 919/1513 г.). Ему оказали приют мауляна Ходжаги Хавафи, преподаватель медресе Шейбани-хана, и некий хаджи Тебризи, мударрис ме-

⁴ Болдырев А. Н. Зайнадин Васафи — таджикский писатель XVI в., с. 10—11.

⁵ Об искусстве составлять и разгадывать стихотворные шарады (муамма) подробно см.: Бертельс Е. Э. Навои и Джами. — Избр. труды, М., 1965, с. 41. О более сложных видах муамма см. там же, с. 42, 43 и след.

ресе Улугбека. Весной Васифи получил приглашение вышеупомянутого Шаме ад-Дина Курти, сделавшего к этому времени заметную карьеру в столице Шейбанидов и занимавшего должность главного мудarrisа в Бухарском медресе миразы Улугбека, и выехал в Бухару. Оставившись на причине отъезда Васифи из Самарканда в Бухару, А. Н. Болдырев пишет: «Уточня к концу этого периода свое положение в самаркандском литературном и богословском кругу, Васифи, вероятно, мог бы уже рассчитывать в дальнейшем на скромное и обеспеченное место имама или мудarrisа при одном из городских медресе. Но эта тихая перспектива вряд ли удовлетворяла талантливого, темпераментного, одержимого крайним честолюбием двадцативосьмилетнего поэта. Его привлекала Бухара — центр политической жизни страны, куда, судя по Курти, давно уже перебрались более богатые и значительные хорасанцы. Его манила блестящая карьера придворного поэта при дворе могущественного и просвещенного покровителя, какому представлялся Убайдаллах-хан...»¹⁰

Однако суровая действительность и на сей раз обманула ожидания Васифи. Правда, сразу по приезде в Бухару он попал в окружение шейхульислама ходжа Хашими, одного из руководителей бухарского литературного кружка; талант его достойно был оценен самим Убайдаллах-ханом (он подарил ему переписанную им лично книгу Шатиби, сто убайди наличными, коня и верхнюю одежду). Словом, весьма скоро он стал заметной фигурой в культурной среде столицы Шейбанидова государства. Это вызвало зависть со стороны Афсари, Хафиза Мирасы и других представителей феодально-клерикальной поэзии, занимавших к тому же важные государственные посты, вследствие чего Васифи вместе со своим покровителем Шаме ад-Дин Мухаммадом Курти, который, по-видимому, получил назначение во вновь отстроенное саурашское медресе, вынуждены были покинуть Бухару. Далее «последовали годы скитаний из города в город, от двора к двору, десять лет трудной и униженной жизни бродячего придворного литератора, принесшие лишь горькие разочарования и крушение честолюбивых надежд»¹¹.

Около года (с июля 1514 по июль 1515 г.) Васифи жил в Саураше под защитой духовного феодала сайида 'Абдаллаха, известного под прозвищем Мирн 'Араб (ум. прим. в 30—40-е гг. XVI в.). Главным мудarrisом саурашского медресе, построенного по велению Убайдаллах-хана в 920/1514 году, был назначен упомянутый нами сайид Шаме ад-Дин Мухаммад Курти. Сюда же, по-видимому на должность преподавателя, был определен и Васифи. Судя по сообщаемым автором в мемуарах сведениям, в Саураше он пользовался также покровительством везира Султан Ибрахима, гражданского правителя анлайета, поручавшего ему составление важных юридических документов (т. I, л. 496). Но вскоре, в мае или июне 1515 г., дом Мирн 'Араба был разгромлен и разграблен отрядом, направленным из Ташкента Суйунч-ходжа-ханом. Организатором этого набега был вышеупомянутый Султан Ибрахим, составивший от имени Мирн 'Араба ложное письмо на имя Убайдаллах-хана, в котором, якобы, говорилось, что

¹⁰ Болдырев А. Н. Замечание Васифи — таджикский писатель XVI в., с. 123.

¹¹ Там же.

Мири 'Араб хотел бы видеть последнего заканом всех узбеков (т. I, л. 54а).

После падения Мири 'Араба, сайид Шамс ад-Дин Курти и Васифи покинули Сураи и направились в Фергану — в город Ахси. По пути туда совершали остановку в Фаркате (расположен к юго-востоку от Ташкента в 70 км от него) и в течение недели гостили в доме шейхулыелама ходжа 'Абд ар-Разака. В селении Намданах, расположенном на расстоянии одного фарсаха от Фарката, Васифи заболел и в Ахси направился один Шамс ад-Дин Мухаммад Курти (т. I, л. 55а). Спустя два-три месяца, в августе или в сентябре 1515 г., Васифи справился от болезни и прибыл в Ташкент, а через некоторое время при содействии везира ходжа Джалал ад-Дина Пусуфа Кашгари был принят на службу к Суйунч-ходжа-хану и назначен воспитателем его младшего сына Науруз Ахмада, которого Васифи обучал стихотворной грамматике 'Абд ар-Рахмана Джами, каллиграфией, музыке, поэзии, метрике и поэтике. Вскоре однако, во время летовки хана в его ставке на берегу реки Келес отношения Васифи с некоторыми приближенными хана (Джабини, Мухаммад Баки и др.) испортились и он был вынужден покинуть ташкентский двор Шейбанидов. В течение нескольких месяцев — до сентября—ноября 1516 г. Васифи служил имамом в одной из второстепенных квартальных мечетей Ташкента. Затем около месяца жил в Шахрисабзе; в декабре 1516 или в январе 1517 г. вновь оказался в Туркестане. В том же, 1517 г., Васифи переехал в Самарканд и, при содействии видного самаркандского вельможи ходжа Афака, стал имамом мечети ходжа Убайдаллах Ахрара в квартале Базар-и аттаран (т. I, л. 60б).

Спустя год, в самом начале 924/1518 г., Васифи был затребован Кельди Мухаммад-ханом в Шахрухибу — центр удельного владения Шейбанидов (т. I, л. 60б), где и прожил весь остаток своей жизни, превратившись «в крепостного придворного литератора несмотря на получение громких, но, видимо, совершенно фактивных званий султанского имама и кади эскара»¹². В 944/1537-1538 г. он принял участие в походе Шейбанидских султанов против казахов; в 945/1538 г. был назначен воспитателем (атака) Хасан-султана, сына умершего (в 939/1532-1533 г.) Кельди Мухаммада, которому и посвятил свои мемуары, а с 947/1540 г. стал секретарем Науруз Алмад-хана. Умер Васифи в Ташкенте после 958/1551 г. и погребен на мазаре Шейх Халил-Тахура.

Мемуары Васифи, — отмечает А. Н. Бодырев¹³, — в структурном отношении распадаются на две части. Первая часть (гл. 1—2) охватывает повествование со времени бегства писателя из Герата (918/1512 г.) до отъезда его в Шахрухибу во дворец Кельди Мухаммада (924/1518 г.) и написана во время его второго пребывания в Самарканде, т. е. в 1517 году. Что касается второй части сочинения, состоящей «из ряда последующих записей Васифи на самые различные темы, возникавших в беседах на ханских маджлисах, в том числе и на темы автобиографические, но только обязательно из далекого гератского прошлого автора», то она написана в Шахрухибе в 945/1538—946/1539 гг.¹⁴

¹² Там же, с. 189.

¹³ Там же, с. 225—237.

¹⁴ Там же, с. 224—235.

Васифи был очевидцем событий, связанных с завоеванием Хорасана Шейбани-ханом, поэтому в его мемуарах нашла отражение та политическая обстановка и паническая атмосфера, царившая в среде высшего гератского общества. По свидетельству Васифи, все думали только об одном: как бы уцелеть в водовороте надвигающейся катастрофы, как бы спасти свое состояние. Но стабилизировать положение удалось лишь одна Хаджа-бегим, властная вдова покойного Султана Хусайна. С приближением войск Шейбани-хана к Герату, она «прибыла в Баг-и шахар, затребовала [к себе] всех высокопоставленных вельмож, благородных особ и градоначальников и обратилась [к ним со словами]: «Вы все на протяжении многих лет обретали богатство и благоение благодаря Султану Хусайну-мирзе. Никогда бы вы не встретили у других царей той ласки и внимания, кои он выказывал вам. Ныне из-за превратностей судьбы приключилось несчастье с его символами и они рассеялись, но [вскоре] они придут в этот город. Вам же следует занюхать в истину, уважать права их отца и встать на защиту этого города...» (т. II, л. 186а—186б). Однако, как бы она ни старалась заручиться их поддержкой и организовать при их помощи оборону города, пользы не было. Вот ответ, данный ей собранием гератской элиты, возглавляемой самим шейхулисламом: «Вы сами хорошо знаете, какими падишахами стали после смерти отца Баде' аз-Заман и ваш сын Музаффар Хусайн-мирза и что [ныне] нет у народа никакой уверенности [в них]. Большинство их эмиров убиты, они потеряли все свое снаряжение... Шейбак-хан — падишах весьма энергичный, если мы выкажем [ему] неповиновение, то после захвата [Герата] ни одного из нас он не оставит в живых и весь город будет подвергнут пленению и грабежу...» (т. II, л. 186б).

Из политических событий, нашедших отражение в мемуарах Васифи, заслуживают внимания, по нашему мнению, следующие: внутрисполитическая борьба в государстве Шейбанидов во времена правления Убайдаллаха-хана (940/1533-1534—946/1539-1540 гг.), предпринятый им поход в союзе с моголистанским Абд ар-Рашид-ханом (937/1530-1531—978/1570) против казавов в 944/1537 г. и, наконец, нашествие Шейбанидов на Хорасан в 935/1528-1529 г., в котором вместе с Кальди Мухаммад-ханом принимал участие и Васифи.

Период правления Убайдаллаха-хана и, особенно, происходившая в его государстве внутрисполитическая борьба в нарративных источниках освещена недостаточно, поэтому приводимые Васифи сведения имеют исключительное значение. Этим вопросам в мемуарах отведена значительная часть одиннадцатой главы — «Повествование о величии его величества Убайдаллаха-хана» (т. I, с. 357—470). Согласно Васифи, борьба эта велась между начальником финансового дивана ходжа Низамом и сторонниками укрепления центрального государственного аппарата (в этой же партии находился и вышеупомянутый Мир 'Араб) с одной стороны, и врагами централизации (более крупной партией, состоявшей из высокопоставленных эмиров и столбов государства Убайдаллаха-хана), с другой. Последние настаивали на смещении ходжа Низама и назначении на его место ходжа Абу-л-Бака, известного под прозвищем Ходжайи хурд и Мир Дуэт Меран. Характерно, что борьба эта велась не только в столице, но и в провинциальных центрах, доказательством чему служит борьба суратского везира Султан Ибрахима и его сторонников против Мир 'Араба. Из дальнейшего рассказа Васифи

известно, что Мирн 'Арабу на какое-то время удалось примирить обе враждовавшие партии в Бухаре и восстановить положение хаджа Низама. Стороны были согласны также по вопросу учреждения при дворе должности садра, в обязанность которого вменялось ведение делами саййидов, казиев и улемов. На эту должность были назначены не один, а два садра — по одному из каждой противоборствующей партии: Камал ад-дин хаджи Тебризи (кандидатура Мирн 'Араба) и Шамс ад-Дин Мухаммад Хурасани (кандидатура оппозиции). Тем не менее, стабилизировать положение до конца не удалось. Более того, как свидетельствует Васафи (т. I, л. 53а), «эмиры и столпы государства разделились на две партии и каждая из них объединилась вокруг одного из этих высокопоставленных садров, и в государстве Убайдаллах-хана приключилось шатание».

В конце мемуаров (гл. 46) помещены различного рода письма, составленные Васафи по просьбе высокопоставленных особ и друзей: реляция (фатх-наме) о победе над войском Наджм-и Саня в 1512 г., над казалами в мухарраме и сафаре 944/июне—июле 1537 г.; копия документа о пожаловании Науруз Ахмад-ханом рудников и пустошей вилайета Ташкент упомянутому выше саййид Шамс ад-Дин Мухаммаду Хурасани; родословная (шаджара) некоего саййид Хусайна Туси; несколько хутб; текст надписей на гробнице Субуш-хаджа-хана; несколько загадок (дугам) и др. (т. II, с. 1308—1351).

Реляция о победе над казалами (л. 219а—226б)¹⁵ — важный исторический документ, раскрывающий политические взаимоотношения государства Шейбанидов с Паркендским ханством в первой половине XVI в. В ней, например, приводится подробный отчет о совместном походе Убайдаллах-хана в союзе с Паркендским ханом 'Абд ар-Рашид-ханом против казахов и киргизов, населявших предгорные районы Казгурда, Сайрама, перевал Сонгак, Кочкар-Ата, районы Иссык-Куля, Сан-таша и др., завершившемся разгромом и разграблением улусов этих народов.

Второй документ (л. 223а—223б) важен для изучения социально-экономических отношений Средней Азии первой половины XVI в. В нем говорится о пожаловании Науруз Ахмад-ханом в суюргал рудников вилайета Ташкент садру саййид Шамс ад-Дин Мухаммаду Хурасани и закреплении за ним права пользоваться всеми теми землями, кои он оживил и вел в оборот (т. II, л. 223а).

Ценны также описания Саурана, мечети Убайдаллах-хана в этом городе и сведения о вакуфных владениях последнего в Сауране. В мемуарах город охарактеризован как большой, укрепленный и благоустроенный (т. I, л. 486). Имеется также подробное описание мечети, построенной во внутренней части города (дарун) по велению Убайдаллах-хана (т. I, л. 48а). Из других достопримечательностей Саурана заслуживает внимания рассказ Васафи об ирригационных сооружениях — о двух карнах с защищающим их укреплением и колоде глубиной 150 газов, а также о сардаях, сооруженных вышеупомянутым везиром Султан Ибрахимом в районе Саурана. Приводится и такой факт, что при строительстве этих сооружений был использован труд 200 индийских гулямов (т. I, л. 496). В мемуарах имеется копия на-

¹⁵ По мнению В. П. Юдина (Материалы по истории казахских ханств, с. 176) она заимствована автором «Бадеа ад-вакит» из какого-то письмовника (инша).

куфной грамоты, составленной Васифи от имени вышеупомянутого шейха Султан Ибрахима — учредителя вакфа (т. I, л. 50а—50б). Согласно этой грамоте все указанные сооружения были пожалованы в вакуфное пользование во вновь построенной им Сауранской мечети.

Для уточнения отдельных фактов из области политической истории представляют ценность 4 и 5 главы мемуаров, посвященные нашествию князьбашенских войск в союзе с Бабуром на Мавераннахр в 1511 г. и повествующие о походе шейбанидских султанов на Хорасан в 1535/1528—1529 гг. Большой интерес представляют сведения «Бадаи' ал-вакан» о лютной зиме, дороговизне и голоде в Самарканде (т. I, л. 166—186).

Списки «Бадаи' ал-вакан» весьма широко представлены в СССР а за рубежом¹⁸. Только в Ташкенте в собрании рукописей ИВ АН УзССР их более десяти¹⁹.

Полного перевода мемуаров Васифи на какой-либо европейский язык, за исключением фрагментов, вошедших в монографию А. Н. Болдырева «Зайнабдин Васифи — таджикский писатель XVI в.» и небольшого фрагмента из «Фатх наме-и казако», выполненного В. П. Юдиным²⁰, до сих пор нет. Лишь выборочный узбекский перевод «Удивительных событий» издан Н. Наркуловым (см. раздел «Рекомендуемая литература»). Пересказ его содержания на современный таджикский язык с сохранением многих стилистических вставок выполнен в свое время С. Айни²¹. Сохранились и несколько списков «Бадаи' ал-вакан» в переводе на старотуркменский язык. Три из них хранятся в собрании рукописей ИВ АН УзССР (инв. № 1093, 3344/1 и 7431)²² и один в ЛО ИВ АН СССР (инв. № В. 768)²³.

МУЗАККИР АЛ-АХБАБ

(ПАМЯТКА О ДРУЗЬЯХ)

Антология, содержащая краткие, но весьма ценные сведения о 261 персональном и тюркоязычном поэте Средней Азии первой половины XVI в. Составлена в 1974/1566—1567 г. и посвящена Джуйбарскому шейху ходжа Мухаммад Исламу (898/1493—971/1563).

Автор антологии — саййид ходжа Баха ад-Дин Хасан Бухари, известный под литературным псевдонимом (тахаллус) Нисари. Сведения о нем незначительны. Судя по тем кратким и отрывочным данным, сообщаемым им о себе в антологии, происходил он из семьи саййида

¹⁸ Краткие их описание см.: Стора. Персидская литература, ч. II, с. 1125—1126; Введенко А. Н. Болдырева к критическому изданию «Бадаи' ал-вакан», т. I, с. 5—48.

¹⁹ Краткие их описание см.: СВР АН УзССР, т. I, с. 171—172; т. V, с. 97—99; т. VII, с. 53—54; т. VIII, с. 56.

²⁰ См.: Материалы по истории казахских ханств, с. 172—184, 518—520.

²¹ Айни С. Васифи ва ҳуҷуҷи «Бадаи' ал-вақоъ». Сталинабад, 1956.

²² Краткое их описание см.: СВР АН УзССР, т. I, с. 172; т. VII, с. 53—54. Два из них (инв. № 1093 и 3344/1) принадлежат веру хорезмского поэта и литературоведа XIX в. Хуффи 'Али-ходжа ибн саййид Умар-ходжа Кавани, прозванного Дилвар-ходжей, и выполнены в 1241/1826 г. по распоряжению казахского эмира Аллагули, третий список (инв. № 7431) представляет собой сокращенную редакцию, выполненную Мухаммад Амин-тарой ибн саййид Ахмад-тарой в Хиве в 1907 г.

²³ Известен под названием «Бадаи' ал-вақоъ» («Редкие рассказы»). Подробное см.: Описание тюркских рукописей, т. I, с. 108—109.

Падшах-ходжа (885/1480 — год смерти не установлен) — образованнейшего человека XVI в., поэта и писателя, автора таких выдающихся сочинений этно-дидактического характера, как «Мифтах ал-адль» («Ключ к истине») и «Гулзар» («Розовый сад»)²¹, повести (дастан) «Махид ал-атвар» («Образ желаний»), написанной в подражание «Махави ал-асар» («Хранилище тайн») великого азербайджанца Низами Гянджеви²². Хорошее для своего времени образование получил и его сын Хасан-ходжа — автор настоящей антологии. Помимо литературы, он изучал тибб (медицину), тафсир, хандаса (геометрию), астрономию и математику, совершенствовался в музыке, овладел искусством каллиграфии. Его учителями в этих науках, по свидетельству самого Хасана Нисари, были маулана Мухаммад Маид (по медицине), хазиф Султан 'Али Субехи (по каллиграфии), Сафи ад-Дин Муртафа Руми (по тафсиру), Мир Мухаммад гаджаки (по музыке), маулана Шайда (по астрономии) и Амир Махди (по математике) (л. 94а, 95а, 98а, 104а, 110а, 117а).

Из других фактов, которые могли бы в какой-то степени прояснить его общественное положение, известно лишь то, что он был садром у Шейбанида Рустам-султана — правителя самаркандского Согда и у стремени этого султана вошел в Балх (по-видимому, в 932/1526 г. во время захвата Кистин-кара-султаном этого города), затем вместе с Амиром Махди или кази Махмуд ал-Хусайни преподавал хандаса в медресе ходжа Камал ад-Дина кунака в Балхе (л. 206, 117а). Умер Хасан Нисари в 1005/1596-1597 г. Другими сведениями о нем мы пока не располагаем.

«Музакир ал-ахбаб» состоит из краткого введения (л. 16—56), где автор пишет о целях и задачах, которые он поставил перед собой при составлении настоящей антологии, и ее содержания; вводного раздела; четырех глав и заключения (хатима). Во введении (л. 46—56) говорится, что настоящая антология является продолжением знаменитой «Маджалис ан-нафа'ис» Алишера Навои.

В вводном разделе (л. 56—42а) речь идет о поэтах-правителях из дома Шейбанидов (Шейбани-хан, Убайдаллах-хан, 'Абд ал-Латиф-султан, Рустам-султан, 'Абд ал-'Азиз-хан, Султан Са'ид-султан, Джуваннард 'Али-хан, Достмухаммад-султан, Абу-л-Гази-султан) и Тимуридов (Идди (Хумаюн, Акбар, Камран, мирза Аскари, Хиндал, Мирзахан). Отдельные факты, связанные с пребыванием Шейбани-хана в Бухаре в 1487—1488 гг., представляют для нас большую ценность. Согласно этим сведениям, он прибыл сюда по приглашению Тимурида Султана Акмада-мирзы и вассального 'Абд ал-'Али тархана — правителя Бухары. По свидетельству ходжа Хасана Нисари, постоянным местом пребывания Шейбани-хана было бухарское селение Аманкент. Тогда же он стал мирзидом Мир Мухаммада нахшбенда, внука ходжа Баха ад-Дина нахшбенда (ум. в 791/1389 г.), почитателя мазара последнего в Каср-и арифая. Далее он пишет о том, что этот Мир Мухаммад нахшбенд «пророчил» ему: «справление [власти] у него долж-

²¹ О «Мифтах ал-адль», «Гулзаре» и литературе к ним см.: Узбек адабияти тарихи, III т. Тошкент, 1978 год, 117—123-б.

²² Тохиржонов А. Т. Хожанинг энги тошкент асари.—Узбек тили ва адабиёти, 1975, 3-сон, 70—73-б. По сведениям самого ходжа Хасана Нисари («Музакир ал-ахбаб», рук. ИВ АН УзССР, инв. № 56, л. 100а), его отец владел на среднеазиатском торговом пути «Лейла и Меджлун».

не произойти со стороны Туркестана» и что согласно этому пророчеству Шейбани-хан спустя 12 лет стал действительным обладателем огромного владения, простиравшегося от Туркестана до Дамгана (л. 76—8а). Здесь же сообщается много интересного из частной жизни Шейбанидсов: Рустам-султана (л. 176—226), Абд ал-Азиз-хана (л. 226—28а), Джузямард 'Али-хана (л. 30а—306) и др.

В первой главе (л. 426—886), состоящей, как и последующие II—IV главы антологии, из четырех разделов (фака), приводится жизнеописание 84 поэтов, со многими из которых автор не был знаком, ибо они умерли задолго до времени составления антологии.

Во второй главе (л. 89а—1186) говорится о 65-ти бухарских поэтах, с которыми Хасану Нисари приходилось встречаться, однако ко времени составления настоящей антологии их уже не было в живых.

Источником для составления вводного раздела и первых двух глав антологии послужили, помимо диванов и многочисленных сборников стихов (байазы, малжмуз') поэтов, также исторические, географические и иные сочинения, как «Тарих-и джаланкушай» Джузебейи, «Матла' ас-са'ляйн» Абд ар-Разака Самарканди, «Сувар ал-аккадим»²⁴, «'Аджа'иб ал-булдан» Закарии ибн Мухаммад ал-Казвини (составлено в 661/1263 г.), «Силсала аз-захаб» Абд ар-Рахмана Джамии, «Тазкират аш-шуара» Доулетшаха (ок. 839/1435—1436—900/1495), «Маджалис ан-нафа'ис» Алишера Навои и сочинения Камал ад-Дина Бинаи (л. 126, 186, 196, 206, 21а, 456, 466, 68а и др.).

Третья глава (л. 1186—1446) посвящена 59-ти бухарским поэтам, жившим во времена составления настоящей тазкиры и с которыми был лично знаком сам автор.

В четвертой главе (л. 1446—152а) Хасан Нисари повествуем о 44 поэтах Средней Азии, здравствовавших во времена составления настоящего труда, однако автор антологии не был с ними лично знаком.

В заключении (л. 152а—158а) Хасан Нисари приводит краткие сведения о своих предках: деде Абд ал-Ваххаб-ходже, отце Падшах-ходже и младших своих братьях: Абд ас-Самад-ходже, занимавшем некоторое время должность шейхульислама при Рустам-хане и поэте-рубайисте Баба-ходже, натуре которого была свойственна постоянная экальтация (джазаба), Шахим-ходже, тоже поэте, писавшем в основном руба'и и др. Хатима в данной рукописи (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 56) завершается стихотворным отрывком и сообщением о визите Субханкули-ханом Балха в пятницу 21 муларрама года Барса (7 декабря 1686 г.) (л. 158а—160а), что, очевидно, не относится к авторскому тексту и является более поздним наслоением.

«Музаккир ал-ахбаб» содержит ценный материал о состоянии литературы Средней Азии в первой половине XVI в. и, что самое важное, о культурной жизни народов страны за этот еще слабо изученный период истории. Примечательно, что наряду с именами поэтов-профессионалов в антология встречаются и имена поэтов — представителей других профессий: торговцев, ремесленников, врачей, каллиграфов, художников, ученых, архитекторов и др. Среди них торговец (туджар) Хусайн 'Али ад-Дин (л. 556—56а), шорник (саррадж) Манли (л. 56а—566), мастер по изготовлению стрел (тирхар) Тали' (л. 71а) и Дар-

²⁴ Под таким названием были известны сочинения Абу Заида ал-Балхи (X в.), «География» Рашид ад-Дина (XIII в.) и персидская редакция Истахри (X в.).

виш Максуд (л. 996—100а), башматчик (кафшдуз) Шахи (л. 88б), мастер по изготовлению фарфоровой посуды (чиниса) Сафай (л. 125а), продавец мускусом (мушкфуруш) Даниш (л. 139б—140а), гребенщик (шинатараш) Нихави (л. 148а), врач маулана Вахи, Хафиз Камал Турбаты, маулана Мухаммад Мазид, маулана Рафи, хаджа 'Абд ал-Хаким, Мир Тайиб и др. В их числе много каллиграфов и мастеров по художественному оформлению книг, таких, как маулана Мирах-мушш, маулана Сакинн, Байазид Пуранн, Мир Шейх 'Али Пуранн, хаджа Хусайн Меран, Мирза Бакар, маулана Махрами, маулана Зийнати, маулана Мираса и др. Среди ученых — представителей таких наук, как история, поэтика, медицина и астрономия — Фазлаллах ибн Рузбехан и его сын хаджа Мухаммад, Казн Анджани, Зайн ал-Дин Васифи, маулана Фахр ал-Дин ва'из, маулана Шамс ал-Дин Кухи, маулана Шамс ал-Дин Ибрахим, Сафи' ал-Дин Мустафа Руми, маулана Шайда, Амир Махди, маулана Мухаммад Туркестани, маулана 'Абд ас-Самад и др.

Хотелось бы особо остановиться на следующих, чрезвычайно интересных на наш взгляд, сведениях из антологии хаджа Хасана Нисари. Речь идет об Амир Хайдар Алишере и Мирасе Улугбеке. Первый (л. 83б—85б), как свидетельствует автор антологии, был родственником Алишера Навои, писал одинаково и на турки, и на фарси. Лишь один его газели, написанные на турки, составляют более 10 тысяч бейтов. Им же написан месневи на подражание «Махзан ал-асра» («Сокровищница тайн») Низами, состоящий из 30 тысяч бейтов, и камыда «Дарфа-йи абрар» («Река праведных») на подражание «Вахр ал-абрар» («Море праведных») Хосрова Дехлеви. По свидетельству Хасана Нисари, до и после него никто из поэтов не писал таких высокохудожественных произведений на турки, как Хайдар Алишер (л. 85а). Второй, т. е. Мирза Улугбек, был сыном вышеупомянутого Мухаммад Салиха — сановника Шейбани-хана и известного поэта второй половины XV — начала XVI в. Во времена Хасана Нисари Мирза Улугбек управлял вилайетом Неса, бывшим уделом отца. Вот что говорится о его отце и о нем самом в «Музакир ал-ахбаб»: «Мирза Улугбек является сыном эмира Мухаммад Салиха, пользовавшегося большим авторитетом у Шейбани-хана и управлявшего вилайетом Неса, а привлечен над вилайетом Дарун находилось [в руках] отца его немощного (т. е. Хасана Нисари.— Б. А.). По причине соседства [их владений] они часто [собирались и] устраивали поэтические состязания; [оба] остроумны, относятся к числу благонравных и [в этом] не нуждаются в [лишних] похвалах...» (л. 85б).

В «Музакир ал-ахбаб» имеются сведения о культовых, ирригационных и иных сооружениях, построенных при Убайдаллах-хане и 'Абд ал-'Азиз-хане (947/1540—967/1550), а именно: о медресе Мир-и Араб в Бухаре, чарбаге Пир-и марза, расположенного на юго-западе от Бухары, Пул-и мехтар Касиме на реке Кухек, медресе 'Абд ал-'Азиз-хана в Бухаре и хананах, построенных этим же ханом на мазаре хаджа Баха ад-Дина Накшбенда в Каср-и'арифан (л. 14а—14б). Ценны сведения хаджа Хасана Нисари о построенной 'Абд ал-'Азиз-ханом библиотеке в Бухаре, не имевшей себе равных на всем свете, کتابدارом (библиотекарем) в которой работал Мир Абид Хусайни, замечательный каллиграф, хорошо владевший почерками наста'лиқ, рай-хати и др., великолепный миниатюрист и инкрустатор (л. 27а—27б).

Текст «Музакир ал-азбаб» издав в 1969 г. в Хайдарабаде (Пакистан)²⁵, рукописные списки его хранятся в хранилищах СССР и зарубежных стран²⁶.

Сочинению Хасана Нисари посвящено немало научных статей (см. раздел «Рекомендуемая литература»), однако возможности этого важного источника для изучения культурной жизни Средней Азии первой половины XVI в. этим далеко еще не исчерпаны.

АНТОЛОГИЯ МУТРИБИ

О жизни и деятельности этого видного поэта, литературоведа и музыковеда второй половины XVI — первой четверти XVII в., известного по поэтическому прозвищу Мутриби (музыкант, певец), в литературе содержится очень мало сведений. На сегодняшний день о нем и его сочинении «Такират аш-шуара» («Жизнеописание поэтов») известно буквально следующее: родился во второй половине XVI века и умер примерно в 30-х годах XVII в.; учения вышеупомянутого хаджа Хасана Нисари, автор «Такират аш-шуара», собравшего жизнеописания и образцы творчества более чем 320 поэтов; писал стихи и был талантливым музыковедом.

За последние годы были обнаружены еще два доселе не известных сочинения Мутриби — «Нусла-би зба-и Джахангир» («История князя Джахангира») и «Хатират-и Мутриби» («Воспоминания Мутриби»), хранящиеся в одном переплете с другим сочинением в библиотеке Индаи оффис в Лондоне (инв. № 3023) под общим названием «Тарих-и Джахангири» («Джахангирова история») ²⁷. Последняя, заключительная часть «Нусла-би зба-и Джахангира», написанная самим Джахангиром (об этом см. ниже), и «Хатират-и Мутриби» в 1976—1977 гг. были изданы в Карачи (Пакистан) советским востоковедом А. М. Мирзоевым при участии пакистанских литературоведов Махмуд Хасана Сиддики и Саид Хисам ад-Дина Рашиди (см. раздел «Рекомендуемая литература»). Оба сочинения Мутриби — важнейшие первоисточники по изучению литературных связей Средней Азии и Северной Индии XVI—XVII вв. В то же время они содержат отрывочные, но чрезвычайно ценные сведения о жизни и научно-литературной деятельности самого Мутриби, его близком окружении, культурной среде, в которой он формировался, и круге его интересов.

Согласно сведениям «Хатират-и Мутриби» (с. 16, 21, 45, 66—68), Мутриби родился в 966/1559 г. в г. Самарканде. Его предки Малик аргун (со стороны отца) и Басари (со стороны матери) были известными в свое время поэтами. Первоначальное образование Мутриби получил в родном Самарканде, затем поехал в Бухару, где стал учеником вышеупомянутого хаджа Хасана Нисари.

В самом начале (нем-и завал) сочинения Мутриби приводит жак-

مذکر اصحاب تالیق خواجہ بہا الدین حسن نزاری (مشمول اساس و آثار نویست و هفتاد و پنج شعرای فارسی قرن دم هجری کہ در ماوراء النہر و ایران و ہند و روم بودند) بالتصدیق و مقابلہ و مقدمہ سید محمد فضل الد. حیدر آباد ۱۹۶۹ عیسوی

²⁵ СВР АН УзССР, т. I, с. 128; Микаэло-Маклаи Н. Д. Описание, изд. 2, с. 16—17; Perlsch. Handschriften, N 645; Стоя. Персидская литература, т. II, с. 842, 1137.

²⁶ Ethe. Catalogue, vol. II, p. 10—11.

неописание 17 имевших отношение к познанию ханов и султанов из дома Шейбанидов: 'Абдаллах-хана II, 'Абд ал-Му'мин-хана, Абдал-султана, Абу-л-Хайр-султана, Бахадур-султана, Музаффар-султана и других; пишет, что знал их лично, а у некоторых из них находился в услужении («Тазкират аш-шуара», рук. ИВ АН УзССР, инв. № 2252, л. 46—226). Вкратце остановился на личностях указанных выше лиц. Как известно, 'Абдаллах-хан II захватил власть в Бухаре 7 ша'бана 964/5 июня 1567 г. (Мусаххир ал-билад, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1505, л. 54а) и с этого времени до 1000/1598 г. был верховным правителем Бухарского ханства. 'Абд ал-Му'мин правил после отца всего лишь шесть месяцев. Очевидно, Мутриби общался с ними начиная с середины 70-х гг., как об этом подробно изложено в «Хатират-и Мутриби» (с. 61—63). Абдал-султан (настоящее его имя 'Абд ал-Малик-султан) был сыном самаркандского хана 'Абд ал-Латифа (947/1540—959/1552); убит Узбек-ханом в 985/1577 г. в Хисар-и шадмане («Тарих-и Саид Рахим», рук. ИВ АН УзССР, инв. № 2623, л. 193б). Бахадур-султан был сыном Шейбанида Султан Са'ид-хана — одного из многочисленных претендентов на Бухарский престол; убит в 976/1568—1569 г. во время сражения с 'Абдаллах-ханом в местности Карабулак подле Самарканда («Абдуллонома», т. II. Ташкент, 1969, с. 70; «Мусаххир ал-билад», л. 56а—56б). Что касается Абу-л-Хайр-султана и Музаффар-султана, то они были сыновьями самаркандского правителя Шейбанида Джуванмарда 'Али-хана (980/1572—986/1578), казненными по приказу 'Абдаллах-хана II в 986/1578 и 990/1582 гг. (Мусаххир ал-билад, л. 57б, 64а). Последним двум в «Тазкират аш-шуара» уделено большое место, особенно подробно говорится об Абу-л-Хайр-султани. Мутриби останавливается на нравах и повадках этого султана и характеризует его как человека коварного, дерзкого и склонного к смутам («Тазкират аш-шуара», л. 14а—16а), из чего можно предположить, что в 70-х гг. Мутриби находился на службе у Джуванмарда 'Али-хана.

До 1029/1620 г. Мутриби в основном жил в Самарканде: долгое время служил у эмира Хаджи-бия кошчи (правитель Самарканда с 993/1585 г.) и Аштарханида Вали Мухаммад-хана. В 1021/1612 г. собрался совершить путешествие в Хиндустан, однако из-за семейных обстоятельств (в семье у него было 20 душ) вынужден был отложить свою поездку. («Хатират-и Мутриби», с. 4). В 1029/1620—1033/1624 гг. всецело посвящая себя работе по составлению второй антологии «Нууха-йи либа-и Джалахгир»; много ездил по городам Мавераннахра, Хорасана, Балха и Вадлахана и накапливал нужный для этого материал. Приступив к составлению антологии в 1033/1624 г. в возрасте 69 лет, он завершил работу над ней в течение года и осенью 1034/1625 г. вместе со своим сыном Мухаммадом 'Али отправился в Индию. В пути он совершал продолжительные остановки в Балхе и Кабуле, собирая новые материалы для своей антологии, и в следующем, 1035/1626 г. прибыл в Лахор, где находился тогда Джалахгир (1014/1605—1037/1627—1628); месяц-другой продолжал работу над антологией, и, завершив ее полностью (та'рих его скрыт в самом названии «Нууха-йи либа-и Джалахгир» — 1035/1625 г.), предстал перед правителем Индии. В Лахоре Мутриби жил в течение года и возвратился в родной Самарканд в 1036/1627 г. в возрасте 71 года. О дальнейшей судьбе Мутриби более ничего не известно.

Несколько слов о культурной среде, где протекала жизнь и деятельность Мутриби, в круге его интересов. Помимо его незаурядных способностей в формировании Мутриби как будущего крупного ученого-литературоведа, поэта и музыканта огромную роль сыграли хаджа Хасан Нисари и правитель Самарканда меценат Хаджи-бий ата-лык кошчи, дом которых был средоточием ученых, поэтов и деятелей культуры. У первого Мутриби был учеником и ближайшим помощником, а у Хаджи-бия долгое время находился в услужении. Благодаря устремляемому в них литературным собраниям, Мутриби имел возможность познакомиться с деятелями литературы и искусства Булары и Самарканда; почерпнуть для себя много нового, совершенствовать свое образование не только в области литературы, но и в различных отраслях науки. Из содержащихся в антологии материалов видно, что круг интересов Мутриби был весьма обширен. Он получал высшее для того времени образование по литературе и поэтике, философии и музыке, теологии и хиромантии, каллиграфии и художественному оформлению книг. В литературе и поэтике (нам ал-аруз) он был учеником хаджа Хасана, в философии — известного Пусуфа Карабази (ум. в 1654/1644 г.)¹⁰, в музыке — Поуми Балхи, теологии и хиромантии — маулави Назари Бадаши, имама мечети Мукатта', в золочении книг — Рустама наккаша, в каллиграфии — Сабита Мийанкали («Тазкират аш-шуара», л. 45а, 127б—128а, 152а—152б, 123б—125б, 160а, 204а, 218а). Из числа своего близкого окружения Мутриби называет имена Фарраши Самарканда (настоящее его имя Хабибаллах) — талантливого поэта-газелинчика и большого знатока поэтики (л. 182а—183б), хаджа Достназара Курейши — поэта-рубанкави и автора трактата по поэтике (л. 197б—199а), видного ученого-литературоведа маулана Мухаммад Садыка — автора не дошедшей до нас антологии «Рифаз аш-шуара» («Цветник поэтов»). По свидетельству Мутриби, Мухаммад Садык был большим знатоком науки сйяк и составил по нему специальный трактат, использовавшийся в качестве пособия для чиновников финансового ведомства (мустоуфибан на дафтарадан) (л. 192б). Заслуживает внимания еще одно сообщение Мутриби об этом лице: «Он был обладателем знаний и в [области] поэзии. Составил книгу под названием «Рифаз аш-шуара», в которую вошли имена современных и иных поэтов. Поскольку он не включил в нее отдельные трудные и поражающие разум редкие стихи, что являлось в обязанности составителя [подобных сочинений], принята она не была. Ныне слышал, что он, уничтожив первоначальный вариант [своей книги], составил [новую] антологию в стихах и прозе, в которой привел жизнеописания многих одаренных и умных поэтов» («Тазкират аш-шуара», л. 193б). Антология Мухаммад Садыка (составлена в 40-х гг. XVII в.), воспринявшая жизнеописания и образцы творчества среднеазиатских поэтов первой половины XVII в., к сожалению до нас не дошла. Однако, судя по тому, что ссылки на нее встречаются у Малеха Самарканда (см. «Музакир ал-асхаб», рук. ИВ АН УССР, инв.

¹⁰ О нем подробно см.: Сажинев А. А. Забытый средне-азиатский философ XVII века и его «Трактат о сокрытом». — Известия общества для изучения Таджикистана и арабских народностей за его пределами, т. I, Сталинабад, 1928, с. 137—138; Нуриддинев М. К. Изучению философского наследия Юсуфа Карабази. — ОНУ, 1978, № 1, с. 58—59.

№ 2727, л. 40а) можно предположить, что отдельные фрагменты антологии Мухаммад Садык сохранились, по-видимому, у Малеха.

Мутриби был весьма талантливым поэтом, писавшим на обоих среднеазиатских языках (на персидско-таджикском и узбекском) по всем основным жанрам классической поэзии («Тазкират аш-шуара», л. 189б; «Хатират-и Мутриби», с. 4). Доказательством тому служат отдельные отрывки из его стихов, сохранившиеся в различных сборниках²⁰.

Теперь о трудах Мутриби. Он — автор трех сочинений: двух антологий и воспоминания. Коротко остановимся на них.

«Тазкират аш-шуара» — антология среднеазиатских поэтов последней четверти XVI — начала XVII в., в которой приведены жизнеописания 328 поэтов и образцы их творчества. Составлена после 1013/1604 г. и посвящена Аштарханиду Вали Мухаммад-хану.

Материал в «Тазкират аш-шуара» расположен в следующем порядке: после краткого вступления (л. 1б—4б), где автор коротко говорит о целях и задачах, которые он поставил перед собой при составлении настоящей антологии, и о том, что посвятил ее Абу-л-Гали Вали Мухаммад-хану, а затем представил на суд «уважаемого и почетного ученого и прославленного поэтом неподобного столяма [города] Самарканда» и удостоился их одобрения; останавливается на жизнеописании ханов и султанов, в основном из династии Шейбанидов, имевших какое-либо отношение к поэзии (л. 4б—28б), а затем в алфавитном порядке кратко излагает биографии поэтов Средней Азии и приводит образцы их творчества (л. 29а—239а). При этом автор строго придерживается такого принципа: сначала он останавливается на тех поэтах, которых знал лично и общался с ними, затем говорит о тех из них, которых видел, но не общался и, наконец, о поэтах, с которыми ему не приходилось встречаться, но сведения об их творчестве черпал из других источников. Для антологии Мутриби характерно и то, что он, как видно из разделов, посвященных Ахисе Ираки (л. 54а—55а), Джашии Самарканда (л. 71б—72а), Хаджи (л. 109а—110б), Хафизу (л. 115а—115б), Камалу Шебергани (л. 127б—128б), Нидая (л. 162б—163а), Лутфи Самарканда (л. 131а—131б) и другим, не ограничивался лишь описанием образов их творчества, а часто подвергал их разбору и тщательному анализу.

Ценность антологии Мутриби заключается в том, что в ней содержится богатейший фактический материал о состоянии литературы, науки и культуры народов Средней Азии последней четверти XVI — начала XVII в. Тщательное изучение антологии показало, что поэзия времен Мутриби развивалась в той же традиции, что и поэзия предшествовавших веков. Наряду с известными жанрами (насида, газель, рубай, заджа, месневи и др.) имели место и такие, как хюса (сказание), латифа (анекдоты, остроты), музхика (забава, шутка). Тот факт, что в Средней Азии в тот период (в основном в Самарканде, Бухаре, Балхе, Ташкенте и других городах) жили и творили свыше 300 поэтов, среди которых было немало имевших свои собственные диваны (мулла Баки Самарканда, Султан Мухаммад Керминеги, Мухаммад Сулайман Фузула, Дуайи Бухари, Мухаммад Хашим Захиди

²⁰ См., например, Рада'иф ал-аш'ар, рук. ИВ АН Таджикской ССР, инв. № 2256, л. 129б, 160а; Бабах, рук. этого же собрания, инв. № 1232, л. 39а, 67а, 68а, 102б.

в др.), свидетельствует о значительном развитии литературы. Мутриби включил в свою антологию и представителей низших слоев населения. Среди них, например, Зайрак, пленный из балхского Сийалджерда, служивший у одного самаркандского богача (л. 108б—109а), Ма'суми Бухари, добывавший средства для существования путем переноски различных бумаг в бухарском базаре переплетчиков (л. 143б—144а), крестьянин Камати Балхи (л. 202б—203а), Адина Самарканди, также существовавший за счет переноски книг (л. 223а) и др. В тазкире Мутриби приведены также жизнеописания и выдержки из стихотворений многих поэтов-ремесленников: чеканщика Зарраби Туркестани (л. 108а), повара Тоббахи Балхи (л. 122а), башмачника Кафши Бухари (л. 130а), ткача Лутфи Джамабафа Бухари (л. 131б—131а), шерника муллы Мумина Самарканди (л. 144б), кожевника Шазиди Балхи (л. 211б), портного Сауби Исфиджаби (л. 218б), горшечника Забити Самарканди (л. 229а) и др.

Большую ценность представляют сведения автора антологии о состоянии науки и культуры Средней Азии на рубеже XVII в. Речь здесь идет о представителях таких наук, как медицина (Давайи Самарканди, саййид Мир табиб Ниши), астрология (ходжа Хасан Нисари, Султан Мухаммад Назили, Мирза Фирхад), снйак (ходжа Мухаммад Латиф, Ма'суми Бухари, Фаррухи Бухари), фикх (Садри Ташканди, Кашифи Самарканди, ахунд Исмаиляллах Шакури), философия (Пусуф Карабази, Хасан-ходжа Нисари), логика (ахунд Исмаиляллах Шакури), поэтика (Мир Румузи, Афиали, Джани Кабули, саййид Даранш Мухаммад Касеми, Физайи) и др. Многие из них имели в избранных областях научные труды и, как свидетельствует Мутриби, ему доводилось не только с ними встречаться, но и читать их сочинения (л. 200а, 207б и др.).

Среди имен поэтов, включенных в тазкира,— имена музыковедов и музыкантов, художников и искусных каллиграфов. Из музыковедов Мутриби упоминает, например, выдающегося деятеля искусства XVII в. Даранша 'Али Чанги (л. 50а—51а), автора музыкальных произведений на маком «сегах» Дар'и Чахарджуи (л. 83б—85б), анатока «ушияк» и маком-и «рост» Зарраби Туркестани (л. 108б), искусных музыкантов Поуми Балхи наби, 'Араб-ходжа иби Бахадур-ходжа Курейши, в совершенстве владевшего такими музыкальными инструментами, как сатора, каман и др. (л. 123а—124а, 198а). Приводятся ценные сведения и о художниках (накхши Мир Касиме Самарканди и муллы Рустаме (л. 57б, 204а—204б), резчике по камню Ибадаллахе Зики (л. 107б—108а), позолотчике Шахи Бухари (л. 211а), каллиграфом Мирак Мухаммаде-муниш, Ма'суми Бухари, Мирза Му'инне-муниш, Нисари Бадахши, Сабити Мийанкали, Хатти Самарканди и др. (л. 57б, 142а—142б, 143б—144а, 163а—166б, 218а—218б, 223а и др.).

Специалистам, занимающимся вопросами экономического положения средневековых городов, будут небезытересными сведения о существовании во времена Мутриби таких ремесел, как *ясалар* (медник), *зарраб* (чеканщик), *тоббах* (повар), *химагараш* (приготавливающий хну), *кафшду* (башмачник), *саррадж* (седельщик), *джамабаф* (ткач), *балладу* (шьющий охотничьи перчатки), *срэнгар* (игольщик), *мудрак* (гравер), *ларниши* (инкрустатор золотом), *зарраб* (ювелир), *чарклар* (кожевник), *кассадж* (ткач), *такяду* (шьющий головной

убор), даронагар (портной), дирриза (котельщик), Джаджимдуз (ковроткач) и др. (сведения о них разбросаны по всему сочинению).

В таджире Мутриби приведены также названия более 30 чинов и должностей (хужалташ, биванбас, мехтар, даргтардар, вахир, паромачи, 'алам, калли, кази аскар, вахи'анавис, мушшид, муфтаи, мутасиб, калабдар, кутвал и др.), которые вкупе с аналогичными сведениями других источников дают представление об административном устройстве Бухарского ханства как центрального государственного аппарата и аппарате местных правителей.

Наиболее полный список «Таджират аш-шуара» Мутриби (инв. № 2253, переписан, по-видимому, в XVII в.) хранится ныне в собрании рукописей ИВ АН УзССР²⁰. Еще один экземпляр этого сочинения находится, по сведениям Хасам ад-Дина Рашида, — комментатора «Нуха-ли зиба-и Джахангир», в частной библиотеке афганского ученого Мухаммад Салих Паруфта²¹.

«Нуха-ли зиба-и Джахангир». Написан в Самарканде в 1035/1625-1626 г. (Та'рих составления скрыт в самом названии антологии «Нуха-ли зиба-и Джахангир» — 1035 г.). Автор работал над ним по пути из Самарканда в Индию и позднее, уже будучи в Лакоре. В него было добавлено все то новое, что удалось собрать автору во время продолжительной остановки в Балхе и Кабуле, а также материал, представленный ему Джахангиром после подробного ознакомления с антологией. Как сказано в «Хатират-и Мутриби» (с. 70), «Нуха-ли зиба-и Джахангир» был одобрен падишахом и близким его окружением, но прежде чем передать его во дворцовую библиотеку, Джахангир изъявлял желание украсить его своим именем. Мутриби приводит следующие слова Джахангира: «...Несколько страниц, содержащих имена поэтов времен царствования моего покойного великого предка [Акбар падишаха], да помилует его аллах, кои я собрал в пору своей юности, и поскольку они в весьма сокращенном виде, хотел бы, чтобы вы доработали и включили в свое сочинение». «Я, — продолжает Мутриби, — сделал и продекламировал [следующее двустихие]:

О боже, пока будут [растать] солонки и луна,
Будет [и] Джахангир зыб Акбар падишаха.

Материал, переданный Джахангиром Мутриби, занял в «Нуха-ли зиба-и Джахангир» всего 15 страниц и последний включил его в конец (хатима) своей антологии под заглавием «Поэствование о поэтах, живших в Хандустане во времена правления падишаха-вонителя Джалал ад-Дин Мухаммад Акбара»²². В нем содержатся кратко сведения и о поэтах — выходцах из Ирана, Балха, Бадхашана и Средней Азии (Мушфики, Сахми Бухари, Нишани Самарканди, Фазли Бухари, Гурбаты Бухари и др.), а также живших в Индии во второй половине XVI века.

Что касается самой антологии «Нуха-ли зиба-и Джахангир», то она все еще остается в рукописном варианте (известный список ее, как уже сказано выше, хранится в Англии, в библиотеке Индия оф-

²⁰ Краткое его описание см.: СВР АН УзССР, т. I, с. 130—131.

²¹ Хатират-и Мутриби, с. 8.

²² Раздел этот начал с обширными комментариями Сайид Хасам ад-Дин Рашид и А. М. Мирзоим (Нур ад-Дин Джахангир. Таджират аш-шуара. Мусамма ба-нуслин зиба-и Джахангир. Карачи, 1976, с. 1—30).

фис; переписан в Шахджанабаде 23 ша'бана 1075/10 марта 1665 г.) и слабо изучена.

«Нуха-и зиба-и Джахангир» состоит из введения, заключения и двух разделов (списков).

Первый раздел «Повествование о правителях-чагатадах и отличавшихся красноречием поэтах, надевших злат известности при них, дваны которых имеют хождение в Мавераннахре», посвящен Бабуридам Северной Индии и отличившимся при них поэтам Бадакшана и Северной Индии.

Второй раздел «Повествование об узбекских султанах и поэтах, прославившихся во времена их правления», состоящий, в свою очередь, из двух частей, содержит сведения о поэтах Средней Азии и о тех из них, которые переселились в Индию и обрели там популярность.

Заключение (хатима) — о пребывании Мутриби в Лахоре при Джахангире. Здесь же то дополнение к антологии Мутриби, которое было составлено Джахангиром.

Настоящая антология Мутриби содержит сведения о 292 поэтах Мавераннахра, Бадакшана, Балха, Ирана и Северной Индии XVII в. и, несомненно, является ценным первоисточником для изучения среднеазиатско-индийских литературных связей.

«Хатират-и Мутриби»²⁰. Небольшое по объему сочинение (всего 68 с.) состоит из краткого введения (дебача) и 24 воспоминаний Мутриби, т. е. своего рода отчет о его встречах с Джахангиром и его окружением. Во введении указана точная дата начала написания — 9 джумада II 1036/25 февраля 1627 г.

Настоящее сочинение Мутриби содержит фактический материал о научной и литературной жизни Северной Индии, особенно о Лахоре — одном из крупнейших политических и культурных центров Северной Индии того времени (см., например, воспоминания 4, 5, 14, 18, 19, 22 и 23). Большое значение для нас представляют сведения «Хатират-и Мутриби» о социально-политической и культурной жизни Средней Азии первой четверти XVII в., о достопримечательностях Самарканда и политических взаимоотношениях империи Бабуридов с Бухарским ханством.

Остановимся на некоторых из них.

Как известно из свидетельства Мутриби, Джахангира, его предшественников и преемников живо интересовала личная жизнь, нравы и повадки правителей Средней Азии, а также окружавших их лиц (например, Надир диванбег и алчи) и, особенно, роль и место Джуйбарских ходжей (Абд ар-Рахима-ходже, Хасан-ходжи, Фулад-ходжи и др.) в общественно-политической жизни Бухарского ханства («Хатират-и Мутриби», с. 20—21, 23, 34, 45, 48, 61—63, 64, 64—65, 69). Заслуживает внимания еще тот факт, что Джахангир (так поступала, очевидно, и другие Бабуриды) занимался коллекционированием портретов правителей Средней Азии. Так, в 18-м воспоминании (с. 61—63) Мутриби приводит такой случай: «[Однажды] и пришел на лобызание царского порога. [Падшах] держал в руках какие-то картинки и внимательно их разглядывал. Он разрешил мне сесть и сказал: «Посмотр-

²⁰ Также издан А. М. Мирзоновым: *مطربى سمرقندى، خاطرات مطربى، مصاحبه با جهانگیر پادشاه، با اهتمام و مقدمه پروفیسور عبدالغنى میرزاپوری، کراچی، ۱۹۷۷*

ри внимательно на эти картинки и скажи, кто на них изображен?» Когда я их рассмотрел, то на одной из них было изображение 'Абдаллах-хан узбека, на другой — 'Абд ал-Му'мин-хана. [Падшах] спросил: «Они похожи [на себя] или у тебя есть [какое-либо] мнение? Если есть, то скажи». [Я] ответил: «'Абдаллах-хан изображен [здесь] толстым, а складки подбородка получились справа. На самом деле он не таков: телом он не миснет и со складками на подбородке». [Падшах] спросил: «Изгибы у него с правой или с левой стороны?» [Я] ответил: «С левой стороны». [Падшах] подошел к себе художника и велел написать его сызнова, так, как я ему говорил. Затем [падшах] спросил: «Что скажешь относительно [портрета] 'Абд ал-Му'мин-хана?» Ответил: «'Абд ал-Му'мин-хана изобразили очень смуглым, он не таков, а светлее; чалму надевает с наклоном вперед и это получается [у него] очень красиво...» [Падшах] подошел художника и велел ему заново написать [и этот портрет].

В своих воспоминаниях Мутриби рассказывает о современном ему Самарканде и его достопримечательностях (о Гур-и эмире, усыпальнице Рухабад, бумажной «фабрике» (джуваз-и кагаз), обсерватории Улугбека, трактирах, расположенных на Пушта-и расад, что около бумажной «фабрики» и в квартале ходжа Чубан («Хатират-и Мутриби», с. 19—21, 36, 39 и др.).

Определенный интерес для исследователей представляет легенда, приведенная здесь Мутриби об основании города Самарканда и о значении самого слова «Самарканд». Древние и средневековые историки начали основания этого города связывают с именами легендарного тюркского царя Афрасиаба, Александра Македонского и йеменского царя Самар Паруша. В «Хатират-и Мутриби» об этом говорится следующее: «В истории Табары и в других книгах написано, что настоящее название этого города Самарканд, среди престоломани и в обиходе он больше известен как Самарканд. Некоторые [ученые] о причине названия города Самарканд говорят так: у Искандра [зу-л-карнайн] были два гуляма по имени Самар и Камар. Они и являются основателями этого города, [потому] назвали его своими именами. Могла этих двух гулямов находить в Чар-су Самарканда» («Хатират-и Мутриби», с. 68).

Определенный интерес о посольских связях государства Бабуридов и Бухарского ханства представляет рассказ о пребывании в Индии бухарского посольства во главе с ходжа 'Абд ар-Рахимом в 1035/1626 г. Джахангир, хотя и весьма почитательно относился к Джуббарским ходжам и иным высокопоставленным бухарским сановникам, прибывающим в Индию с дипломатической миссией, тем не менее при встрече с Мутриби выразил недовольство тем, что Имамкули-хан, имея при себе таких высокопоставленных вельмож, как Надр диванбеги тагад, не направляет в Индию послом «кого-нибудь из своих ближних, а посылает своих жуков и людей низкого происхождения» («Хатират-и Мутриби», с. 65).

Мутриби был большим знатоком теории классической музыки и искусным музыкантом, великолепно исполнявшим восточные накомы на различных инструментах: флейте, кануне, добре и др. В одном из своих воспоминаний он подробно описывает большой пир, устроенный Джахангиром в честь приезда из Кабула в Лахор Мухаммад Хакимамризы (с. 50—51). Здесь Мутриби рассказывает о диспуте, состояв-

щелся между ним и другими знатоками классической музыки, говорит о происхождении термина «мусинна», о 12-ти макомах и др. Из его дальнейшего рассказа известно, что он великолепно исполнил на дйре ряд классических мелодий: брак, хусайин, ссгах и др.

МУЗАККИР АЛ-АССАБ

(шапомянушая [книга] о друзьях)

Антология поэтов XVII в., содержащая сведения о жизни и творчестве более чем 200 среднеазиатских (преимущественно самаркандских и бузарских) и арабских поэтов; составлена в 1093/1682—1103/1692 гг. видным самаркандским поэтом и ученым-литературоведом Мухаммадом Бади' ибн Мухаммад Шарифом Самарканди, известным под литературным прозвищем Малехи («прелестный»).

Некоторые факты из жизни самого Мухаммада Бади' и его предков можно почерпнуть из самой антологии. Согласно этим сведениям (см. л. 93б, 167а—168а и др.), его предки были факихами, людьми состоятельными, влиятельными и потому пользовавшимися покровительством ханов и высокопоставленных сановников. Состоятельным и образованным человеком был и Мухаммад Шариф, отец ученого, всю жизнь находившийся на службе в ведомстве самаркандского казны и муфтия. Об общественном положении семьи Малехи свидетельствует тот факт, что после смерти Мухаммад Шарифа (в 1081/1670 г. в возрасте 72-х лет) не только его личное состояние, но и «жалование и прочие [привилегии] (вазифа ва тайра), кои получал его отец от валишаха и эмиров, какия времени сайида 'Абд ал-'Азиз-хан по ходатайству эмиров оставил за ним» (л. 168а).

Состояние и высокое общественное положение отца позволили Мухаммаду Бади' получить хорошее для того времени образование. Первым учителем Малехи был его отец, благодаря усердию которого в 11 лет он научился не только писать и читать, но и сочинять стихи, разбираться в смысле того или иного, порой даже трудного, стиха. Под непосредственным руководством отца изучил и основы логики, богословие (илм-и калам) и философию (илм-и хикмат). Высшее образование Мухаммад Бади' получил в Бузаре в медресе 'Абд ал-'Азиз-хана. Из числа своих учителей он особо выделяет казю Лутфаллаха (стихи подписывал под псевдонимом Шакар — «благодарный»), у которого получал уроки по толкованию Корана (тафсир), мусульманской юриспруденции (фикх), поэтике (аруз ва кавафи) и астрономии. «Автор сей антологии, — рассказывает он, — большую часть книг по астрономии, в частности «Комментарий Чаггини»²⁴ и персидский трактат маулана 'Али кушчи²⁵ изучал под его руководством» (л. 93б).

Круг научных интересов Малехи не ограничивался лишь указанными выше науками. Судя по приведенным в его антологии богатым и разнообразным сведениям, он хорошо знал историю, историю литературы и другие науки. В 1081/1670 г. после смерти отца отправился

²⁴ Имеется в виду его «Али-шарх ал-мушаккас фи-л-кай'ат» (комментарий к «Ибрагимову [сочинению] по астрономии», составленный Сайид Шарифом Али Джурджани (ум. в 846/1413 г.) на «Ал-мушаккас фи-л-кай'ат» Чаггини (ум. в 618/1221 г.).

²⁵ Имеется в виду «Шарх «Задж-и Улугбек» («Комментарий к «Астрономической таблице» Улугбека) ученого.

путешествовать по Ирану и в течение трех лет жил в Исфахане — стольном городе Сефендов, Мешхеде, Нишапуре, Кашане и других городах. Причину столь длительного пребывания там он объяснил стремлением ближе познакомиться с иранскими поэтами и желанием собрать материал для своей будущей антологии (л. 168б). Насколько можно судить по данным антологии, работал там Мухаммад Бади с полной отдачей: более одной четверти его труда заняли жизнь и деятельность иранских поэтов, среди которых немало чрезвычайно ярких имен (Хаджи Ферудин-бек, Мирза Бади, Саиб Кашани, Касим-бек Машхади, известный поэт и литературовед мирза Тахир Насрабади — автор «Тазкира-йи Насрабади» и др.). В 1084/1673 г. Мухаммад Бади возвратился на родину и в течение семи лет, как об этом говорят он сам, в Бухаре и Самарканде изучал фикх, тафси́р и хадис. Затем некоторое время, по-видимому несколько месяцев, работал в канцелярии самаркандского судьи под началом Каси-ходжи Мирак-шаха. В 1100/1689 г. эмир Ибрахим-бий — правитель самаркандского вилаята назначил его преподавателем медресе Шейбани-хана. Здесь и закончил Малехи работу над своей антологией.

Сколько прожил ученый, точно установить не представляется возможным. По словам самого ученого, в год смерти отца, т. е. в 1081/1670 г., ему исполнилось 30 лет (л. 167а). Если это так, то год рождения Мухаммада Бади — 1051/1641²⁶. Дата смерти Малехи не установлена.

При составлении своего собрания Мухаммад Бади помимо богатейшего литературного материала, собранного им на протяжении десяти лет, пользовался различными по содержанию трудами своих предшественников. Среди них он упоминает, например, «Рауза-и аз-Сафа» Мирзоида, «Кандиля» имама Абу-л-Фалла Мухаммада аз-Самарканди (XII в.), «Шабистан-и хайал» («Грезы в опочивальне») Падшайх Сабакка Нишапури (ум. в 852/1448 г.), «Рахашат 'айн ал-хайат» («Камлы, просачивающиеся из источника жизни») 'Али ибн Хусейна Ва'иза ал-Кашифи (867/1463—939/1532-1533), «Ри'яз аш-шара» («Цветник поэтов») мулла Садыка Самарканди (первая половина XVII в.), «Тарих-и касира» Мир Саид Шариф Ракима Самарканди, «Дастур ал-мулук» хаджа Самандара Термези и др. (л. 196, 20а, 346, 40а, 219а и др.).

Несколько слов о списках «Музаккир ал-асхаб». Согласно имеющимся каталогам восточных рукописей, списки настоящей антологии хранятся во многих рукописецентрах СССР и зарубежных стран²⁷. По численности списков на первом месте находится собрание рукописей Института востоковедения АН УССР. Сочинение Малехи представлено здесь в семи списках (№ 58/I, 58/II, 2727/III, 2727/IV, 2613/I, 4270 и 8888), два из которых (№ 2727/III и 4270) значительно ценны как списки, современные автору²⁸. Один из них (ивн. № 8888) —

²⁶ По сведениям Н. Д. Миклудо-Маклая — 1052/1643—1644 гг. (см. Миклудо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей, вып. 2. Библиографические сочинения, М., 1961, с. 32).

²⁷ Краткое их описание см.: Миклудо-Маклай Н. Д. Описание, вып. 2, № 104; ПТР, т. I, с. 329; СВР АН УССР, т. I, с. 133—134; т. IX, с. 60—63; Каталог восточных рукописей АН ТаджССР, т. II, с. 20—21; Manuscripts of Afghanistan, p. 312.

²⁸ Описание двух последних см.: СВР АН УССР, т. I, с. 133—134; По словам покойного Ибадаллаха Адимова (ум. в 1944 г.) — большого знатока восточных ру-

узбекский перевод небольшой части «Музаккир ал-асхаб» (по рук. № 4270, л. 296—302), выполненный осенью 1948 г. известным узбекским поэтом Шамс ад-Динем Шараф ад-Дин-омгли (Хураид) и озаглавленный «Ваки'алардин» («Из событий»).

Антология Мухаммада Бади' состоит из введения и двух частей (по рук. № 2727/III, л. 76—150). Во введении, после традиционного словословия, автор сообщает о целях и задачах, которые поставил он перед собой при составлении настоящей антологии; перечисляет имена своих предшественников: Доулетшаха Самарканда, хаджа Хасана Нисари, муллы Садыка Самарканда, автора вышеуказанной антологии «Риъаз аш-шуара», своего старшего современника мистра Тахира Насрабада. В первой части (по рук. № 2727/III, л. 156—1836; по рук. № 4270, л. 2436—3876), составленной в 1093/1682—1100/1689 гг., приведены жизнеописания 165-ти поэтов (от Афсара до Наураса), даны образцы их творчества в алфавитном порядке. Малеха, в отличие от своих предшественников, последнему факту (выдержкам из творчества поэтов) уделяет большое место. Вторая часть (по рук. № 4270, л. 2880—3206), названная им «Мулхакат» («Прибавления»), написана в 1100/1689—1103/1692 г. и содержит сведения о 35 поэтах, забытых автором ранее. Большой интерес представляет содержащийся здесь материал о социально-экономической, политической и культурной жизни страны XVII века.

Главное значение антологии Малеха заключается в том, что благодаря ей мы можем судить о состоянии науки и литературы народов Средней Азии второй половины XVII века, развитии таких жанров поэзии, как газель, вазелла, месневи, рубай, та'рих, кит'а, хаджа, мурасса и др. Существовала в тот период и такой жанр литературы, как сказание. Малеха, например, приводит жизнеописание муллы Бака по прозвищу Варис, который постоянно сидел в бухарском регистане и рассказывал собравшимся различные истории (рук. № 58/1, л. 251а). В данной антологии нашло отражение не только творчество придворных поэтов, подчинивших весь свой талант восхвалению хана и близких его окружения, высокопоставленных эмйров и вельможных знатков из религиозно-дerviшского ордена (Табб, Дастур, Рахми, Заиб, Кули, Наубар, Намма и др.), но и простых ремесленников (Мухаммад Амми «Зарраби», Нибаз Ваки «Саррадж» и др.), а также тех, которые существовали за счет средств, получаемых ими при чтении своих стихов в общественных местах — в гузарах, на базарах и т. д. («Абдаллах Хаки, Ибадаллах Уивани, хаджа Фахири Каландар и др.).

В «Музаккир ал-асхаб» включены биографии и образцы творчества свыше 20-ти поэтов-ученых, поэтов-каллиграфов и поэтов-музыкалов. Из числа ученых особо следует отметить ахунд муллу Туреуна Фара'изи — автора ряда трудов по математике, астрономии и богословию: «Шарх ашкар-и та'сис» («Комментарий [к сочинению] «Основы [геометрических фигур]»), «Джами' ал-хисаб» («Сборник по арифметике»), «Рисала-фи аткйия» («Трактат о благочестивых»), «Шарх-и муамма» («Комментарий [к сочинению Джамии]»), «Муамма-фи сагир» («Малая шарада») и др. (рук. № 2727, л. 40а—40б), историков Мир Саид Шарифа Ракима — автора широко известного «Тарих-и касира»

известней, список под кав. № 4270 является автографом (см. его пометку на полях, л. 1а).

(рук. № 2727, л. 54а—58а), хаджа Самандара Термези (известного под псевдонимом Самандар) — автора сочинений «Дастур ал-мудук» и «Алис ал-фукара» («Друг бедных»), муллы Ни'мата Самарканда, весьма сведущего в таких науках, как грамматика, логика, философия, астрономия, геометрия, юриспруденция, поэтика и др. (рук. № 2727, л. 172а—173б), музыковедов кази 'Абдаллаха Афаринкента, Мирза 'Али Бузари, Та'йба, муллы Рахмат дивана Самарканда, и наконец, «обладателей семи перьев», т. е. каллиграфов Мухаммад Нибата, хаджа муллы «Махджура», хаджа Мухаммада, ахунд муллы Зарифа «Меджнуна», Мир Касима и др.

Помимо всего этого, антология Мухаммада Бади' содержит богатый фактический материал, освещающий политическую историю, социально-экономическое положение Средней Азии в 70-х годах XVII века, сведения по топографии Самарканда и Бузары, о чинах и званиях и обязанностях их носителей при Аштарханидах и др.

Из материалов социально-экономического характера значительный интерес представляют сведения о ремеслах, вакфе, налогах и повинностях, фактах коррупции и взяточничестве, имевших место не только со стороны эмиров и сановников, но и в самих занос.

Из ремесел в антологии Малека упоминаются, например такие, как зарраби (чеканщик монет), мисгар (чеканщик по меди), кимратгар (кожевник), син'ат саббали (окрашиватель тканей), саллаф (переплетчик), гулгар (художник-декоратор), кафшдуз (башмачник), зарфуз (вышивальщик золотом), кассаб (мисник), харбас фурум (торговец хлопчатобумажной тканью), атгар (продавец ароматических веществ), заркаш (позолотчик), бахаз (торговец мануфактурой), хаддад (кузнец), дарахтарам (строитель павильонов), кассаби (живописец), миктидуз (шьющий дорожную шелковую одежду), сарраф (оценищик драгоценных камней, мензала), джамбаф (портной), мухриар (наготавливающий печать) и др.

Небезинтересны сведения автора «Музакир ал-аслаб» о судьбах состояний, в частности земель крупного духовного феодала XV в. хаджа Убайдаллаха Ахрара. В «Мулхакат» об этом говорится следующее. У хаджа Убайдаллаха Ахрара было 1000 участков (мазра'а) земли. Эти земли вместе со всем своим состоянием еще при жизни он завещал в вакф своим потомкам (вакф-и аалад), а попечителем (мутавали) назначил хаджа Нахйи — своего старшего сына, а тот, в свою очередь, своего сына. Такой порядок соблюдается и по сей день. Ныне, в 1103/1692 г., попечителем его земель и имущества является хаджа Хаванд Махмуд, сын хаджа Мухаммад Пусуфа, известный по имени Султан-хаджа, в личном владении которого находятся 70 пашуных участков (джуфт-и гаи) земли. Одновременно он — попечитель мазара своего великого предка. «Ныне, — продолжает Малека, — у падишаха и эмиров есть обычай брать взятку (ришват) при назначении (кого-либо) на должность. Постепенно Султан-хаджа при помощи взятки получил должность шейха и мутавали [мазара хаджи Ахрара]... Большая доля состояния [хаджи] в качестве взятки попала в карман Субланкули-хана» (инв. № 4270, л. 288б—289а).

Как современник, Мухаммад Бади' рассказывает о нашествии джунгского Ануша-хана в Мавераннахр осенью 1092/1681 г. и в 1097/1686 г.; разгроме им шахристана и окрестных районов Бузары (в 1092/

1681 г.), захвате Самарканда, Карши и Шахрисабза (в 1097/1686 г.); трудном политическом и экономическом положении страны в этот период (ивн. № 2727, л. 47а, 70а—74а, 121а, 161а и др.). Тогда, по свидетельству Малека, казна оказалась пустой, и Субханкули-хан для содержания своего войска взял в долги к торговцам; Самарканд, Бухара и их окрестности оказались в бедственном положении — начались дороговизна и голод (там же, л. 121б). Более того, Субханкули-хан после изгнания из страны Ануша-хана и его войска (произошло это спустя четыре месяца) жестоко отомстил самаркандцам, обвинив их в попустительстве хазанцам, многих из них казнил, наследие оближал контрибуцией (берат), размер которой был равен налогу, уплачиваемому ими в течение семи лет. Контрибуцию наложили даже на вдов. «Люди хана, — говорит Малека, — простерли руку наследия до такой степени, что такого врид ли помнил какой-либо век. Город стал похож на голую пустыню» (ивн. № 4270, л. 292б—293б).

Антология Малека содержит и такие факты, которые представляют несомненный интерес в исследовании административного аппарата государства Аштарханидов как в центре, так и на местах. Например, наряду с общезвестными из предыдущих источников чинами и званиями (*атаалек, какиб, мустоуфи, марванчи, маралур, дадлах, тохсаба, синалсалар, суфур, факих, 'алам, муфтий, казиб, кази аскар, ра'ис, китабдар, муваррис, мувалла, ко-баша, жар-и казар, вах'аналас* и др.) здесь встречается новый, не упоминаемый ранее в рассмотренных нами источниках, чин — 'алам августейшего войска ('алам аскари хумаюн), приводятся новые детали, раскрывающие общественное положение кази аскара и хрониста (вази'анавис). Так об 'аламе и его обязанностях в известном «Бухарском трактате о чинах и званиях» написано следующее: «...Государи Мавераннахра... установили четыре должности почитаемых ученых и сабидов... Первая из них судья... вторая должность — муфтий, из коих высший носит название 'алама, т. е. ученый; он ('алам — Б. А.) занимается составлением юридических решений (фетва) для народа. За 'аламом следует войсковой муфтий (муфти аскар), в компетенцию которого входит составление юридических документов по военной части, особенно во время походов и поездок в другие области восточного государства. При поездке войскового судьи и войскового муфтия в [ту или иную] область, судья этой области отставляется от своей должности без [всякого] разрешения государя, как это обычно принято²⁰. Следовательно, функция 'алама заключалась лишь в «составлении юридических документов» для гражданских лиц, однако ничего не говорилось о войсковом 'аламе. Как явствует из приведенного в «Муваккис ал-аслаб» фактического материала, специальные должности войскового 'алама учреждались как в центре, так и в областях. Верховного называли при этом 'алам-и калли, а областного — 'алам августейшего войска города Самарканда» или Нософа, Кеша и т. д. Обращает на себя внимание и тот факт, что должность 'алама, в отличие от должности шейхульислама, не была наследственной. Так, при Абд ал-'Азиз-хане войсковым 'аламом Самарканда сначала был ахунд мулла Турсун Фара'из, сын неизвестного кази Павайда Замини, затем ходжа Ха-

²⁰ Семенов А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях, с. 139—140.

сан — каук кази Мирак-шаха, а при Субханкули-хане — маулана азунд мулла Саид Шараф ад-Дин, т. е. упомянутый выше Мир Саид Шараф Рахим — автор «Тарих-и касира», ставший после смерти муллы Бакиджана верховным 'аламом ('алам-и калли) всей Бухары (инв. № 2727, л. 40б, 94а). Не наследственной была и должность войскового судьи (кази аскар) как в центре (назывался он «кази аскар урду-ли хумаюн» — «свойсковой судья августейшей ставки»), так и в областях, о чем мы находим немало подтверждений в настоящей антологии (инв. № 2727, л. 92а, 146а, 169а). При этом по положению областной войсковой судья стоял ниже раиса стольного города Бухары (л. 146а).

В обязанность хрониста (ваки'анавис) вменялось фиксировать важнейшие события буквально по дням. Такая должность существовала при ханах, султанах и эмирах. Но, как видно из материалов «Музаккир ал-асхаб», должность ваки'анависа устанавливалась и для иностранных послов, в обязанность которых вменялось составление путевых и иных записей посольства. Например, хаджа Абу-л-Ма'ани Балхи состоял на этой должности у Забардаст-хана — после Бабурида Аурангзеба, прибывшего в Бухару в 1699/1687-1688 г. (инв. № 2727, л. 155б).

Большой интерес вызывают сведения Малеха по топографии и о достопримечательностях Самарканда и Бухары. Здесь, например, приводятся названия многих кварталов (гузар) Самарканда (Дигри-зан, хауз-и ситгин, Вустан бала, Мир Саид Ашик, Кимхутгаран, Вустан-и хан, Гаукашин, медресе Мир Шах Малика, Сабуи-хана, Аттараи, Сангтарашан, Хан Саид имам, Хаммам-и кунджок, Ханакаш шейх Абу-л-Лайс, Вулбулак, Пул-и сафед) и Бухары (Чар-су саррафан, Базар-и нау, Лаб-и хауз, Дарназа-йи аф и др.), описываются достопримечательности Регистана и хаджа Кашфира, рассказывается о монетном дворе (дар аз-зарб) Бухары и др. Малеха приводит интересные сведения и о других городах Бухарского ханства. Вот как выглядели, например, в 1102/1690-1691—1103/1692 гг. Карши и Шахрисабз. «Несколько повествует Малеха, — весьма благоустроенный вилайет, такой, что не нуждается в [излишних] пояснениях. Кроме мечети и сардаба — первых его построек, 'Абдаллах-ханом сооружено много зданий, а Баки-бий по указанию 'Абдаллах-хана построил там медресе, [караван]-сарай, бани и каменные крытые базары» (инв. № 4270, л. 304а). О Шахрисабзе говорится следующее: «Вилайет Кеш, что значит Шахрисабз, находится, как и Самарканд, на расстоянии однодневного перехода от древних городов [Мавераннахра]. Вначале он был столицей победоносного Амир Тимур курагана, а ныне, в 1103 г. х., [он], как и Самарканд, [находится] в плачевном состоянии. Застроек времен Тимуридов в нем множество, [например] соборная мечеть, построенная хаканом-мучеником Мирза Улугбеком, а гробница его святейшества шейх Кулала находится в этой мечети. Также было построено медресе с гробницей мирза Джахангира — сына счастливого [Амир Тимура], что напротив мазара Мухаммад Шейбани, называемого Дар аз-саййидат. 'Абдаллах-хан разрушил это медресе с гробницей мирза Джахангира и [шныче] из построек великого мира сохранились только арка джавуи-ханы и доулат-ханы...» (там же, л. 306а).

ДЖАМИ' АЛ-МАКАМАТ
(СОБРАНИЕ ДУХОВНОГО СОВЕРШЕНСТВА)

Житие видного представителя религиозно-дerviшского ордена Накшбандия первой половины XVI в., крупного ученого-богослова ходжа Ахмада ибн маулана Джалал ад-Дина Касани¹⁰, известного под прозвищем Махдум-и 'Азам — «величайший господин» (866/1461—1462—949/1542)¹¹. Составлено в 1026/1617 г. его внуком ходжа Абу-л-Бака ибн База ад-Дином; основано на информации ближайших сподвижников Махдум-и 'Азана: маулана Мухаммада 'Али Аксакета, маулана Дост сакхафа, маулана Баба-и хаджрадары, Хафиз Ибрахима и др.

Сведения об авторе «Джами' ал-макамаат» весьма скудны. Отрывочные и далеко неполные сведения о нем, содержащиеся в настоящем сочинении, характеризуют его как образованного и, вместе с тем, состоятельного человека — купца, разъезжавшего со своими товарами по ряду стран Востока (Балах, Икля, Кашгар), а впоследствии мелкого чиновника — исполнителя распоряжений (хукмгир) Шейбанида 'Абд ал-'Азиз-хана. Позднее, по поручению правителя Ферганы (автор именует его Махдум-шахом), он исполнял должность посла в Казахстане и жил там в течение двух лет; терпел много невзгод и лишений и с большим трудом возвратился к себе на родину (л. 104а—105а, 110а—110б, 243б—244а). В 1556 г. во время осады Бухары 'Абдаллах-ханом II он, вместе с ходжа Мухаммад Неламом, по просьбе Бурхан-султана ездил в ставку 'Абдаллах-хана II для заключения мира¹². Другими сведениями о ходжа Абу-л-Бака мы не располагаем.

Настоящее сочинение состоит из краткого традиционного предисловия (л. 1б—3а), заключения — хатима (л. 247б—251а) и трех глав. В первой главе (л. 3а—11б) излагается генеалогия ходжа Ахмада, возведенная, как во всякой агнографической литературе, до пророка Мухаммада, приводятся отдельные сведения о наиболее выдающихся предках этого ишана. Вторая и третья главы (л. 11б—247б) целиком и полностью посвящены «чудотворным» деяниям Махдум-и 'Азана, его встречам и беседам со своими многочисленными учениками и последователями. В хатиме повествуется о болезни и смерти ишана, включившейся в селени Дахбед близ Самарканда в субботу в полдень 21 мухаррама 949 г. х.

Несмотря на фантастичность помещенного в нем материала, «Джами' ал-макамаат» содержит много ценных и интересных сведений по политической истории Средней Азии первой половины XVI в., а также сведений социально-экономического, биографического и географического характера. Этот материал, разбросанный по всему труду и как бы затерявшийся между легендарными рассказами о чудесах и деяниях Махдум-и 'Азана Касани, дает новые, не встречавшиеся ранее в нарративных источниках, факты о междоусобной борьбе в Средней Азии, особенно усилившейся после гибели Шейбани-хана;

¹⁰ До нас дошло около 30-ти сочинений ходжа Ахмада Касани, посвященных вопросам этики, дerviшской морали, путем совершенства последнего местного ордена Накшбандия, вопросам шариката и тариката (Краткие сведения о них см.: СФР АН УзССР, т. III, с. 228—235).

¹¹ По другим данным (Махдум ал-таджид, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 80, л. 29а) он умер несколько позднее — в 951/1544 г.

¹² Абдулламова, т. I. Ташкент, 1966, с. 264.